

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 5 ЯНВАРЬ 1983

Фотограф Ольга Кочеткова:
— Улыбнитесь!..

ПО Н

Срочный ремонт телевизоров привычен Якову Кочмареву

П. А. Купцов, ветеран службы быта, лучший мастер по ремонту очков.

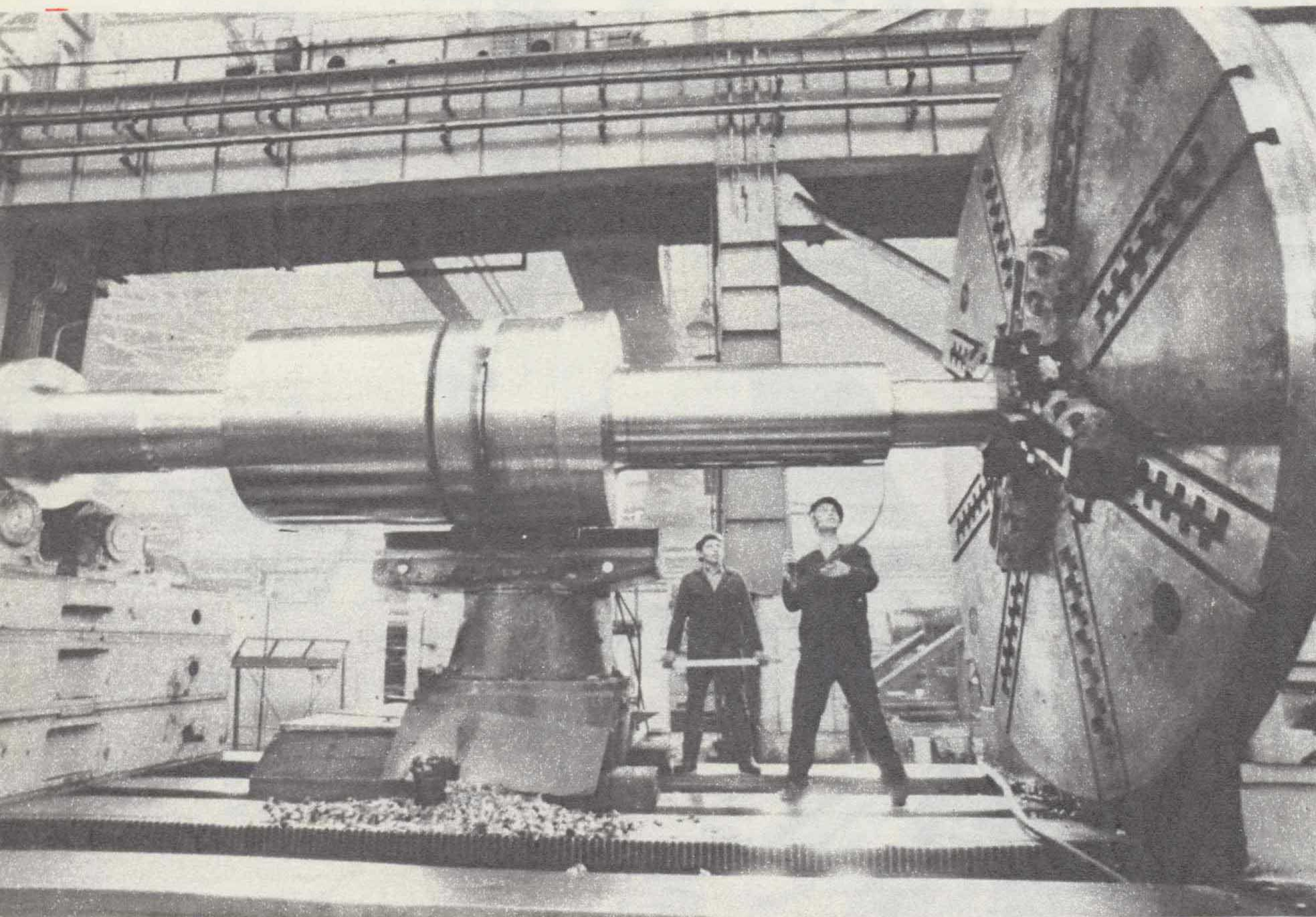
В Пензе все часы ремонтируют на этом маленьком часовом заводе.

ОВОМУ ГРАФИКУ

Закройщица Н. Л. Золкина.

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в минувшем году.

В 1982 году — году 60-летия образования СССР — был обеспечен дальнейший рост общественного производства и народного благосостояния.

По сравнению с 1981 годом национальный доход, использованный на потребление и накопление, составил 102,6 процента; производительность труда в промышленности — 102,1 процента, в сельском хозяйстве (общественное производство) — 106 процентов, в строительстве — 102 процента. Прибыль по народному хозяйству возросла на 3,5 процента. Розничный товарооборот государственной, кооперативной и колхозной торговли составил 100,3 процента; ввод в действие общей площади жилых домов — 100,5 процента. Оборот внешней торговли возрос на 8,4 процента.

Продолжалось осуществление 170 научно-технических программ. Во всех отраслях народного хозяйства внедрялись достижения науки и техники. За истекший год создано 3,5 тысячи образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации, на промышленных предприятиях установлено более 11 тысяч механизированных поточных и автоматических линий, переведено на комплексную механизацию и автоматизацию более 5 тысяч участков, цехов, производств, создано 520 автоматизированных систем для учета, планирования и управления, в народном хозяйстве использовано 24 тысячи изобретений и почти 4 миллиона рационализаторских предложений.

Продукция промышленности возросла по сравнению с 1981 годом на 20 миллиардов рублей и превысила 723 миллиарда рублей (в оптовых ценах предприятий на 1 января 1982 года).

Объем продукции сельского хозяйства в 1982 году составил 126 миллиардов рублей, а годовой прирост — 5 миллиардов рублей.

За счет всех источников финансирования построено 2 миллиона новых благоустроенных квартир общей площадью около 107 миллионов квадратных метров, в том числе в сельской местности — около 32 миллионов квадратных метров. Жилищные условия улучшены примерно 10 миллионам человек.

Численность населения Советского Союза на 1 января 1983 года составила 271,2 миллиона человек.

ШИРЕ ШАГ ПЯТИЛЕТКИ

На снимке: производственное объединение «Новокраматорский машиностроительный завод». Идет обработка ротора гидротурбины.

Фото И. Бруя (ТАСС)

Георгий РОЗОВ

Фото автора

Татьяна Черкасова — самый популярный тамада в Пензе. Впрочем, в штатном расписании «Пензаоблразнобыта» (аналога московской фирмы бытовых услуг «Заря» и ленинградских «Невских зорь») Татьяна числится распорядителем свадебного застолья. На тамаду очередь! Время Черкасовой занято на три месяца вперед. Не простаивают и другие ее пензенские коллеги. Всего их десять, но было бы несправедливо не сказать, что в эту великолепную десятку проник единственный мужчина — пятидесятилетний баянист Валерий Михайлович Ершов... Я не стал бы упоминать о необычном свадебном сервисе, если бы он не показался мне наглядным примером деловитости руководителей пензенской службы быта.

Галина Евгеньевна Курочкина — глава областной справочно-информационной службы. Как-то раз, перечитывая прейскурант, она вдруг остановилась на строчке, где значилось: «Заполнение бланка от руки...» Вот так и было положено начало еще одной услуге.

Если вам когда-нибудь приходилось получать новую квартиру, оформлять дарственную на жилье, то вам нельзя было миновать бюро технической инвентаризации при горисполкоме. Тут прежде всего заполняется бланк заявления, в который вносится уйма сведений — имеете ли вы сами жилплощадь и какую, имеют ли таковую ваши ближайшие родственники и еще много-много всякой информации. Бланк должен быть правильно заполнен, подписан заведующим бюро и заверен печатью. Принимает заведующий бюро два часа в день и только четыре раза в неделю. Если с первого раза правильно заполнить бланк не удалось — приходите завтра. Два, а то и три дня проходили новоселы за получением визы в бюро технической инвентаризации.

А теперь Галина Белова — работница справочно-информационной службы — в считанные минуты заполняет злополучные заявления всем желающим. Служащая бюро тут же проверяет их по картотеке, а заведующий уже настолько доверяет Беловой, что ему остается лишь пробежать глазами по листу бумаги, и... можно подписывать. Прежде он успевал принять лишь двадцать человек в день — теперь семьдесят. За дверью никто не остается. Мелочь! А сколько сэкономлено нервов и времени.

— Клиент все равно получит услугу, в любое время,— говорит начальник областного управления бытового обслуживания Игорь Федорович Шкуров.— Если у вас сломался холодильник или телевизор, вы вызывали мастера, отпрашивались с работы и, проклиная все на свете, ждали его весь день. Так было. А теперь мы выполняем заказы «сегодня — на сегодня». Парикмахеры несколько лет требовали, чтобы для них ввели общий выходной день. Мы им отказывали и, как видите, оказались правы. Сейчас у нас многие службы работают без выходных и до девяти вечера. В «Рембыттехнике» введена двухсменка — с девяти до восемнадцати часов и с двенадцати до двадцати одного часа. В каждом микрорайоне без выходных работает одно швейное ателье.

Три года назад на три «Москвича»-фургончика установили радиотелефоны, и диспетчер срочной службы по ремонту телевизоров Софья Павловна Свиндлер начала принимать заявки по телефону. Вам назначают любые удобные два часа, в течение которых вы должны ждать мастера. Он приходит без опоздания. К этому в Пензе уже привыкли. Если ремонт очень сложный, то радиотехник вынет из телевизора выбывший из строя блок и заменит его на новый в течение этого же дня, в удобное для вас время с девяти утра до девяти вечера. Рация позволяет принимать заказы на ходу.

Время заказчика можно экономить и простым изменением системы оплаты труда. Так, например, прежде абонементное обслуживание телевизоров оплачивалось сдельно: больше ремонтов — больше зарплата. Теперь принцип иной: больше поломок — меньше зарплата. И телевизоры стали реже ломаться.

Закройщица из ателье «Стежок» Нина Леонтьевна Золкина экономит время клиентов, используя «жилетный метод». Изобрели его в Венгрии. На клиента надевают хитроумный жилет с мерными ленточками. По нему легко определяются все особенности фигуры. И можно сразу же шить костюм. Без промежуточной примерки. Приходите через десять дней и можете быть уверены: костюм будет сидеть, как влитой. А раньше Нина Леонтьевна заказ исполняла за 25 дней.

Пензенские часовщики пошли своим путем. Они оборудовали мини-завод с бригадно-операционным методом ремонта. В результате улучшилось его качество.

В коридоре областного управления бытового обслуживания я приметил плакат с мудрым изречением: «Всякая экономия сводится к экономии времени». В Пензе придумывают новые виды услуг, улучшают их качество, совершенствуют технологические процессы — словом, заботятся о нас, экономят наше время. И все это в конечном счете помогает укреплять дисциплину, наводить порядок на предприятиях, в учреждениях большого индустриального города.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2898)

29 ЯНВАРЯ 1983

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, закончил свою работу VI съезд художников СССР. Он продемонстрировал беспредельную преданность мастеров многонационального советского изобразительного искусства ленинской партии, их твердую решимость и впредь активно участвовать в духовном формировании советского человека. Отчетный доклад правления Союза художников СССР, сделанный председателем правления Н. А. Пономаревым, нашел живой отклик у собравшихся. В выступлениях представители творческих коллективов всех союзных республик подвели итоги работы за минувшие пять лет, воссоздали впечатляющую панораму развития советского изобразительного искусства. Делегаты проанализировали состояние всех жанров, положение дел на различных участках организационно-творческой работы. Отмечая то ценное, что вошло в актив творческого союза, они стремились заглянуть и в завтрашний день, увидеть перспективы движения вперед, нерешенные проблемы.

Съезд призвал всех советских художников всегда быть достойными своего высокого предназначения, отдать все творческие силы и талант делу служения великому народу.

С воодушевлением было принято приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. Одной из наиболее актуальных задач нашего творчества, говорится в письме, является глубокое постижение характера современника, создание многогранного образа положительного героя — строителя коммунизма и борца за мир.

Делегаты съезда единодушно приняли обращение к художникам мира с призывом объединить усилия в борьбе против ядерной угрозы, за победу разума и гуманизма.

Состоялся первый пленум правления Союза художников СССР, избранного на VI съезде. Пленум избрал председателем правления Союза художников СССР Н. А. Пономарева, первым секретарем правления — Т. Т. Салахова.

1.

2.

На снимках: в перерыве между заседаниями.
1. Народные художники РСФСР М. Самсонов, П. Оссовский, народные художники СССР Л. Кербель и М. Абдуллаев.
2. Народные художники СССР Ф. Решетников, М. Куприянов, Д. Налбандян, Н. Соколов, М. Аникушин.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ТРИ СТУПЕНИ СЛАВЫ

Медные трубы славы опасны для героя, может быть, именно тем, что оглушают своим победным гласом почти всегда неожиданно. Вчера еще все было тихо, а сегодня — гром поздравлений, приветствий, любопытные взгляды со всех сторон... Виктору Луневу, можно сказать, на этот раз повезло: слава пришла к нему в те дни, когда он сдавал экзамены в техникуме, и потому поток журналистов, хлынувший на завод, закружил его в водовороте внимания не слишком уж сильно. Экзаменационная сессия, да еще на пятом курсе, сама по себе дело нешуточное, но она в чем-то помогла Виктору Луневу более спокойно свыкнуться с новым своим положением. Тем более что слава пришла к нему немалая — и не в переносном, а в прямом смысле этого слова: орден Трудовой Славы I степени! Теперь он, бригадир токарей московского завода холодильного оборудования «Компрессор», стал полным кавалером ордена Трудовой Славы, а это весьма значительное событие.

Кто же он, Виктор Лунев, чем заслужил такую высокую честь? Может, совершил какой-то необычайный, яркий трудовой подвиг, может, создал что-то необыкновенное? И да и нет, потому что работу, как и трудовое величие человека, не всегда можно определить четко установленными мерками.

Взять, например, такое понятие, как мастерство: Виктор Лунев пришел на завод прямо со школьной скамьи пятнадцатилетним подростком, освоил профессии токаря, фрезеровщика, расточника, шлифовальщика, сверловщика, не просто освоил, а сжился с ними так, что вскоре именно ему, молодому парню, стали поручать наиболее сложные и ответственные задания. Добавим еще: интересные задания, потому что в работе металлиста, которую несведущие люди почему-то считают однообразной, ремесленной, механической, Лунев всегда находил место для творчества, для поиска, для азарта. Сделать то, за что не берутся другие, сделать быстрее других, сделать красиво, легко, чтобы деталь, словно вознесшаяся из чертежа, теплой игрушкой лежала в ладонях. Это ли не мастерство? Но на короткий взлет мастерства, на эффектный успех ради рекорда, «по поводу» или «по случаю» способны, наверное, многие, а Лунев неизменно верен своим принципам вот уже восемнадцать лет, что трудится на «Компрессоре».

Другая черта — чувство ответственности. Лунева как личность нельзя рассматривать обособленно, в отрыве от его бригады, цеха, всего завода. Успехи Лунева — это и успехи его наставников, среди которых на первое место можно поставить опытнейшего фрезеровщика, орденоносца Александра Дмитриевича Крупенина, и одного из лучших токарей-универсалов завода Леонида Касьяновича Якушева, у которого Виктор Лунев и сейчас учится и с которым постоянно соревнуется, и ветерана завода Владимира Васильевича Васильева, и даже Виктора Янина — молодого парня, которого луневской бригаде далеко не сразу удалось сделать настоящим рабочим. Их станки — Васильева, Лунева, Янина — стоят в цехе рядом, как бы символизируя смысл рабочей ответственности: взять все лучшее, развить, вложить в будущее!

Бригада... Это, пожалуй, главная опора Виктора Лунева. Он сам, советуясь, конечно, с руководством цеха, подбирал ее состав по основному принципу: чтобы человек любил свою работу. Первой в цехе бригада стала не сразу, но зато встала на это место уверенно, обоснованно. Их называют многостаночниками, потому что каждый в бригаде освоил все операции, необходимые для изготовления компрессорных поршней. Поршень — деталь узловая, и бригада Лунева одной из первых в цехе решила перейти на метод единого наряда, чтобы делать его «от» и «до», то есть сдавать целиком. В этом деле тоже сказался характер Лунева — ведь к новому методу сначала отнеслись на заводе с сомнением. И руководствовался он не молодой своей горячностью, не стремлением кому-то что-то доказать, а трезвой оценкой сил, точным профессиональным расчетом.

...Каждая из завершавшихся пятилеток отмечалась для Виктора Лунева новым орденом. До сегодняшнего дня — две такие награды, скоро будет вручена и третья... Три пятилетки — три степени Трудовой Славы. Три ступени всевозрастающего мастерства и непрерывного, крепнущего в годах рабочего подвига.

Б. СМИРНОВ

Наш Взгляд

ЗА ПРОЧНЫЙ МИР В ЕВРОПЕ

Владимир КАТИН

Начало 1983 года было ознаменовано крупным событием в международной жизни — принятием в Праге руководителями государств — участников Варшавского Договора Политической декларации. В ней содержится призыв к разуму человека, призыв, обращенный буквально ко всем странам и правительствам планеты: «...Нет сейчас задачи более важной для народов, чем сохранение мира, прекращение гонки вооружений. Решить ее — долг всех правительств, всех государственных деятелей, определяющих политику своих стран». И делается конкретное предложение — заключить с государствами — участниками НАТО Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира.

Каковы же могут быть реальные возможности для достижения прочного мира в Европе, для превращения континента в безъядерную зону?

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова по случаю 60-летия образования СССР определены конкретные направления, даны четкие ориентиры для достижения этой цели. Идеальным решением была бы ликвидация на европейском континенте всех видов ядерных вооружений — как средней дальности, так и тактического оружия. Такой вариант представляет собой кратчайшую прямую к четко обозначенной цели.

Однако вариант этот не единственный. Проявляя серьезную политическую волю и готовность по-деловому заняться проблемой, СССР и другие социалистические страны считают: если достигнуть такого решения в настоящее время невозможно, то целесообразно пойти по пути поэтапного радикального сокращения ядерных средств средней дальности в Европе на основе принципа равенства и одинаковой безопасности. Иными словами, можно договориться о взаимном сокращении таких средств, причем предлагается сократить их количество более чем в три раза.

Если Западу второй вариант больше подходит, то в таком случае реализовывать его следует по каналам советско-американских переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе. Это хороший канал, однако не чувствуется, что США готовы его использовать на полную мощность. Остановившись на своем так называемом «нулевом варианте», что означало бы одностороннее ядерное разоружение СССР, американская сторона не отвечает пока на перспективные советские предложения.

Есть и другие пути, чтобы разогнать ядерные тучи, нависшие над континентом. Наша страна высказывается в пользу предложений о создании безъядерных зон на севере Европы, на Балканах и в других районах Европы, о превращении в такую зону и Средиземного моря. Одним словом, нет недостатка в инициативах, в идеях о том, как уберечь континент древних цивилизаций от ядерной катастрофы.

С этой целью, в частности, в середине января в ФРГ побывал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, который провел серию переговоров с руководителями и политическими лидерами страны. Основное внимание было уделено проблемам европейской безопасности. К каким же результатам пришли обе стороны в ходе переговоров в Бонне? Дело обстоит следующим образом: как в отношении оружия средней дальности в Европе, так и по вопросу об ограничении и сокращении стратегических вооружений выявлены некоторые точки соприкосновения, но есть и расхождения. Гибкость нашей позиции, ее реализм заключаются в том, что мы всемерно стремимся сократить разрыв в расхождениях, достичь разумного компромисса. По завершении своего визита министр иностранных дел СССР подчеркнул, что к продолжению обмена мнениями, переговоров, диалога обе стороны готовы. В этом можно усмотреть дальнейшую перспективу сближения точек зрения двух стран по проблеме ядерного оружия на европейском континенте.

Во время встреч в столице ФРГ было особо обращено внимание на угрозу нового витка гонки вооружений. Речь идет о размещении в Европе сотен новых американских ракет, что означало бы обострение ядерного противостояния. Что же в таком случае вынужден был бы сделать Советский Союз? Ему пришлось бы принять соответствующие меры, и равновесие было бы, конечно же, сохранено, но уже на более высоком уровне, чем сейчас. «Однако мир при таком ходе дел,— подчеркнул А. А. Громыко,— стал бы более хрупким, а безопасность народов менее надежной».

Советский Союз — противник столь опасного развития событий. Ради решения проблемы ядерных вооружений в Европе наша страна готова пойти на многое. Конкретно это означает следующее: Советский Союз согласен иметь в европейской зоне ровно столько ракет, сколько их есть у Англии и Франции, и сократить в Европе все остальное, включая самые современные ракеты. Равные уровни СССР готов установить и на соответствующие самолеты. Что касается советских ракет средней дальности сверх согласованных для европейской зоны количеств, то они будут размещаться не ближе тех рубежей, с которых они могли бы поражать объекты в Центральной Европе.

Таковы наши конструктивные предложения, не ущемляющие безопасность ни одной из сторон. В то же время эти предложения дают Европе хороший шанс избежать опасного размещения новых американских ракет и предотвратить резкое обострение обстановки.

При всей сложности и многоплановости задача избавления Европы от ядерного конфликта реальна и достижима. Для этого требуется политическая воля всех стран континента, их энергичные совместные усилия. Усилия Советского Союза в этом направлении не ослабевают. Новые предложения Западу, сформулированные в докладе Ю. В. Андропова, Политическая декларация государств — участников Варшавского Договора, визит А. А. Громыко в ФРГ — все это предметные тому подтверждения. Все, чего Советский Союз хотел бы,— это одинаковой и надежной безопасности как для себя самого и своих союзников, так и для всех других стран. Такова наша принципиальная линия в вопросе безопасности Европы.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В одном из крупнейших городов Вьетнама, Хошимине, состоялся международный симпозиум по проблемам изучения последствий применения армией США отравляющих веществ против вьетнамского народа. Симпозиум собрал крупных ученых более чем из 20 стран Европы, Америки и Азии. Были прочитаны десятки докладов, насыщенных фактами, цифрами. На основе многочисленных исследований с неопровержимой логикой доказано: действия американских военных и правящих кругов, давших санкцию на применение отравляющих веществ, нельзя квалифицировать иначе, как военные преступления, как акцию геноцида.

По просьбе «Огонька» корреспондент Агентства печати Новости Игорь СЕДЫХ встретился в Хошимине с одним из участников симпозиума УИЛЬЯМОМ ПФЕЙФЕРОМ, известным американским ученым, профессором зоологии университета штата Монтана.

УЧЕНЫЕ РАЗОБЛАЧАЮТ

Впервые доктор Пфейфер попал во Вьетнам в 1968 году, когда до общественности Соединенных Штатов дошли наконец известия, что американская армия применяет в этой стране химическое оружие. В то время он многое сделал, чтобы совместно с другими учеными добиться прекращения этой преступной войны.

— То, что совершили Соединенные Штаты во Вьетнаме,— это преступление, которому нет никакого оправдания,— говорит профессор Пфейфер.— Более того, правительство делало и делает все, чтобы скрыть правду, а это мешает выявить весь объем последствий. Сейчас уже документально известно, что руководители химического концерна «Доу кемикал» еще в середине 50-х годов знали, что в гербициде «эйджент орандж» есть яд диоксин, однако когда правительство США запросило у них сильнодействующее средство для дефолиации деревьев, они, не задумываясь, продали свой ядовитый товар. Сегодня мы знаем имя того, кто остановил свой выбор на этом страшном продукте,— это был директор управления научно-исследовательских работ и обеспечения министерства обороны Джон Дж. Фостер-младший.

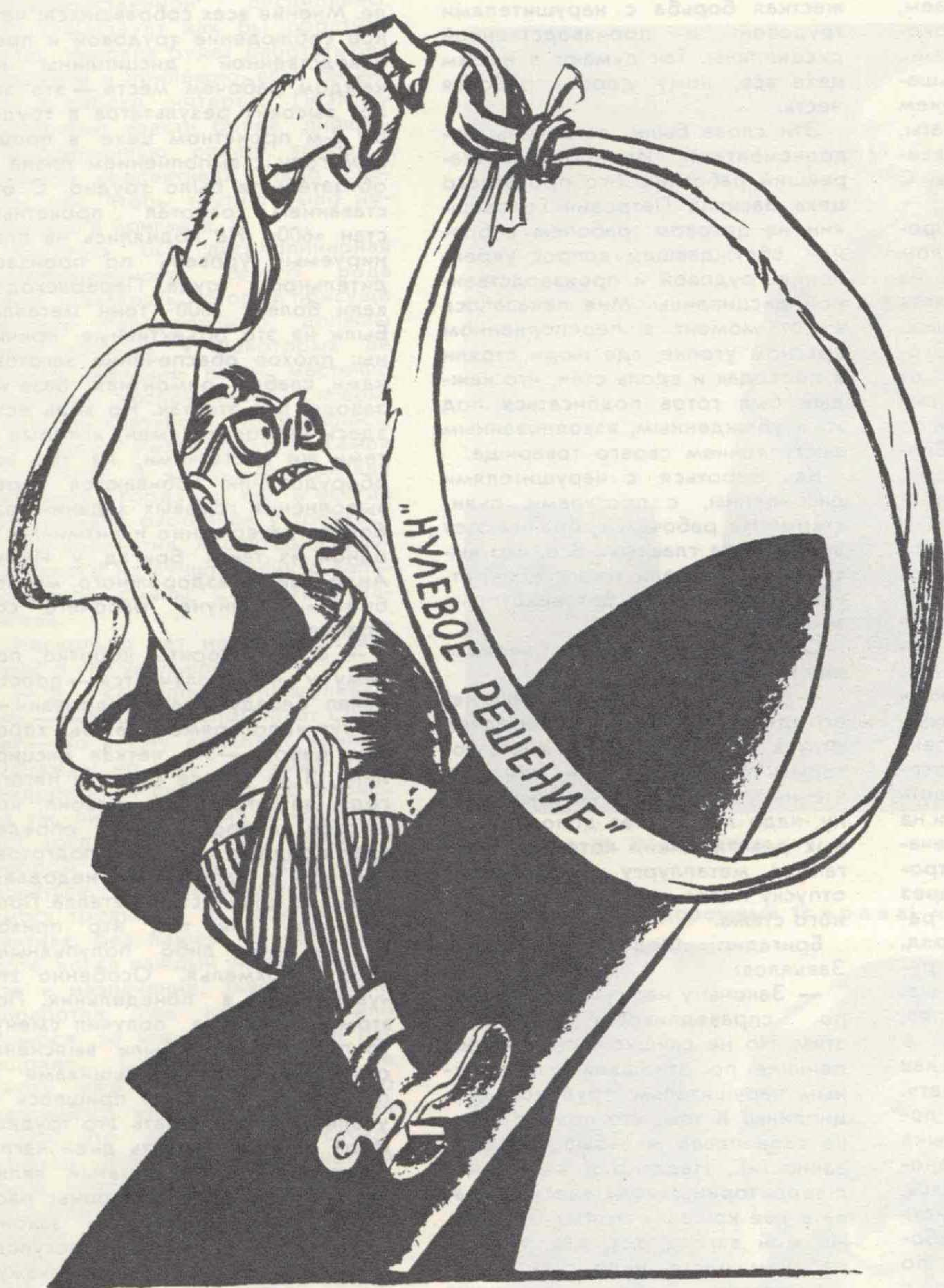
Неудивительно, что, когда мы с рядом ученых подготовили книгу «Урожай смерти» о химической войне США во Вьетнаме, официальные власти и «Доу» сделали все, чтобы помешать ее выходу в свет. Против издательства «Макмиллан», выпускавшего книгу, была предпринята кампания запугивания, из-за преследований книготорговцев ее было невозможно купить в США до недавнего времени. Да и сейчас продолжаются попытки уйти от ответственности за совершенные преступления.

Перед началом симпозиума государственный департамент предпринял ряд попыток сорвать его, на некоторых американских ученых оказывалось давление с целью отговорить их от поездки во Вьетнам. Нажиму подверглись даже некоторые организации ООН, собиравшиеся прислать своих представителей на симпозиум.

В Вашингтоне не только стремятся замолчать свои прошлые преступления, но и делают все, чтобы люди не узнали правду о страшных последствиях химической войны. Наш долг, долг ученых,— разоблачать эту ложь и говорить правду о тех страшных и порой непоправимых последствиях, которые принесла химическая война США во Вьетнаме. Такое не должно повториться.

Хошимин.

Одностороннего разоружения СССР не будет!

Упорно
Надежды на нуль возлагают
И свой «нулевой вариант»
Предлагают...
Скажите,
Кто в Штатах стоит у руля,—
Не стоит ли ваше упорство
Нуля!!

Николай ЭНТЕЛИС

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Американская администрация рекламирует свой так называемый «нулевой вариант», под которым она подразумевает одностороннее ядерное разоружение Советского Союза.

Р А Б О Ч Е
М Н Е Н И

А. ПОПОВ,
фото Г. СТРЕЛЬНИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Если театр начинается с вешалки, то завод — с проходной...

В четыре часа пополудни, после дневной смены, на центральной проходной Златоустовского металлургического завода куражился пьяненький. Залпом допив из горлышка «красненькую», он с уханьем и молодецкими приседаниями пытался ударится в пляс.

— Постеснялся бы! — крикнула ему вахтер Римма Павловна Законова.— Ни стыда, ни совести у людей... Вот сейчас позвоню куда следует!

Пьяненький подмигнул и запел.

Мы направили на него объектив фотоаппарата. С плутоватой улыбочкой он вскинул руки вверх: мол, хоть казни, ребята, а нам все нипочем — гуляем нынче мы.

— И часто такое случается?

— Да уж вот так-то чтобы совсем пьяным, — не особо,— вздохнула Римма Павловна.— Чаще просто подвыпившие идут и на завод и обратно. Плохо, что всех их не остановишь — каждому в глаза заглядывать не станешь.— Она задумалась и покачала головой.— Ох, распустили этих пьянчужек... Законов на них нет, а слова они мало понимают.

Мы не случайно начали свой рассказ с этого печального эпизода. К сожалению, он в чем-то типичен для сегодняшней жизни завода и вызывает тревогу не только Риммы Павловны Законовой. Накануне новогоднего праздника в отделе кадров нас познакомили с неутешительной статистикой за год. В минувшем 1982-м по заводу зафиксировано 555 прогулов. Явных. А сколько осталось скрытых! Ведь часто бывает так: если лодырь, пьянчужка прогулял, то страдает целый коллектив — он уже не сможет получить призового места в социалистическом соревновании. И это заставляет руководителей смен, бригад замалчивать, утаивать проступки... Но и эти 555 невыходов на работу по неуважительным причинам заставляют о многом задуматься: потеряно 2860 человеко-дней. Недодано стране продукции на сотни тысяч рублей.

686 работников предприятия побывали в медвытрезвителях. 62 судимы за мелкое хулиганство. 42 привлечены к уголовной ответственности. Как правило, все правонарушения были совершены в нетрезвом состоянии. Старая истина: пьяный — потенциальный преступник.

— До каких пор с этим мириться? — рассуждал секретарь заводской комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом Раис Исламович Рахмангулов.— Наша комиссия существует вот уже около семи лет. По понедельникам мы вызываем сюда злостных прогульщиков и пьяниц. И воспитываем, воспитываем, убеждаем, отправляем на лечение в наркологический кабинет, наказываем... А число нарушителей не уменьшается. Видно, некоторых лишением премии, тринадцатой зарплаты, переводом на нижеоплачиваемую работу уже не проймешь. С него все как с гуся вода...

Встреча с Рахмангуловым произошла перед самым началом работы комиссии. В тот день на утро были приглашены девять нарушителей. Двое не явились. Понедельник—день тяжелый. Особенно когда голова тяжела от вчерашнего выпитого,— кто-то высказал и такое предположение по поводу неявки товарищей... Возможно, верное. Почти каждый, кого вызвали, пьет не первый день.

Электромонтер Волков на комиссии уже в третий раз. 11 декабря не вышел на работу. В середине месяца прогулял два дня кряду. На вопрос «Почему?» невозмутимо отвечает: «Напился». Огнеупорщик Нариманов 8 декабря пришел на работу пьяным. Считает, что «ничего тут особенного не произошло. Выпил-то всего по «красненькой» с другом детства. Столько лет не виделись, и на тебе — перед проходной встречаемся!» Слесарь Артемкин устроился на завод 9 ноября, а через день пропал, не появлялся на работе несколько смен подряд. «Упал в подъезде и вывихнул руку»,— твердит он одно и то же. Слесарь Смольников прогулял, «потому что болела спина. А «Скорую» вызвать не мог, так как телефона у соседей тоже нет». Стропальщик Подтеребков появился на работе таким, что лыка не вяжет. «Два дня копали одному товарищу могилу»,— улыбаясь, говорит он. Помощник машиниста Охов не мог появиться на рабочем месте «из-за товарищей по армии. Нагрянули неожиданно, с водкой. Я им говорю: не пью в рабочее время, у нас строго. Они улыбаются, смеются: мол, знаем ваши строгости, подумаешь, выговор вкатят».

Надо видеть, с какими ужимочками и улыбочками произносились эти заранее приготовленные объяснения. Редко кому было стыдно. Похоже на то, что разудалая бесшабашность друзей Охова твердо укрепилась и в его сознании, да и всех тех, кого пригласили сюда...

— Пора решительно кончать с расхлябанностью, разгильдяйством, пьянством. Слишком долго мы терпим прогульщиков, бракоделов, пьянчужек. У каждого добросовестного человека много накипело в душе против их вызывающего поведения. Терпению приходит конец. Необходима самая жесткая борьба с нарушителями трудовой и производственной дисциплины. Так думают в нашем цехе все, кому дорога рабочая честь.

Эти слова были встречены аплодисментами. Их произнес старейший работник 2-го прокатного цеха Василий Петрович Головешкин на цеховом рабочем собрании, обсуждавшем вопрос укрепления трудовой и производственной дисциплины. Мне показалось в тот момент в переполненном красном уголке, где люди стояли в проходах и вдоль стен, что каждый был готов подписаться под этим убежденным, взволнованным выступлением своего товарища.

Как бороться с нарушителями дисциплины, с прогулами, пьянством? На рабочем собрании этот вопрос был главным. Все, кто выступил, высказали много конкретных предложений. Вот некоторые мнения рабочих.

Оператор Владимир Свиридович Никулин:

— Считаю, что прогульщику необходимо сокращать очередной отпуск на то количество дней, которые он прогулял. А каждого, кто нарушает трудовую дисциплину, надо лишать тех дополнительных девяти дней, которые полагаются металлургу к основному отпуску после пяти лет непрерывного стажа.

Бригадир Федор Васильевич Завьялов:

— Законы у нас гуманные. И мы по справедливости гордимся этим. Но не слишком ли мы добренькие по отношению к злостным нарушителям трудовой дисциплины? К тем, кто помнит только свои права и забыл про обязанности?.. Недавно я видел, как с территории завода уносили сдавать две кошелки пустых бутылок. На мой взгляд, тех, кто пьет на рабочем месте, надо судить!

Оператор Любовь Никитична Мурзина:

— В трудовой книжке рядом с графой «Сведения о поощрениях и награждениях» стоит ввести и поспужной список взысканий.

Мастер участка Владимир Николаевич Якушев:

— Часто из-за прогульщика страдает весь коллектив. Его лишают первого места в социалистическом соревновании. Это не совсем справедливо. Любой нарушитель должен отвечать за свои проступки сам и сполна. Считаю, что с пьяницы, прогульщика, бракодела необходимо взыскивать тот ущерб, который он нанес производству, социалистической собственности. Мы все рабочие люди и думать должны прежде всего о деле.

Именно так, на производстве нужно думать прежде всего о деле. Мнение всех собравшихся: четкое соблюдение трудовой и производственной дисциплины на каждом рабочем месте — это залог высоких результатов в труде. Во 2-м прокатном цехе в прошлом году с выполнением плана и обязательств было трудно. С отставанием работал прокатный стан «600». Не поднялись на планируемый уровень по производительности труда. Перерасходовали более 2000 тонн металла. Были на это объективные причины: плохое обеспечение заготовками, слабая ремонтная база на заводе. Все это так. Но ведь есть здесь несколько смен, которые с теми же поставками, на том же оборудовании добиваются перевыполнения годовых заданий, работают качественно и ритмично. В одной из таких бригад, у Ивана Андреевича Раздорожного, мы побывали накануне рабочего собрания.

— Если говорить коротко, почему у нас получается,— просто начал беседу Иван Андреевич,— то тут надо прямо сказать: хорошая работа — это четкая дисциплина. Я на заводе с сорок пятого года, за это время усвоил, что многое на производстве определяет порядок. Из-за неподготовленности к работе мы недодаем большое количество металла. Проще — по вине тех, кто приходит в цех либо полупьяным, либо с похмелья. Особенно это чувствуется в понедельник. Поэтому, когда я получил смену, то прежде всего были выяснены отношения с прогульщиками и пьяницами. Кое-кого пришлось уволить. Хотя сделать это трудно. Иной двадцать девять дней нагло прогуляет, а на тридцатый является. И его уже не тронь: рассчитать его можно по закону только после месяца прогулов. Пользуясь случаем, сразу скажу: по мне, так нужно дать право администрации увольнять нерадивых без долгих разговоров, по решению рабочих собраний. Мнению коллектива следует больше доверять... Так вот, освободились мы от тех, кто ни товарищей, ни мастера, никого в грош не ставил. С остальными стали серьезно работать. Как?.. Мое мнение такое: на добросовестный, дисциплиниро-

Е

Е

Идет рабочее собрание.

Выступает Ф. В. Завьялов.

Мастер И. А. Раздорожный (справа) и вальцовщик С. Сунагатов.

ванный труд мало человека настроить, его еще надо заинтересовать. Вот, например, сейчас премии в бригаде начисляют с учетом коэффициента трудового участия каждого. Коэффициент — оценку труду — выставляет в конце смены совет бригады. Теперь уже тот, кто мог отсидеться за спиной товарищей и получить премию, как все, тоже старается. А желание каждого сделать лучше и больше — это гарантия высокой производственной дисциплины. Тут существует как бы обратная связь. Человек будет работать без прогулов и прилежно, если он видит в работе интерес. Поэтому предлагаю ввести более дифференцированную оплату труда в рабочих коллективах. Надо сделать так, чтобы трутню было неповадно в бригадах.

Казалось бы, дисциплинарная требовательность, своего рода даже жесткость, которые присущи бригаде Раздорожного, должны были вызвать у некоторых ее членов желание найти местечко потеплее, поспокойнее. Словом, породить «летунов». Но оказалось, что смена Раздорожного самая стабильная в цехе. За бригаду держатся, гордятся ею, и всегда есть немало охотников устроиться в этот коллектив. Характерна судьба одного из лучших сейчас вальцовщиков смены, Себагата Сунагатова.

Несколько лет назад встал вопрос о его увольнении.

— Я, случалось, прогуливал, пил,— смущаясь, вспоминает Себагат.— Но всему приходит конец... Однажды ко мне подошел Иван Андреевич и сказал: либо берись за ум, либо уходи из бригады. И вот когда вопрос был поставлен ребром, я понял, что пора остановиться. Почувствовал, что не смогу трудиться в другом коллективе, без нашей четкости в работе, когда каждый знает свое место и назначение, знает, сколько заработал, где недоделал или ошибся, за что наказали или поощрили... Словом, я понял: не смогу уже без всего того, что называется высокой дисциплиной труда. Это не красивые слова: чувство порядка и лада, четкий ритм, хорошая организация труда нравятся и просто необходимы человеку. Тогда дело в руках спорится... И я дал себе слово работать, как принято в нашей бригаде,— на совесть.

Работа на совесть!.. Она без сознательного, ответственного отношения к своему труду, без высокой дисциплины невозможна. В смене Раздорожного это поняли.

Требуется понять эту истину всем.

Златоуст.

В Москве состоялся VI Всесоюзный съезд научно-технических обществ. В его работе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков.

На снимке: в зале заседаний съезда. **Фото А. Гостева**

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Борис ЩЕРБАКОВ,
народный художник РСФСР

В далеком 1934 году, будучи студентом Академии художеств, отправился я в Михайловское. В то время это был тихий, заброшенный уголок. Сиротливо стоял домик Арины Родионовны в зарослях сирени, фундамент господского дома зарос бурьяном. Сюда приезжали лишь истинные любители Пушкина да ученые, стремившиеся обогатить свое понимание творчества великого поэта, окунуться в мир природы, столь близкий его сердцу.

Так, еще неосознанно, было положено начало моих странствий по литературным местам. 1959 год оказался для меня решающим в работе над большой пейзажной сюитой, посвященной великим художникам слова. Тогда я впервые приехал в Ясную Поляну, и там окончательно сложился замысел: в живописных образах показать не просто те или иные мотивы мемориального характера, а картины природы (сейчас их более трехсот), дающие понятие об Отчизне нашей, как понимали и представляли ее себе замечательные русские писатели. В произведениях, письмах, записках Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого мы находим ярко и недвусмысленно выраженное понятие о том, что такое Родина, которую любили они «истинно, свято и разумно».

Толстой сразу дал мне четко сформулированную идею созревавшего замысла: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны, я может быть яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его». Не простое то чувство, и его прекрасно выразил Лермонтов в стихотворении «Родина»:

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

И далее поэт рисует картины природы, воплощенной в живописи лишь через несколько десятилетий Саврасовым, Шишкиным, Ф. Васильевым, Левитаном.

Работа над пейзажами, связанными с жизнью и творчеством Лермонтова, была не только источником радости и возможностью любоваться красотами окрестностей. Печать рока лежала на всем, даже когда я писал «Ивы у святого колодца»; казалось, они, шевеля тонкими ветвями, хотели поведать о трагедии.

Необходимость неразрывной связи с Родиной с особой остротой ощущал Тургенев, которому в силу сложившихся обстоятельств личной жизни приходилось подолгу жить во Франции. Нельзя не вспомнить здесь строки из его повести «Рудин»: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится».

Великий художник-реалист оставил нам немало картин русской жизни и природы. Неоднократны его свидетельства о радостных переживаниях при встрече с родной землей: «Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного — а мне весело. Это и есть чувство Родины».

Не будучи урожденным орловцем, я, странствуя с этюдником по тропам Тургенева, испытывал то же «отрадное чувство», когда открывался передо мной широкий простор зеленого Бежина Луга, опоясанного серебристой лентой реки. И где бы я ни был — в стране ли Пушкина, где предстают с Лесистого холма «двух озер лазурные равнины», или в окрестностях Ясной Поляны, перед необъятной далью заречных лесов,— везде это «чувство Родины», усиленное ярким, образным словом писателя, сопровождало меня.

Знакомство с мыслями выдающихся русских писателей, вызванными общением с природой, обогатило мое представление о возможностях пейзажной живописи, убедило в том, что главным героем каждого произведения должна быть правда, без всяких ухищрений и расчетов, но с учетом подлинно профессиональных знаний художником незыблемых законов искусства, основанных на законах природы.

Нередко совсем обычный мотив вызывает раздумья о чем-то значительном. Однажды, в один из летних дней, я был захвачен грозой среди ровного поля. Мрачные тучи быстро неслись над головой, поднялся сильный ветер, гнулись деревья, метались из стороны в сторону прижатые к земле травы. Вдруг среди этой тревоги и мрака ударил луч солнца, ослепительно ярко осветив часть широкого луга, небольшую группу берез. Мне удалось сделать маленький этюд этого редкого момента в природе, а впоследствии в думах о нелегкой судьбе Родины, о бурях и грозах, которые пришлось ей выдержать за многовековую историю, родился замысел картины «Вихри грозовые».

Тихим вечером под Звенигородом я не мог глаз оторвать от ясного, бездонного неба, от вершин елей, освещенных последними лучами заходящего солнца. С каждой минутой менялись и гасли краски, и в этой быстротечности я почувствовал пульс времени, неумолимость его движения. «День догорает»— так потом назвал я картину, но почти целое лето приходил ясными вечерами на ту поляну, чтоб оставить след чудесных минут на холсте.

Природа настолько многолика и бесконечно разнообразна в своих проявлениях, что всегда находится мотив, чем-то трогающий душу. Даже в скучный, серенький денек, когда все так обыденно. Но вдруг легкий ветер шевельнет ветки молодых берез на поляне, и повеет свежестью, и уже бодро смотрим мы в темнеющую даль с надеждой, что день не пройдет даром. Так родился небольшой пейзаж «Свежий ветерок». И все это Родина, все то, без чего человек жить не может, что дает ему силы в трудную минуту, покой в дни тревог и чистую радость, когда счастье коснется вдруг своим легким крылом.

Невольно вспоминается одна из записей в дневнике Толстого 1894 года: «Смотрел... на прелестный солнечный закат... И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

Б. Щербаков. Род. 1916. М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. 1964

Б. Щербаков. ИВЫ У СВЯТОГО КОЛОДЦА. АПАЛИХА — ТАРХАНЫ. 1977

К 40-ЛЕТИЮ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

ОПЕРАЦИЯ „КОЛЬЦО"

И. С. ГЛЕБОВ,
генерал-полковник,
профессор

Операция «Кольцо» — так назывался второй, завершающий этап Сталинградского контрнаступления. Она готовилась и проводилась в обстановке, когда после окружения 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии немецко-фашистских войск инициативой уже владели Советские Вооруженные Силы. В декабре 1942 года Юго-Западный фронт успешно провел наступательную операцию «Малый Сатурн», что не только отодвинуло на запад внешний фронт окружения, но и вынудило Тормосинскую группировку фашистов отказаться от наступления. Вслед за этим была проведена Острогожско-Россошанская операция, затем войска Сталинградского фронта разгромили котельниковскую группировку «Гот». Внешний фронт окружения отодвинулся уже на 200—250 километров.

Войска Донского и Сталинградского фронтов сразу же после окружения 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии неоднократно предпринимали наступление с целью разгрома окруженного противника. К сожалению, безуспешно. Причин неудачи было немало. Прежде всего окруженный противник был очень силен: 330 тысяч человек, 340 танков, 5230 орудий и минометов. Немаловажно и то, что враг занимал хорошо подготовленные оборонительные позиции и оказывал упорное сопротивление, надеясь на помощь, обещанную Гитлером. Между тем наши войска не располагали решающим превосходством ни в людях, ни в технике. Больше того, в связи с перегруппировкой наших войск на некоторых участках превосходство было у противника. Правда, артиллерии и авиации у нас было больше.

В связи с этим представитель Ставки А. М. Василевский предложил ударом трех армий расчленить, а затем уничтожить противника по частям. В конце концов разгром окруженной в Сталинграде группировки было приказано осуществить Донскому фронту. Причем ему были подчинены 62-я, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта.

Представителем Ставки на Донском фронте был назначен генерал-полковник Н. Н. Воронов. А. М. Василевский убыл в Москву. Причем при отъезде он заметил: «Успех операции будет решать правильное применение артиллерии».

Командующий войсками Донского фронта К. К. Рокоссовский поставил задачу командующему 65-й армией П. И. Батову готовить операцию по разгрому окруженной группировки, руководствуясь указанием А. М. Василевского.

П. И. Батов приказал мне как начальнику штаба 65-й армии немедленно приступить к разработке операции в тесной взаимосвязи со штабом фронта и соседними армиями. Я пригласил своего заместителя, ныне полковника в отставке Ф. И. Леписа, и мы быстро нанесли на карту замысел операции и решение командующего армией. Одновременно были обсуждены вопросы артиллерийского и авиационного наступления.

В течение следующих дней П. И. Батов побывал во всех дивизиях первого эшелона, где с каждым командиром дивизии, полка, а иногда и батальона, уточнил на местности задачи и способы их выполнения. Особое внимание обращалось на надежность огневого поражения противника. Девиз «Берегите пехоту. Расчищайте ей дорогу огнем!» был близок и понятен всем.

Именно поэтому особое внимание мы уделили планированию артиллерийского наступления и согласованию действий с авиацией 16-й воздушной армии. Для проведения артиллерийского наступления были созданы группировки, обеспечивающие плотность в 165 орудий и минометов на один километр фронта. Такого количества стволов мы еще никогда не имели. Также впервые был применен огневой вал для поддержки атаки пехоты и танков на глубину до двух километров. Большая роль отводилась орудиям сопровождения, которые прямой наводкой должны уничтожать многочисленные пулеметные гнезда.

В результате такой тщательной подготовки операции «Кольцо» нам удалось создать решающее превосходство над противником на направлении удара как в людях, так и в технике.

Очень серьезно мы занимались и организацией воздушной блокады группировки Паулюса.

За время блокады наши зенитчики и летчики-истребители сбили около семисот самолетов врага. «Воздушный мост», на который так надеялись гитлеровцы, был уничтожен.

Перед началом наступления на командный пункт 65-й армии прибыли командующий войсками Донского фронта К. К. Рокоссовский, представитель Ставки Н. Н. Воронов, командующий ВВС А. А. Новиков и член Военного совета фронта К. Ф. Телегин. Они подробно ознакомились с планом операции и ходом подготовки, еще раз указав на роль артиллерии и авиации. П. И. Батов доложил о решении Военного совета армии обеспечить всех солдат и офицеров усиленным питанием, причем дважды в сутки — непременно горячим. Кроме того, в связи с тем, что наступили сильные морозы, весь личный состав обеспечен теплым бельем, полушубками, валенками, варежками и даже свиным жиром для смазывания лица. В районах огневых позиций артиллерии, выжидательных и исходных позиций танков построены обогревательные пункты.

И вот настало утро 10 января. После мощной бомбежки и артподготовки в 10.00 пошли танки и поднялась пехота. К исходу дня главная полоса обороны противника была прорвана. На некоторых участках нам удалось вклиниться на два-три километра.

В ночь на 11 января П. И. Батов решил ввести свои резервы: 23-ю Харьковскую ордена Ленина Краснознаменную стрелковую дивизию. К 23-й стрелковой дивизии у меня были особые симпатии. Я служил в ней в конце двадцатых годов и участвовал вместе со всеми в строительстве Харьковского тракторного завода. За это наша дивизия первой в Красной Армии была награждена орденом Ленина! В ожесточенных кровопролитных боях к исходу 12 января задача по разгрому Карповской группировки противника была выполнена. Как мы и рассчитывали, большую роль в успешном продвижении пехоты сыграли орудия сопровождения. Они буквально в упор расстреливали танки противника, бронетранспортеры и пехоту. Командир дивизиона, кавалер ордена Ленина капитан А. С. Коченюк развернул на высотах все зенитные орудия дивизиона и вел огонь прямой наводкой по вражеской пехоте, бронетранспортерам и даже танкам.

13 января начался второй этап наступления. Наши войска прорвали оборонительный рубеж противника по реке Россошка и дальше шли на восток уже единым фронтом пяти армий одновременно. 17 января 62-я армия полностью овладела Мамаевым курганом.

К 17 января противник организовал оборону на подготовленном в свое время нами оборонительном обводе Сталинграда. Для прорыва на этом участке мы снова организовали массированный удар артиллерии и авиации, правда, лишь через пять дней, когда подвезли достаточное количество боеприпасов.

В течение 22—25 января шли ожесточенные бои. Враг понимал, что дело идет к концу. Наши войска уже заняли южную часть Сталинграда, овладели Александровкой и Городищем. Противник занимал не более ста квадратных километров, но сопротивлялся отчаянно. Командование окруженной группировки прекрасно понимало бессмысленность сопротивления, но продолжало бросать своих солдат в огонь. Только с 10 по 25 января враг потерял убитыми, ранеными и плененными более ста тысяч человек. А ведь этих жертв можно было избежать.

Советское командование вторично предложило окруженной группировке капитулировать, но и на этот раз наше предложение было отвергнуто.

С утра 26 января наши войска с запада и с востока перешли в решительное наступление навстречу друг другу с задачей соединиться и расчленить окруженного противника на две группы. К середине дня эта задача была выполнена. Теперь дивизии противника были расчленены на две группы: южную — в центральной части города во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом и северную — в заводской части города во главе с генералом Штреккером.

27 января войска Донского фронта приступили к выполнению последнего, завершающего этапа операции — разгрому расчлененных группировок окруженного противника. 64-я, 57-я, 21-я и 62-я армии в течение трех дней стремительным наступлением разбили южную группировку на ряд еще более мелких групп. Было установлено местопребывание Паулюса и предъявлено требование о капитуляции северной группе. Вместе со штабом Паулюс сдался в плен.

Между тем северная группировка противника, занимающая развалины поселка и заводов Красный Октябрь, Баррикады и Тракторный, продолжала упорное сопротивление.

Утром 1 февраля состоялся пятнадцатиминутный, но чрезвычайно мощный артиллерийский удар по позициям противника. Потом такая же мощная бомбежка. После этого началась атака сразу трех наших армий. В начале складывалось впечатление, что противник продолжает упорное сопротивление. Но вскоре немцы начали сдаваться в плен: сперва десятками, потом сотнями, а в конце дня — тысячами. В полдень 2 февраля ликвидация северной группировки была закончена.

Так закончилась битва за Сталинград. В тот же день вышел приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, в котором он отметил заслуги войск Донского фронта и объявил им благодарность за успех в разгроме войск Паулюса.

За двести дней и ночей Сталинградской битвы немецко-фашистский блок потерял четвертую часть своих сил на советско-гер-

Бои шли за каждый этаж...

После жаркого боя такая же жаркая «барыня».

Короткий перекур перед атакой.

Бесславный конец Паулюса и его генералов. **Фото Г. ЛИПСКЕРОВА**

Фото Г. ЗЕЛЬМЫ

манском фронте. Общие потери врага составили около полутора миллионов солдат и офицеров. Только с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года, то есть в период наступления войск Красной Армии, немцы потеряли свыше 800 тысяч человек, около 2 тысяч танков, более 10 тысяч орудий и минометов, около 3 тысяч боевых и транспортных самолетов, более 70 тысяч автомашин. В ходе ликвидации окруженной группировки с 10 января по 2 февраля 1943 года были полностью разгромлены 22 дивизии, взяты в плен свыше 91 тысячи военнослужащих, в том числе более 2500 офицеров и 24 генерала.

Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Советского Верховного Главнокомандования. Создались условия для продолжения наступления на всем южном крыле советско-германского фронта. Началось массовое изгнание гитлеровцев с советской земли.

Советский народ, правительство и Коммунистическая партия высоко оценили заслуги войск в Сталинградской битве. Сорока четырем соединениям и частям были присвоены наименования сталинградских и других важных пунктов района битвы. Сто восемьдесят три части и соединения были преобразованы в гвардейские, пятьдесят пять — награждены орденами. Сто двенадцать наиболее отличившихся воинов стали Героями Советского Союза. Десятки тысяч солдат и офицеров награждены орденами и медалями. Медалью «За оборону Сталинграда» награждено более семисот тысяч участников битвы.

Историческая победа под Сталинградом окончательно подорвала веру в военное превосходство фашистского вермахта как в самой Германии, так и среди ее союзников по блоку, а также среди колеблющихся «нейтралов». Результатом этого был отказ Японии и Турции от вступления в войну против СССР.

Битва под Сталинградом стала роковой для фашистской коалиции. Она положила начало распаду фашистско-милитаристского блока. Крупное поражение и большие потери немецко-фашистских войск и войск союзников Германии привели к усилению трений внутри фашистской коалиции, которые под воздействием наступления Советской Армии все больше разрастались.

В то же время победа Советских Вооруженных Сил под Сталинградом явилась могучим стимулом для общего подъема борьбы всех народов мира против фашистской агрессии.

Победа под Сталинградом стала важным стимулом для расширения масштабов антифашистского и национально-освободительного движения в оккупированных странах. В Югославии, Греции, Польше, Албании борцы за национальное освобождение и демократизацию, руководимые коммунистическими партиями, развернули против оккупантов партизанские действия, которые принимали все более организованный и активный характер. В ноябре 1942 года была создана регулярная Народно-освободительная армия Югославии.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом способствовал также консолидации и укреплению антигитлеровской коалиции. Это нашло выражение прежде всего в том, что в период Сталинградской битвы и после ее окончания началось широкое формирование воинских частей и соединений стран — участниц коалиции, которые впоследствии приняли участие в совместных с Советской Армией действиях против общего врага. В 1942 году была создана французская авиационная эскадрилья «Нормандия», которая в июле сорок третьего была преобразована в авиационный полк. В апреле 1943 года началось формирование 1-й чехословацкой пехотной бригады. Весной того же года по просьбе Союза польских патриотов началось создание 1-й польской дивизии имени Тадеуша Костюшки.

* * *

Со времени Сталинградской битвы минуло сорок лет. В истории второй мировой войны вряд ли можно найти событие, равное ей по известности и популярности. О Сталинградской битве написано много книг в нашей стране и за рубежом. Созданы фильмы, воздвигнуты величественные монументы. Достаточно напомнить, что и по сей день только во Франции более тридцати городских площадей и улиц носят почетное наименование «Сталинградская».

В Государственном музее обороны в Волгограде хранятся два особо памятных экспоната. Один из них — Грамота Сталинграду, подписанная президентом США Рузвельтом, в которой выражено восхищение американского народа храбростью, силой духа и самоотверженностью защитников города. Другой экспонат — Почетный меч, личный дар короля Великобритании Георга VI жителям города-героя. Перед отправкой в СССР этот меч был выставлен для обозрения в Лондоне и других городах. Десятки тысяч англичан прошли перед этим мечом, чтобы выразить уважение английского народа к подвигу Советской Армии.

Эти чувства уважения к подвигу советского народа и его армии по сей день живы в памяти многих жителей нашей планеты. В то же время на Западе много предпринимается для утаивания от широких масс правды об истинной роли Советского Союза в прошедшей войне, о понесенных им жертвах, о решающем значении Сталинградской битвы для хода и исхода второй мировой войны. Эти и другие исторические факты сознательно фальсифицируются недобросовестными историками.

Подобное положение вещей чрезвычайно опасно, так как ложь и клевета в отношении прошлого ведет к обману молодого поколения относительно явлений сегодняшнего дня, в первую очередь относительно истинного характера внешней политики СССР и других социалистических стран. Поэтому мы, советские люди, хотим, чтобы народы всего мира воскресили в своей памяти такое выдающееся событие второй мировой войны, как Сталинградская битва, вспомнили, какой дорогой ценой досталась эта победа над германским фашизмом, и сделали все, чтобы не допустить новой, еще более разрушительной мировой войны.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

...Первым человеком, кого Писарев увидал в «Арагви», был Назаров.

— Банкет у Арины здесь будет,— пояснил он,— в семь часов. Проверяю готовность... Ну, у вас все в порядке? Можно поздравлять?

— Завтра, видимо.

— Ну-ну... От всего сердца. Я дал все команды...

— И вас поздравляю, Станислав Федорович, с молодым кандидатом Ариной Станиславовной.

— Постучите по дереву.

Писарев представил себе, как бы фыркнул Митька, если б услыхал эту фразу большого босса. Как же все стремительно меняется, бог ты мой! Тридцать лет назад человека в узких брюках называли «стилягой», а уж того, кто носил пиджак с разрезом, молодые ревнители нравственности могли попросту задержать на улице. А сегодня стоял рядом с Писаревым первый заместитель начальника главка, и брюки у него были узенькие (сейчас, правда, стилягами считают тех, кто носит широкие, расклешенные, в которых раньше ходили ревнители), в пиджаке со шлицей, и галстук на нем был нарядный, яркий, и он не костил Писарева формализмом, а, наоборот, поддержал его идею создания нового зрелища. А что это, кстати, такое — формализм? Разве балет — от начала и до конца — не есть гимн форме? А греческая статуя? Да и вообще разве реализм существует вне формы? Что существует вне формы? Дух? Но ведь и религии ищут для себя соответствующую форму.

...Никого из тех официантов, с которыми Левон, Степанов и Писарев дружили, когда приезжали сюда — с первых своих заработков — пировать вместе с Эдиком, Мишей, Андреем, Эриком, не было уже. Работали все больше женщины, а раньше они всегда садились к Аркаше, армянину, дружочку, который не спрашивал, какой будет заказ; он приносил много зелени; тогда здесь была и кинза, и цицмати, и тархун; потом он угощал их жареным сулугуни и горячим лобио, а заключал пиршество куриной чихуртмой, господи, когда ж это было?!

...Толстая, малоподвижная официантка на их вопросы о тех блюдах, которые они всегда брали, отвечала односложным «нет»; было ей откровенно скучно; она ждала вечера, когда придут компании и закажут ветчину, водочку, колбаску, сыр, коньяк, икру, все будет, как полагается, а эти базлают про какие-то потроха — где они их видели, эти потроха?— гребешки; еще чего захотели, поди выполни план с этими гребешками, сразу в трубу вылетишь.

Писарев заметил, как Степанов набычился; положил руку на его колено, обезоруживающе улыбнулся официантке:

— Девушка, вы не сердитесь, мы бутылку тоже закажем и порцию икры возьмем... Только у моего друга мать — грузинка, он сам приезжий, поблагодарит от души, главное, чтоб зелень принесли, кавказцы без нее не люди...

Официантка подобрела, заказ приняла, «отколыхала» на кухню, а Степанов, посмотрев ей вслед с горестным недоумением, сказал:

— Саня, запомни: лишь двумя инструментами природа одарила истинных литераторов: впечатлительностью и вдохновением... Нет, правда, когда меня обидят, я писать начинаю как одержимый... И еще одно я вычитал про нас, пишущих и созидающих... Никто так легко не истолковывает в плохом свете любой поступок окружающих, никто так подозрительно не относится к обычным событиям, никто так не подозрителен и не впадает так легко в ярость или уныние, как люди, одаренные даром творить... Скажи нет?

— Скажу да.

— Серьезно, я сейчас ехал и думал все время: ну, почему возник этот самый Удалов? Он же дуб! Почему я согласился, чтобы именно он ставил мой фильм? Я всех знакомых перебрал в уме: кто-то ведь рекомендовал его мне? Значит, интрига?! Хотят подставить под удар?! Раздолбать в газете?! Критика повлияет на моих издателей, они начнут страховаться, высчитывать, что это может значить, начнут мурыжить рукописи, не включать в план публикаций; заговор, караул! Я хоть и провожу сам с собою психотерапию, но помогает далеко не всегда.

— В этом нет ничего странного, Митя. Талантливость — это определенного рода аномалия. Ньютон страдал периодическими расстройствами ума; Свифт; Глюк от пьянства умер; вспомни Руссо. Где талант, там редко встретишь логику. Тассо всю жизнь бранил королевский двор, а сам жил их подаянием и пресмыкался перед каждым, кто стоял выше его; Свифт, будучи священником, поносил религию, Руссо отрекался от всего того, что перед тем славил. Никто из больших гениев не мог жить на одном месте, как, например, я, простой смертный. Кардан метался по миру, Руссо, Эдгар По, молодой Горький; а Пушкин? А непонятная тяга к постоянным изменениям? Паскаль часто бросал физику и принимался за проповеди, Свифта всегда тянуло в политику и историю, Уолт Уитмен был счастлив, когда бросил свое плотницкое ремесло и сделался чиновником...

— Хорошо б, если ты рассказал об этом Наде лет пятнадцать назад, когда мы только начинали... А я — твоей Лидухе...

— Я — интерпретатор, Митяй, я вне категории созидателя, сиречь таланта... А вот что ты станешь делать с этим своим Феллини, я ума не приложу...

— Ты ощущаешь, как стало стремительно время, Сань? Как это гениально сформулировано: «с ярмарки», а?

— У тебя по-другому, Митяй. Ты — сам. Сам с собой. А мы в труппе, мы кончаем репетицию и ждем завтрашнего дня...

— А ты думаешь, я не жду завтрашнего дня, когда кончаю главу? Еще как жду. А все равно ужасно боюсь времени; до черта, видно, придется унести с собою идей в мир иной, я уж думаю записать побольше сюжетов, которые не успею... которые могу не успеть реализовать... Ничего фраза, а? «Реализатор сюжетов»...

— Ты — сам,— повторил Писарев.— Тебе труднее.

— Левона Кочаряна часто вспоминаешь?

— Очень.

— Я — каждый день. Утром и вечером... Странное мы поколение: вот-вот пятьдесят, времени стали бояться, а внутри все равно ощущаем себя мальчишками. Разве ты веришь, что тебе сорок восемь, Сань?

— Нет. Только если сердце кольнет.

— Когда колет — не страшно, невралгия...

Официантка принесла закуски, бутылку; изучающе посмотрела на Степанова и заметила:

— Никакой он не грузин, самый что ни на есть русский.

Они выпили; Степанов вздохнул:

— Знаешь, о чем мечтаю? Чтоб, как раньше, было... Когда мы скидывались на бутылку с черной головкой; бородинский хлеб с солью, луковица и вареные яйца...

— А пельмени? Помнишь, как мы варили пельмени?

— Я на тебя тоску нагоняю, да, Сань? У тебя радость, а я в полнейшем миноре... Кстати, могу тебе подбросить занятную тему для спектакля: «Клан»... О семье Кеннеди; может быть, крайне интересно... Что определяет судьбу человека? Закономерность? Или рок? Или генетический код?

— Интересная тема. Закономерность, рок и код — все завязано в один узел...

— Саньк, а ты помнишь Коктебель шестьдесят второго?

— Помню. Отчего ты про это?

— Не знаю. Налей, а?

— Заставишь своего Удалова переснять материал, фамилию в крайнем случае снимешь...

— Э,— Степанов махнул рукой,— проигрывать больно. Слишком мало партий осталось... А я Коктебель теперь тоже чуть что не каждый день вспоминаю.

Он, Митяй, устроил тогда так, что и Писарев и Левон смогли — по письмам театра и киностудии — получить путевки в писательский дом творчества «Коктебель».

То лето было особым; ни разу погода не портилась, небо было высоким и до того голубым, что иногда казалось, будто его совсем и нету; Мария Степановна, подруга поэта Максимилиана Волошина, была еще совсем бодрой, часто принимала у себя, рассказывала о прошлом так, будто «коктебельские встречи» были вчера и будут завтра и приедут знаменитые наши писатели, академики, режиссеры, артисты — и наши одногодки, будущие знаменитости...

— Иных уж нет, а те далече,— сказал Писарев.— Ты об этом?

— Об этом,— вздохнул Степанов.— Помнишь, как мы делали шашлыки возле забора?

— Помню. Это когда ты молодой, кажется, что можно отойти за двести шагов, и будешь сам по себе...

— Хорошо сказал.

— Ты давно не был в Коктебеле?

— Я боюсь ехать туда, Сань. В молодость возврата нет, есть уход в память, а это самый близкий путь к сентиментальной старости.

— Слушай, а давай махнем туда вместе, Мить? Хоть на пару недель?

— Я боюсь,— повторил Степанов.— Даже вдвоем боюсь. Можно, конечно, пригласить подруг, не брать пишущей машинки, но это будет реанимация, а реанимируют все же ненадолго, потом станет еще хуже; мы будем все время играть и даже перед самими собою играть, а это, мне кажется, невыносимо...

— Если увлечешься — неутомительно, даже приятно.

— Это если на сцене, Сань... Жизнь-то прожита, брат...

Он сказал это просто и спокойно, и Писарев вдруг понял весь ужас этих слов, но словно бы какая-то незнакомая защитная сила возникла немедленно в его сознании, и он услыхал одно лишь — «театр», а потом увидел

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—4.

зал, сцену, где собираются друзья, лица будущих зрителей; он ощутил сладостный запах кулис, таинственную темноту, возникающую за колосниками, и ответил:

— Мить, не прожита. Она была б прожита, если б мы сделали все, что могли.

— А мне кажется, что мой пик кончился... Я сделал все, что мог. И — спускаюсь... Иду с горы, стараюсь замедлить спуск, а — никак; давит спину, все быстрее бежится, все быстрей...

— Я тебя в нашем театре задержу, Мить,— пообещал Писарев.

Тот вздохнул, посидел, закрыв глаза, потом улыбнулся:

— Попробуй, Сань... Это было б замечательно...

После театра он заехал домой, поспал ровно час, без будильника; принял душ, отправился на завод, где работал брат одного из студийцев; обещал помочь с заказом на особый кран; Писарев считал, что скорость монтажа сцены сейчас, при том, что есть кино и телевизор, имеет огромное значение; в цеху молодой парень, глянув на чертеж, пожал плечами:

— Если уж блоху подковали... Ваня объяснял, вам нужен резкий отъезд и спуск... Я понимаю, я на встрече был с режиссером Дашковым, он рассказывал, как его замысел погубили таким краном...

— Это как?— заинтересовался Писарев.

— А так. Ему в финале надо было вертолет получить, чтоб оператор медленно поднимался и снимал убитых героев, которые город спасли... Чтоб зритель сначала лица видел, потом тела, а потом маленькие точки на снегу, а потом — ничего... Вертолета не дали, говорил; их, оказывается, тоже жмут, киношников-то; уговорили взять кран, обещали высокий сделать; обманули; очень Дашков образно про это излагал, я даже расстроился; я ему объяснил, как можно кран переделать, а он — «поздно, в кино что снято, на том точка».

С завода Писарев поехал в балетное училище, обещали отдать старые станки; думал выпросить старые зеркала, студийцы были связаны со стекольщиками, просили дать им основу, остальное обещали сделать сами; Писарев считал, что современный театр невозможен без пластики, движения; какие-то сцены он видел обрамленными танцем; движение мысли можно выразить движением движения, а уж подтвердить — тем более; подтвердить — не проиллюстрировать.

Домой вернулся с фотографом Шурой; тот предложил использовать его персональную выставку в качестве макета будущих декораций; проговорили допоздна, чертовски интересно.

Перед сном, проводив Шуру, Писарев подумал о Степанове; весь день, после того, как расстались в «Арагви», ему было тревожно за друга.

«Завтра вечером устроим пиршество в театре,— решил он.— И позовем Митьку. А потом утащу его сюда. Или к нему поедем. Не надо ему сейчас быть одному».

Закрыв глаза, он сразу же увидел лица детей и поэтому уснул радостным.

7

«А голова-то не болит,— подумал Писарев, открыв глаза.— Когда ждешь счастья, голова никогда не болит; страдаешь, если только надвигается неприятность».

За мгновение перед тем, как посмотреть на часы, он уже знал, что сейчас шесть часов десять минут.

Стрелки показывали шесть часов три минуты.

Писарев взбросился с дивана, оделся, натянул шерстяные носки, затолкал чуть опухшие ноги в свои старые, разношенные бело-красные «ботосы» и отправился на пробежку.

«Позвоню в четверть десятого,— думал он, переходя на бег.— Это тактично, никто не обвинит в назойливости, хотя ужасно хочется набрать номер в девять, как только стрелки замрут на секунду, организовав эфемерный, стремительно и безвозвратно проходящий сектор девяноста градусов... Эк, куда потянуло... Аркадий, ну, пожалуйста, не говори красиво... Великие тем и велики, что «рубили» афоризм... Запомнить легко... Лишь память людская гарантирует величие, то есть жизнь после смерти...»

Он бежал валко, чувствуя тело собранным, ощущая продольные мышцы спины; это была его защита; когда было плохо, он напрягался, и если чувствовал жгуты вдоль спины, то ему казалось, что это Левушка стоит сзади, а тогда не страшно, от кого угодно можно отмахнуться, никакое кодло не опасно.

«Митька — щедрый. Только щедрые могут творить,— рассуждал он с самим собою.— Спектакль будет называться «Расследование». Задник — пальмы. Митька говорил, что в Голливуде стоят огромные пальмы, крона, словно взрыв, голову приходится задирать, разгоняешь соли, смерть остеохондрозу! Как это у Пастернака? «В траве, меж диких бальзаминов, ромашек и лесных купав, лежим мы, руки запрокинув и к небу головы задрав... И так неистовы на синем разбеги огненных стволов»... Черт, вот слово! Впрочем, пальма волосата, неэстетично... Надо сказать художникам: найти символ устремленности. Объект для фантазии — пальмы Голливуда... А сцена должна быть казенной; деревянные стены, американский флаг, черные костюмы, белые рубашки, синие или темно-серые галстуки... Представление о том, что Америка многоцветна и безвкусна, провинциально... Чиновная Америка столь же традиционна, как любая иная, и сплетни такие же, маленькие, и те же удары из-за угла... На креслах, во вспышках репортерских блицев, под камерами кинохроники сидят обвиняемые: Чарли Чаплин, Поль Робсон, Артур Миллер, Бертольт Брехт, Ганс Эйснер. Это неважно, что каждого допрашивали в свой день... Ужасно, когда режиссер ищет абсолютную правду на сцене. Он должен создавать на сцене свою версию жизни; поиск правды — предтеча рождения нового качества бытия. Председательствующий комиссии — хорошо бы добиться сходства с Никсоном — назовет каждого по имени, перечислит их работы; подсудимые будут подниматься, как и полагается в расследовании, и отвечать лишь одно слово: «я»: А потом назовут свидетелей обвинения: Рональд Рейган, Рут Фишер, Дуглас Фербенкс... И Рут Фишер, бывший генсек Австрийской компартии, родная сестра Ганса Эйснера начнет давать показания на брата: «Агент Коминтерна, русский шпион, его исправит лишь тюрьма»... А ведь действительно «поднялся брат на брата»... Вот они, пики истории... Отрывок из «Карьеры Артуро Уи», встык — допрос Брехта... Отрывок из Артура Миллера, можно взять даже позднюю вещь, «Смерть коммивояжера», а встык — его допрос; песня Робсона — допрос; сцена из фильма Чаплина — допрос; показания свидетелей обвинения... Это был особый процесс, расследование националистов, которые решили на ужасе новой инквизиции сплотить «истинных» американцев, тех, которых можно считать полнокровными, ариями... Все люди чужой крови — агенты Коминтерна, они несли Америке «иностранную» идею... Ну и чего добились? Затравили Робсона. Чаплин уехал, Брехт уехал, и сколько же лет прошло, прежде чем появился Спенсер Тресси в фильмах Поллака?! Началось культурное безлюдье Америки... Протестующий голос Альберта Эйнштейна остался гласом вопиющего в пустыне... Фейхтвангер замолчал, Хемингуэй осел на Кубе, в Штатах не появлялся... Началась «эра посредственности». Понадобился Вьетнам, чтобы в Америке проснулась совесть художников; неужели только трагедия по-настоящему движет искусство?»

Писарев прибавил скорость, хотя знал, что до девяти пятнадцати еще ждать и ждать, варить кофе, колдовать над овсянкой, маяться от желания позвонить Степанову.

«Черт, а что я скажу Лиде?— подумал он.— Надо Ваську как-то проинструктировать, чтоб он успокоил ее... Или Николашку Прикопьева... А еще лучше попросить выдать туда звонок Митяя... Лида очень авторитарна; я скажу — не поверит; тот, кого она уважает, считает талантливым и сильным, для нее истина в последней инстанции. И даже необязательно им быть, важно, чтоб она так считала».

Возле станции метро он ощутил запах табака; пульсация выбросила первую смену.

«Митька прав, когда говорил о «Клане»,— сразу же забыв о том, что надо звонить в Гагру, вспомнил Писарев.— Тоже грандиозное зрелище... Три брата: Джон, Роберт, Эдвард Кеннеди. Сцена разбита на кадры замершей хроники; как только придумать лестницы, чтобы поднимать и опускать игровые площадки? Начало действа в верхнем левом углу. Характеристика на Руби, Освальда, на тех сидетелей, которых потом перещелкали люди ЦРУ и мафии. Сюжет ведет Роберт, он уже близок к тому, чтобы открыто выдвинуть версию убийства старшего брата. Снова включаются кинокадры, возникает Сирхан; противники Роберта; их позиция, точки расхождения. Выстрел на кухне отеля «Амбассадор» в Лос-Анджелесе; оцинкованные стойки, белый кафель, словно заранее приготовленная мертвецкая... Эдвард... Подборка его выступлений по узловым проблемам политики и экономики... Он тоже подбирается к главному, он накануне того момента, когда сможет сказать то, чего не сказал брат... Но ведь была хорошо сработанная трагедия с его секретаршей. Это — лучше, чем убийство, это — попытка навсегда девальвировать его как политика, подорвать веру в его слово... Начнут цепляться наши перестраховщики, это точно... Ну и что? «И засуху победим»...

— Дай же поспать, ирод,— чуть что не пропел Степанов в половине девятого, когда Писарев, не утерпев, позвонил к нему.— Я снова в четыре лег!

— Любовью занимался?

— Я верстку правил! То-се, а ты выспаться не даешь! Все вы, главрежи, на одно лицо... Ну, что тебе?

— Ничего. Хотел сказать «доброе утро» и позвать сегодня вечером на пир.

«Можно сделать гениальный спектакль,— подумал Писарев, вымыв кастрюлю, где варил кашу.— Назвать его надо «Сюжеты». Ну, Митька, ну, талантище! Сцену, как и в «Клане», разбить, но не на кинокадры, а на десять, а то и пятнадцать маленьких сцен. Каждая — своя эпоха, своя культура. Должна быть разящая, подчеркнутая разность каждой сцены. Черт, был бы я художником, озверел бы от такой задачи, раздолье для выдумки... Нет, не верно... Раздолье для знания... Выдумка — следствие знания... Перелопатить дневники великих... Пушкин — Мицкевич, рождение замысла «Медного всадника»... Пушкин — Гоголь, замысел «Мертвых душ»... «Дневник писателя» Достоевского полон неосуществленных сюжетов... Записки Салтыкова-Щедрина... А дневник братьев Гонкур? Письма Ван Гога... Заметки Эйзенштейна о «Полтаве»... Фильм, который мог быть гениальным, хранится в замысле, проработан до мелочей... Мысль, которая осталась нереализованной, подобна словам Костера: «Пепел Клааса стучит в мое сердце».

— На подписи, Александр Игоревич, на подписи,— ответила секретарь Кирилла Владимировича, когда он, не удержавшись, набрал номер в девять часов десять минут.— Позвоните перед обедом, думаю, сможем вас порадовать...

— В районе часа, да?

— Да, да, около часа... Тут уж с утра хлопочет Василий Викторович, так что не волнуйтесь...

«Кто такой Василий Викторович? Если хлопочет, спасибо ему,— подумал Писарев,— только пусть бы активнее хлопотал. Нет страшнее казни, чем казнь временем».

В десять часов он был в институте; светила собрались на защиту докторской диссертации; он намерился изловить их здесь всех, скопом. Он не думал поначалу оставаться на защите, тема не входила в сферу его нынешнего интереса, но чем дальше он вслушивался в слова, произносимые довольно еще молодым соискателем, тем любопытнее ему становилось; впрочем, не одному ему.

— Если допустить некоторую вольность,— неторопливо говорил диссертант,— и обозначить историю термином «вечное будущее», а природу как «вечное прошлое», то позволительно, думаю, определить нашу физику как чувство, свойственное интеллектуалу, не только пытающемуся понять смысл природы, но и связать его с историей... Если считать, что античность подарила человечеству лишь ту систему, в которой запечатлено учение, как себя держать, то наша эпоха все более и более занимается вопросом: «Как действовать?» На сме-

ну созерцанию пришла активность. Физика Древней Греции есть наука о статике осязаемых тел, наука пластики, выраженная терминами, смыкающимися с языком античной трагедии. Арабская алгебра родила концепцию арабской физики,— то есть поиск таинственной субстанции тел. Инквизиция, изгнавшая арабов и евреев из Европы, опусти-

подтверждение моего допуска: именно он превратил практику магии в теорию научной медицины. От исследования тайны — к анализу Ньютона и Лавуазье. От исследования внешнего вида элементов — к осознанию их действия. Кажется очевидным, что понятия «время» и «судьба» неразрывно связаны, вне одного нет другого, и наоборот. Однако состояв-

ситетскую доску»,— подумал Писарев. Он теперь мог рассуждать спокойно, потому что перестал понимать диссертанта, мог обдумать все сказанное им и подивиться тому, как невероятно спрессовались время и разум, сколь объемно знание, как важно быть подготовленным к нему; то, что сказал сейчас этот патлатый, измеряется двумя тысячами лет, про-

ла занавес над сценой, где разыгрывалось великое действие прогресса. Но и после того, как трагедия свершилась, мысль не была убита. Если древние считали огонь предметом, то с тем большим правом они бы могли считать предметом мысль. Мысль можно заточить, но ее невозможно уничтожить. Она найдет себе такие обходные пути, которые не может представить ни светская, ни церковная власть. Родилась алхимия, которую я позволю себе назвать способом «научного сомнения в сущности предметов»; поиск золота — форма защиты от властей предержащих. На самом деле алхимия, как наука, искала тайну сущности предметов. Парацельс — блистательное

шееся есть особого рода состояние: попробуем вставить в физическую формулу вместо привычного нам термина «время» слово «судьба», и мы увидим крушение формулы. Значит ли это, что столь дорогой нам мир физических форм ограничен действием, как и мир чисел? Мир представлений? Мир анализов? Об этом мне и хотелось бы порассуждать, предложив вашему вниманию известную всем задачу...

И диссертант, отойдя к доске, начал крошить мелок, стремительно р и с у я какую-то загадочную колонку цифр и обозначений.

«А я ведь думал именно об этом, когда представлял себе задником сцены универ-

рочеством Эвклида, сожжением Джордано Бруно, заточением Галилея, эмиграцией Эйнштейна. А этот диссертант заколотил свои гвозди в течение пяти минут. И перешел к делу, то есть к новому. А мы, театралы, топчемся в старом, боимся пошевелиться, страшно раскачать лодку... Ну, а другие не побоятся? Тогда — они первые, а мы — в хвосте? Так ведь нынешняя физика, как он сказал, изучает действие, вот в чем вся штука... У того, кто вырвался вперед, фора в действии. Каким оно может быть? Движение — это жизнь, а можно ли вообще разрешить эту проблему? Фаусту оказалось не по плечу, хоть и произнес: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» А потом

надо же делать Фауста! Именно так! И перемежать сцены Гете выступлением этого патлатого физика, пусть порисует у меня на сцене свои формулы... Или уравнения... Бедный Димка, ему еще три года страдать со школьной физикой. Если бы в школе преподавали, как здесь, я бы стал отличником, потому что это интересно! Истинный отличник тот, кому интересно! Все другие — фикция, самообман, хорошая память, ловкость или крепкая задница! Во, теперь ясно!

...Ничто так не окружено тайной, как наше знание, наше оружие, наше счастье и горе — слово, произносимое со сцены. Пусть он объяснит такие слова, как предопределение или случай! Не напиши я письма, не прими меня Назаров — не было бы нового театра, а сколько людей пройдут через него, сколько родится нового качества знания, сколько гениев задумают свое в нашем зале, и это свое станет всеобщим, той точкой опоры, которая не даст перевернуть мир... Физика не сможет просчитать то, что мы чувствуем, погружаясь в таинственный смысл слов! Как просчитать слово «надежда»? Что это?! Кто вложил в это слово неизмеримую гамму чувств и мыслей, которая рождается сразу же, как только оно произнесено?! Судьба — это необходимость жизни... Стоп!.. Еще один спектакль... Он будет называться «Случай». А что?! Помоему, гениально! Ну, и скромность у тебя, Писарев, не занимать! И начинаться он будет с вопроса: открыл бы Ньютон закон земного тяготения, не наблюдай он яблоню? Ощущал ли он тихое, спокойное счастье, слушая осенней ночью, как эти спелые яблоки глухо падали на землю, или этот прекрасный, связующий с понятием вечности звук проходил мимо, не разрывая сердце ощущением безвозвратности мига?

...Писарев успел посоветоваться с академиками. Они обещали переговорить с патлатым, фамилия его была Берзинь, приехал из Риги.

...В управление позвонил из автомата, при выходе из института.

— Поздравляю,— сказала секретарь,— все подписано, у меня на столе, сегодня отправлю вам копию...

— Не надо,— ликующе попросил Писарев.— Я сейчас скажу кому-нибудь из моих товарищей, они к вам подъедут. Передайте, пожалуйста, мою самую низкую благодарность Кириллу Владимировичу за его столь доброе к нам отношение...

...Он не обратил внимания на лица друзей, которые встретили его в театре, не понял сразу той особой тишины, которая была на сцене, куда он чуть что не ворвался, как ветер.

— Где?— воскликнул он.— Ириша, вслух!

Он понял все, когда прочитал текст приказа.

Сначала он услышал в себе жалостливое, чуть что не детское: «за что?» Ему стало стыдно самого себя, он поднял глаза на товарищей; увидал слезы в глазах Ирочки; понял, сколь стар Лаптев и, видимо, тяжело болен; с удивлением отметил, что тетя Аня, внештатная уборщица, красит волосы.

Первым, неподвластным ему желанием было подняться и уйти. Так у него бывало на боксе, после тяжелого боя, особенно если его отправляли в нокаут («Кстати,— как-то отрешенно подумал он,— это слово тоже было отменено одно время»).

Потом он вспомнил давешние слова секретарши о каком-то Грущине, который «хлопочет». Так это ж Васька Грущин, кто ж еще, сказал он себе.

И он понял, что ему нельзя сейчас уйти. Он должен — во имя его же друзей — сыграть сцену. Надо собраться, заставить себя почувствовать продольные мышцы спины, они должны стать его вторым хребтом, ничего, что они какие-то вялые, и вообще все внутри похолодевшее и вялое...

«За что?»

Надо подняться и усмехнуться. Вот так. И что-то сказать. Только спаси бог ошибиться в интонации, они ведь талантливые, они сразу же заметят фальшь, а если его станут жалеть, то погибло дело. В конечном счете не один он затеял все это, с ним единомышленники, а состоявшееся не исчезает. Или исчезает на какое-то время, чтобы потом возродиться снова.

«Но ведь это будет совсем другое?!»

Ну и что? Важно сложить лестницу, по которой пойдут.

«Только врать не надо. Растрелли был убежден — хоть, верно, и не думал об этом,— что на его домах укрепят мемориальные доски, только потому и работал на века».

— Конечно, обидно,— сказал он наконец.— Просто чертовски обидно. Умел бы плакать, ей-богу, заплакал бы. За что? Не знаю, хоть побейте. Как всегда, есть два пути, и не более того. Первый путь...— он достал сигареты, закурил, красиво затянулся, он знал, что в труппе любят, как он курит, ему Кира об этом говорила, когда они сидели на банкете, после того, как ей дали государственную премию.— Первый путь,— повторил он,— это — обида. И отказ от работы, тем более что актеры у нас пока что сидят на зарплате в других театрах, а самодеятельные патриоты нашего предприятия получают оклад содержания по основному месту работы... Видите, как формулирую?— он улыбнулся.— Значит, оклемался. Есть второй путь, и я стою за то, чтоб мы его избрали... Несмотря на Грущиных... Вопреки им... Продолжать работу. Мы получили на это право... В форме приказа... Обида — плохой советчик в нашем деле... Путь к звездам всегда лежит через тернии... Самсоньев — мой мастер, это настоящий художник, он — союзник нам... Если мы обидимся, мы не скажем того, что хотели сказать, а мы обязаны это сделать, разве нет?

— Мы напишем...— дрожащим голосом начала Ира, но убежала со сцены в слезах.

— Хочешь, я схожу поговорю с ними?— спросил Лаптев.— Одену все свои регалии, их у меня двадцать четыре, и пойду...

«За что? Ну, за что же?!»

— Писать не надо,— ответил Писарев.— И ходить не надо. Помните, как Фадеев закончил «Разгром»? Здорово закончил: «Надо было жить и продолжать выполнение своих обязанностей». Вот так. Отлито в бронзу. Репетицию проведем завтра, в девять часов, как обычно.

— Ты позвонишь Самсоньеву?— спросила Кира.

— Зачем?— Писарев пожал плечами.— Я думаю, он сам придет к нам...

— Он позвонит тебе домой сегодня,— сказала Клара.— И попросит тебя приехать на чашку чая.

— Съезжу,— заставил себя усмехнуться Писарев, но понял, что просто так закончить этот разговор нельзя, он не имеет права, они почувствуют, что он неискренен с ними, они ж понимают, что произошло крушение его судьбы, не зря Стендаль говорил, что ему нужны ордена и кресты лишь для того, чтобы защитить свое искусство.

— Мне очень, конечно, больно все это, люди,— сказал он.— Я должен сегодня подумать обо всем происшедшем, и, видимо, мне предстоит принять какое-то решение, и, мне сдается, оно будет в известной мере крутым... И все-таки это мое решение будет исходить из вероятий второго пути, а это путь работы. Не кукситься, люди! Не станем давать повода для радости тем, кто этого ждет. До завтра.

...Потеряв сознание от рвущей боли в сердце, Писарев упал не сразу; он стоял еще, а потом, переломившись пополам, но мертвый уже, сделал несколько шагов, прежде чем обрушиться тяжело на асфальт, под колеса новенького «Жигуля».

...Судебно-медицинским экспертам предстояло еще выяснить, отчего наступила смерть пешехода, но Арина Станиславовна Назарова, только что защитившая кандидатскую диссертацию, ехавшая в «Арагви», на банкет, где ее ждал отец, Станислав Федорович Назаров и друзья, была до выяснения обстоятельств задержана и препровождена в дежурную часть ГАИ Кунцевского района.

ПОКОЙ ИМ И НЕ СНИЛСЯ...

Книга, о которой идет речь, написана авторами, вставшими в боевой строй в неполных восемнадцать лет.

Мальчишки тридцатых годов... Они росли и мужали в героическое время первых пятилеток, когда на всю страну гремела слава Турксиба, Магнитки, Днепрогэса. Еще не забыты были отзвуки гражданской войны. Но знали они и другое — тревожную песню о грядущей войне: «Если завтра война, если враг нападет...». Авторам книги посчастливилось стать спецами-артиллеристами (учениками средней специальной школы) в самый канун войны. Посчастливилось, потому что кто из мальчишек тех лет не мечтал быть военным! А 1 мая 1941 года они в составе сводных колонн прошли по брусчатке Красной площади. И никто из участников военного парада не догадывался тогда, что это последний «мирный парад», что следующий парад, 7 ноября 1941 года, будет по-настоящему «военным» и прямо с Красной площади бойцы уйдут в бой с фашистскими войсками, стоявшими на подступах к столице.

Как боялись они, что закончится война и не успеют они выпустить свой снаряд по ненавистному врагу. Но впереди их ждали еще долгие дороги кровопролитных сражений. И половина из них не дошла до Берлина, не услышала ликующий голос Победы.

Авторы подробно рассказывают о фронтовой судьбе своих друзей по спецшколе. Книга состоит из новелл, каждая из которых — короткий, но яркий, порой драматический эпизод боевых будней.

Ряд новелл выходит за рамки документальных свидетельств о мужестве советских воинов-комсомольцев. Чиста и трагична история лейтенанта Андрюшина из рассказа «Поцелуй».

За жизнь раненного фашистским снайпером артиллериста борется в санроте голубоглазая сестричка. Андрюшин перелистывает свою коротенькую биографию, и ему обидно не за то, что его так неожиданно подстерегла вражеская пуля,— на войне он привык к смертям. Его, почти мальчика, обжигает горькая мысль: вот он умирает, так и не поцеловав девушки... И сестричка долгим поцелуем пытается вдохнуть жизнь в умирающего парня. Когда хоронили лейтенанта Андрюшина, на его лице была счастливая улыбка. В бесхитростной истории — еще одно лицо войны.

Другая история. Догоняя после ранения свою часть, офицер Соболев — уже идут последние месяцы войны — останавливается на ночлег в немецкой семье. Молодая хозяйка, успокоенная его словами: мы воюем не с немцами, а с фашистами,— показывает гостю семейный фотоальбом. На одном из снимков Соболев видит немецкий танк на фоне Эйфелевой башни. Рядом, облокотясь о броню, улыбается экипаж. На снимке, поясняет хозяйка, качая ребенка, ее муж, танкист. Как думает господин офицер, жив ли он сейчас? Что ответить Соболеву, когда в его планшете лежит точно такая же фотография. Год назад он подобрал ее у гитлеровской «пантеры», остановленной его орудием.

«Ну, почему же мы такие?— клял он себя, вновь оставшись в одиночестве.— Надо было сказать. Пусть поймет, что значит возмездие. За все...»

Но Соболев уже знал, что не скажет, не скажет потому, что в самом деле не воюет с немецкими женщинами и детьми, с немецким народом. И еще потому, что от этих женщин и детей во многом зависит, какой быть Германии завтра... Это еще одна сторона войны и характера русского человека.

Авторы не расстаются со своими невымышленными героями в счастливом сорок пятом году. Читатель переносится на Кубу, в Чили, в Китай, Афганистан, в те горячие точки планеты, где поддержка советского народа, его бескорыстная рука друга помогали строить новую жизнь.

Н. САУТИН

В. Кассис, В. Комаров, В. Чичков. Покой нам и не снился... Москва, «Молодая гвардия», 1982, 254 стр.

К ИСКУССТВУ НЕТ ГОТОВОГО ПУТИ...

Галина ГОГОТИШВИЛИ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Ансамблю народного танца СССР аплодировал весь мир — за красоту и невиданную технику. Аплодировали и за мужество артистов: врагам не удавалось сорвать концерт даже бомбами со слезоточивым газом. Ансамбль выступал и в высокогорных районах, где не то что танцевать — дышать было трудно... Их называют просто моисеевцами — в знак признания заслуг Игоря Александровича Моисеева, основателя и бессменного руководителя Ансамбля народного танца СССР. Половину своей жизни он провел в странствиях с созданным им коллективом. Награжден орденами десятка стран, имя его окружено ореолом всемирного признания... Это красивая, но нелегкая жизнь.

Моисеев, окончив Московское хореографическое училище в 1924 году, пришел в Большой театр. В то время молодой танцовщик обладал не только активным характером и острым чувством справедливости. По своей натуре он был человеком думающим. Луначарский разглядел живой, несклонный к компромиссам характер, аналитический ум, натуру творца и предсказал Моисееву будущее балетмейстера. Бывая дома у Луначарского в Денежном переулке, Моисеев встречался с известными артистами, литераторами — В. Маяковским, В. Мейерхольдом, Р. Ролланом, А. Барбюсом... Полтора года он ходил в библиотеку Исторического музея, где изучал книги по истории искусств.

Таким образом, он оказался не только подготовленным по вопросам театрального искусства и режиссуры, но успел поставить целый акт пантомимы в комедийном спектакле «Красавица с острова Лю-Лю» в студии Р. Н. Симонова. Молодые студийцы работали с энтузиазмом, Моисеев тоже был увлечен новизной задачи, и пантомима на редкость удачно вписалась в спектакль. Сказался и юмор, которым наделен Моисеев. После премьеры студийцы его качали... И, вероятно, не без влияния этого успеха ему предложили в Большом театре работу над балетом В. Оранского «Футболист»; за ним последовала постановка «Саламбо».

Уже в этих первых работах неожиданно для многих обнаружился явный балетмейстерский дар Игоря Моисеева. Изобретательность его в сочинении отдельных танцев и целых сцен была поразительна. Особенный восторг зрителей вызывала динамичная, веселая, остроумная сценка футбола.

1 марта 1935 года Моисеев выпустил «Трех толстяков» В. Оранского. На этот раз балетмейстер поработал от души и с композитором и с исполнителями; либретто написал сам. И — успех. В те далекие годы критика, особенно балетная, отнюдь не страдала комплиментарностью, но устоять перед живым очарованием нового спектакля не смогли и придирчивые ценители. О публике и говорить не надо: спектакль был принят восторженно и всегда шел при переполненном зале. В «Трех толстяках» привлекало то, что танец не был абстрактным, противопоставленным пантомиме, а естественно возникал из логики балетного действия и характеров персонажей. Талантливая хореография изобиловала остроумными находками балетмейстера, умело и тактично сочетавшего классику, народные танцы, гротеск, пантомиму... В спектакле все жили в танце — и Суок, и кукла Фуэте, и учитель танцев Раздватрис, и поварята, и клоун с обезьянками, и негры, и толпа народа перед дворцом Толстяков... Настоящий праздник танца на сцене — и праздник в зрительном зале. Ю. Олеша заявил: «Балет меня поразил и ошеломил. Лучше всех мой замысел отразил Большой театр».

Итак, успех. За Моисеевым числится уже три балета, ряд прекрасно поставленных танцев в операх «Кармен», «Демон» и других.

Но «Три толстяка» стали тогда последней работой Моисеева в Большом театре... Хотя вот как оценивает «Трех толстяков» Ю. Файер спустя десятилетия в своих мемуарах. Он стоял за дирижерским пультом в день премьеры. «Самая удачная из всех трех работ молодого балетмейстера, которую я, как и многие, могу причислить к одному из достижений балета предвоенной поры».

Покинув Большой театр, Игорь Моисеев стал балетмейстером организованного в 1936 году первого в стране Театра народного творчества (директором был назначен Б. Филиппов, режиссером — Н. Охлопков). Артистов — певцов, танцоров, чтецов — набирали из самодеятельности Москвы и всей страны, и Охлопков готовил массовые театрализованные концерты, где были заняты сотни исполнителей. Программы менялись часто: раз в 5—10 дней. И, конечно, было безумно сложным, рискованным делом ставить танцы на случайных исполнителей в этом «хлопотливом» театре. Но добросовестность и энтузиазм Моисеева делали свое дело. «Буквально чудеса творил с самодеятельными танцорами Игорь Моисеев»,— свидетельствует директор Театра народного творчества Б. Филиппов. Успех этих концертов был огромен, так же как и успех Фестиваля народного танца, куда Моисеев пригласил самодеятельных танцоров из разных уголков страны.

Москву в те дни буквально ошеломило экзотическое зрелище невиданных до того танцев! Это окончательно убедило Моисеева, что фольклорное искусство интересно самому широкому зрителю. Он решил закрепить успех — организовать профессиональный коллектив народного танца. Но ошибочно было бы думать, что интерес к фольклору проснулся у Моисеева неожиданно. Фольклор занимал многих балетмейстеров. И не мог Моисеев, редкостно чуткий к интересному, необычному, пройти мимо. В бытность свою в Большом театре он, где пешком, где верхом, обошел и объехал Кавказ, добираясь до труднодоступных и теперь районов Сванетии и Тушетии; был в Узбекистане, путешествовал по горным тропам Памира... Не всегда эти поездки были безопасны. Но уже проснувшаяся страсть исследователя вела Моисеева все дальше, и за полтора месяца он добрался до Хорога...

И. МОИСЕЕВ: «Это было трудное, но необычайно увлекательное и полезное мне как балетмейстеру путешествие. Нужно видеть народ, чтобы понять его искусство. Танцы в Таджикистане удивительно разнообразны, в них заметно влияние искусства соседних стран. К примеру, китайские элементы жонглирования и владения оружием. Я помню, как пришел в восхищение от танца с саблей — «шамшири-бозы». Самодеятельный танцор вынул из кармана алый шелковый платок, подбросил его в воздух и рассек взмахом сабли пополам. Не давая разрезанным кускам опуститься на пол, снова рассек их, и еще, еще, пока вся сцена не была усыпана мелкими лоскутками алого платка. Причем саблей он владел виртуозно. Ведь совсем недавно дехканам приходилось отстаивать свою землю с оружием в руках.

Или прекрасный мужской танец рук «Раксы-дастаги». Сложная пластика именно рук вообще характерна для восточных танцев. Поразили меня танцы колдунов, лекарей. Кстати, похожие ритуальные танцы я видел лет десять назад в Сардинии, когда мы были на гастролях. Там, если заболеет человек, приходят женщины в черных платьях и начинают танцевать вокруг больного. И это напомнило мне мое давнее путешествие по Таджикистану».

Многое из увиденного пригодилось потом мастеру во время работы и в Театре народного творчества и в Ансамбле народного танца СССР.

Первая репетиция нового коллектива состоялась 10 февраля 1937 года. Этот день считается днем рождения ансамбля. Взаимодействие народного танца и классической хореографии в его работах при бережном сохранении традиций, души и красоты народного танца привело к созданию нового пластического языка, фактически к созданию нового жанра — сценического народного танца.

...Война застала ансамбль народного танца на гастролях.

Добрались до Свердловска. Объявили концерт, вывесили афиши, а народ не идет: дожди, площадка открытая... Нет зрителей — нет и денег, нечем платить за гостиницу, да и артистам пить-есть надо! Моисеев с кем-то договаривается о художественном обслуживании рабочих эвакуированных заводов. За двадцать дней дали для каждой рабочей смены шестьдесят концертов; на полученные деньги наняли вагоны, где и жили артисты полтора года, гастролируя по Сибири и Дальнему Востоку. На собранные деньги построили танк, носящий имя ансамбля — «ГАНТ СССР». Модель этого танка хранится в коллективе как самая дорогая реликвия военных лет.

В годы войны моисеевцы выступали на Тихоокеанском флоте, были и в Монголии.

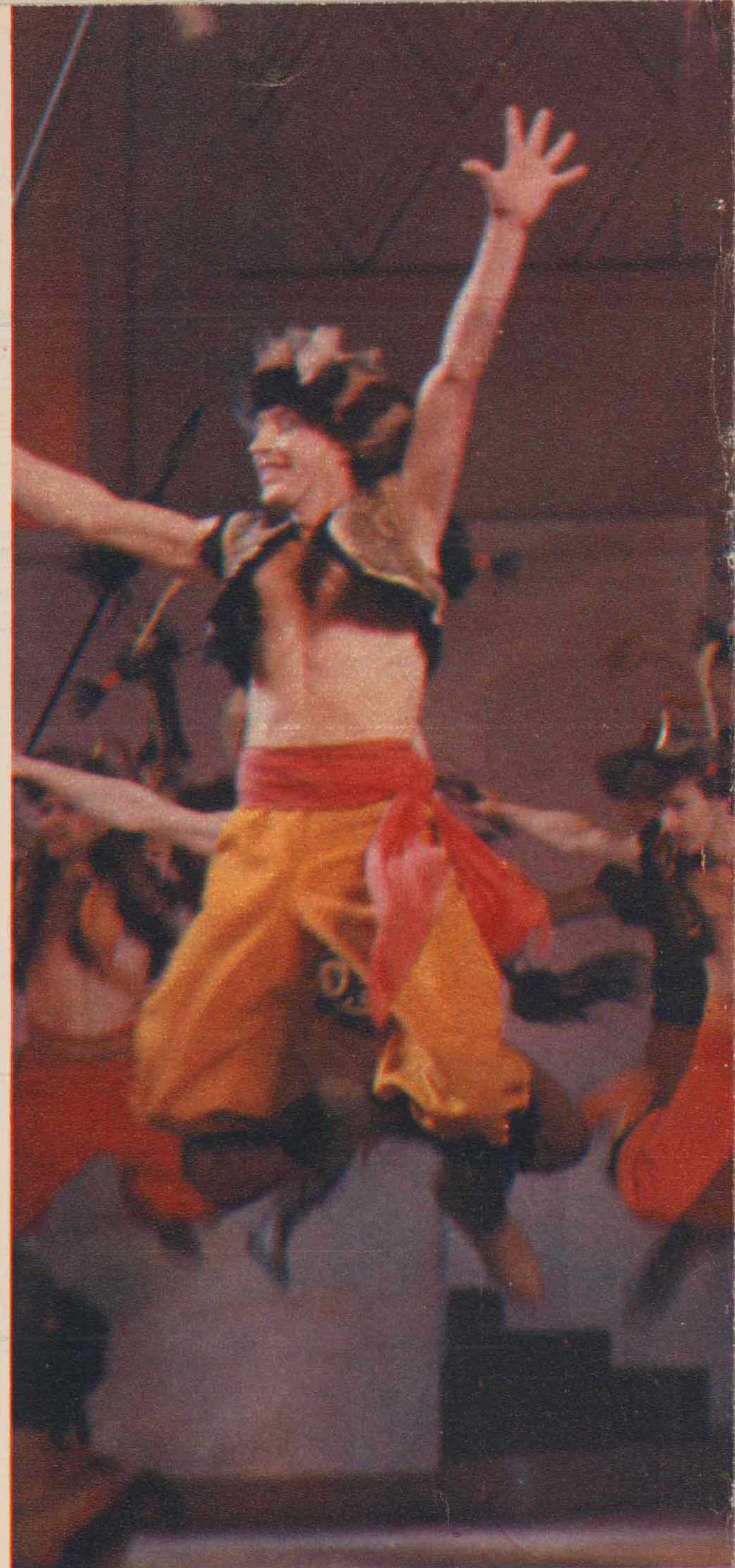
В 1943 году правительственной телеграммой ансамбль народного танца был отозван в Москву, а в 1945 году послан в зарубежную гастроль в Финляндию. Конечно, волновались. Примет ли зарубежный зритель новое для него искусство Советской страны. В фойе театра поставили столы с пустыми альбомами — для записи зрительских впечатлений. И, к всеобщей радости, эти альбомы очень быстро заполнились записями.

«Теперь я понимаю, почему вы победили». «Такой народ не может быть злым, а только добрым». «После концерта остается впечатление, что путешествуешь по вашей стране».

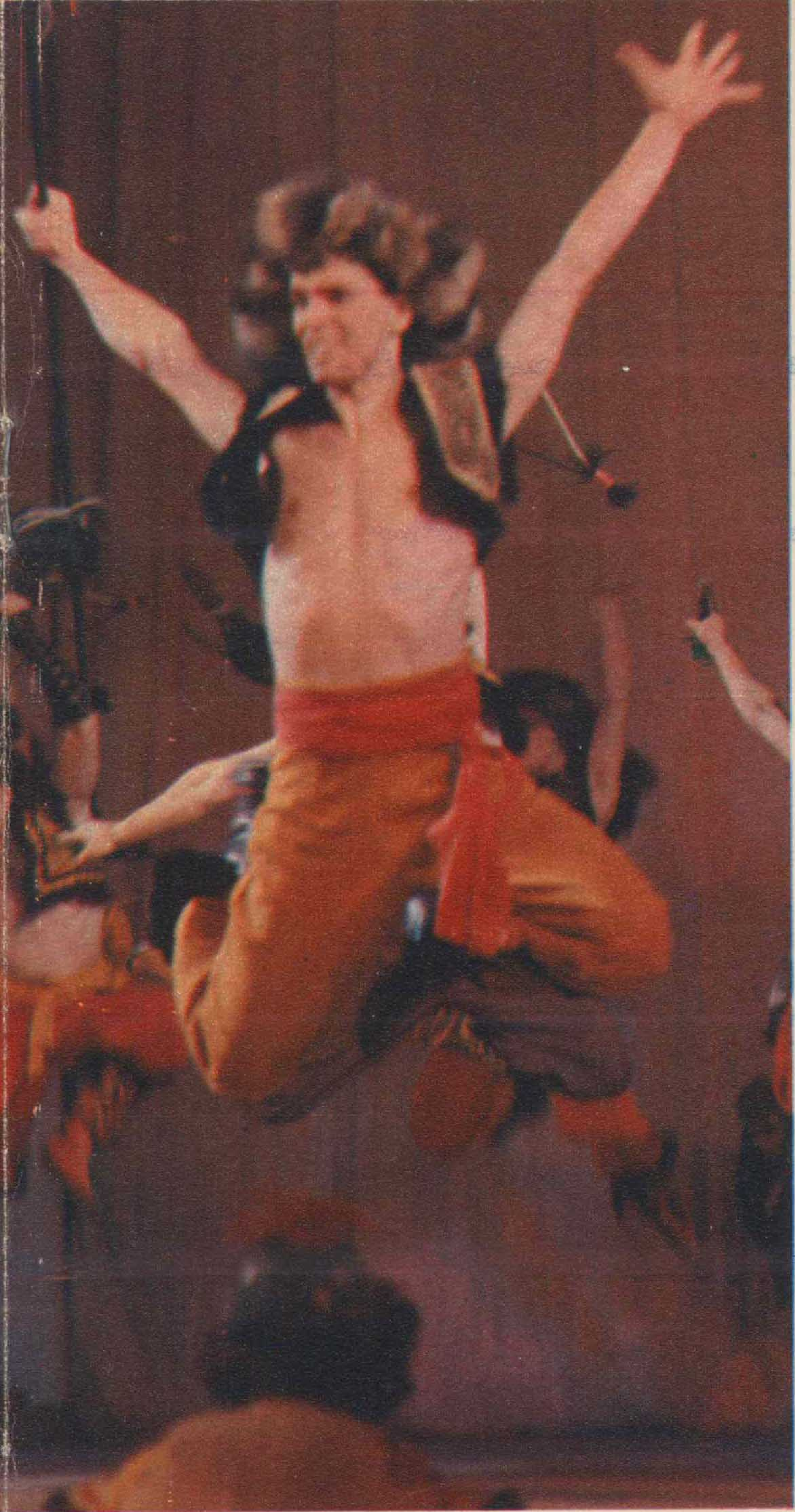
Из Финляндии Ансамбль народного танца СССР поехал в почти шестимесячные гастроли по Румынии, Болгарии, Чехословакии, Югосла-

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР И. А. Моисеев * Русская танцевальная сюита «Лето». Солисты О. Рукавишникова и В. Ульянов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Артистки ансамбля И. Кравченко и М. Новикова * Половецкие пляски * Хореографическая сюита «На катке» * Молдавская сюита «Жок».

вии... Европа вдруг открыла новый для себя мир многонационального советского искусства. Моисеевские гастроли по ошеломляющему зрительскому впечатлению можно сравнить только со знаменитыми «Русскими сезонами» в Париже, когда русский балет обрел мировую славу.

Вряд ли сыщешь человека, не видевшего хотя бы огневой «Жок», или украинские танцы, сюиту «На катке», «Калмыцкий», или танцы народов мира... Если прибегнуть к языку живописи, кажется, что все танцы списаны с натуры. Но Моисеев не просто переносит народный танец на сцену в том виде, как он существует. Обычно он соединяет несколько танцев в один, точно улавливая их характерные элементы. Помните, например, знаменитый «Калмыцкий», когда при полном отсутствии декораций вы словно видите степь, скачку джигитов, орла в поднебесье? Эти живые танцевальные образы родились из «Танца наездников» и «Танца дрожания», где руки танцовщика передают взмахи орлиных крыльев. Такой же синтез образуют другие танцы... Моисеев, вдохновленный духовной красотой народа, чей фольклор служит ему истоком творчества, возвращает танец народу преображенным, как новую художественную ценность. Его аргентинские гаучо вполне могли бы плясать под жарким небом Южной Америки, а «Гопак» словно естественно возник из танцев украинского праздника. При этом ошибочно было бы считать, что, занявшись фольклором, Моисеев отошел от классической хореографии. Классика — основа его балетмейстерского мышления. Муза танца Терпсихора только сменила легкие античные одежды на русский сарафан, украинскую плахту, аргентинское пончо, взяла в руки испанские кастаньеты... Народный танец — не остров, а часть материка, именуемого хореографией.

И. МОИСЕЕВ: «Но беда в том, что в последнее время характерный танец уходит из балета. Мы теряем огромный пласт культуры, выработанный целым поколением — М. Мордкиным, Ф. Бакефи, С. Федоровой, Н. Домашёвым и другими. Нет и мастеров в этом жанре, таких, каким был, скажем, С. Корень. В новых балетных спектаклях характерный танец отсутствует вовсе.

Ну, сколько названий классики сейчас в репертуаре театров? Меньше десятка. Зависть берет — сколько шло балетов Петипа и других балетмейстеров. И канули в Лету. Наше хореографическое искусство лишилось почти всех балетов А. Горского, забыты многие вещи М. Фокина и еще целый ряд шедевров старых мастеров.

Как бы хотелось посмотреть хоть некоторые, пока еще есть люди, которые их помнят. Но боюсь, что утраты почти невосполнимы».

Поиски новых средств художественной выразительности в раскрытии современной темы в балете, обогащение хореографического языка — проблема отнюдь не узкоцеховая. Моисеев — артист, участвовавший в становлении советской хореографии,— не может не волноваться сегодняшними ее проблемами, в конечном счете будущим советского балета.

...В кабинете Игоря Александровича Моисеева, до потолка уставленного книгами, множество международных наград, полученных за долгую жизнь, отданную искусству.

Среди них австралийский «Оскар», испанский «Золотой бык», «Римская волчица» — подарок Римской Оперы. А вот индийский «Оскар» — серебряный музыкальный инструмент — віна, с пожеланием Святослава Рериха: «Игорю Александровичу Моисееву в знак восхищения и на добрую память». И еще огромный символический «ключ» от Сан-Франциско... Ключи от многих городов, которые «завоевали» моисеевцы своим искусством.

Цыганский танец. Солистка — заслуженная артистка РСФСР О. Котовская * Арагонская хота * Флотская сюита «День на корабле» * Старинная городская кадриль (из цикла танцев «Картинки прошлого») * Таджикский кулябский горный танец.

«ПОЭТ ДОЛЖНИК ВСЕЛЕННОЙ»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Феликс МЕДВЕДЕВ

Скажу сразу — одним из самых сильных впечатлений от знакомства с традиционным сборником «День поэзии 1982» стала для меня... неизвестная фотография Маяковского, воспроизведенная в сборнике. Владимир Владимирович сидит на диване с сигаретой в руке. На коленях то ли книга, то ли блокнот. В комнате полутемно, из окна на спинку дивана падает луч света. На лице забота. О чем он думает? Какие мысли тревожат великого поэта? Какая строка впишется через минуту в записную книжку? Быть может, сейчас его тревожит та самая «генеральная дума», которая должна волновать каждого настоящего художника...

Как меняется все с годами, с течением жизни, с опытом восприятия искусства! Еще какое-то время назад мы энергично раскупали в книжных магазинах поэтическую продукцию, радуясь тому, что «семь поэтических томов в стране выходят ежесуточно». Сегодня это количество увеличилось, наверное, вдвое, но, честно говоря, нас мало это радует.

Еще полтора десятилетия назад мы бегали на поэтические вечера, заполняя залы, аудитории, стадионы. Сегодня тоже заполняем, но не так страстно и безоглядно. Читатель не просто вырос, он стал другим. Его уже не устраивает усредненно профессиональное версификационное мастерство стихотворца, читателю нужна глубокая мысль, объемность постижения мира, философское осмысление современности, социальные раздумья, серьезность, строгость и, конечно, новизна, а не повторение многажды читанного и слышанного. Читатель ведь верит не на́ слово, а сло́ву — емкому, умному, простому.

Как много пишется сегодня стихов о судьбах человека и человечества. Как много декларируется о людском общежитии, о «связях мировых», о вселенском пожаре, о будущих катаклизмах. Но сколько в этом многом пустоты, наготы суесловия, суетности. Вроде бы за рифмованными строками — космос, трагедия мира, душевные бури в груди, но нет, дочитаешь стихотворение или поэму до конца и поймешь, что в поэтическом мире все в порядке: все в стихотворном сочинении взвешено, отмерено, рассчитано, все как в фильме с благополучным концом. Льется этакий розовый сиропчик, который годится в лучшем случае как заменитель снотворного, а не на «взрыв» людской души.

Вот и «День поэзии 1982» грешит такими стихами. Одно хочу привести целиком:

Это жизнь:
переезды и ссоры,
неба зимнего серый свинец.
Это жизнь...
Лишь бы только не скоро
наступил нашим бедам конец.
Это жизнь...
Суета и обиды.
Нету денег. Убого жилье.
Но признайся, что только
для вида
ты нещадно ругаешь ее.
Ведь всегда на другой ее чаше —
свет в окошке и в небе звезда,
золотые мгновения наши,
радость взлета
и сладость труда.
Лишь бы только чуть-чуть
перевесил
чашу вечных вселенских весов
груз небесных пленительных
песен
и любимых земных голосов.

Стихотворение принадлежит Л. Дымовой, кстати, автору содержательной только что вышедшей в издательстве «Советский писатель» поэтической книги. Но в данном случае стихотворение это отразило характерные недостатки состояния современной лирики, проявившиеся и на страницах «Дня поэзии 1982».

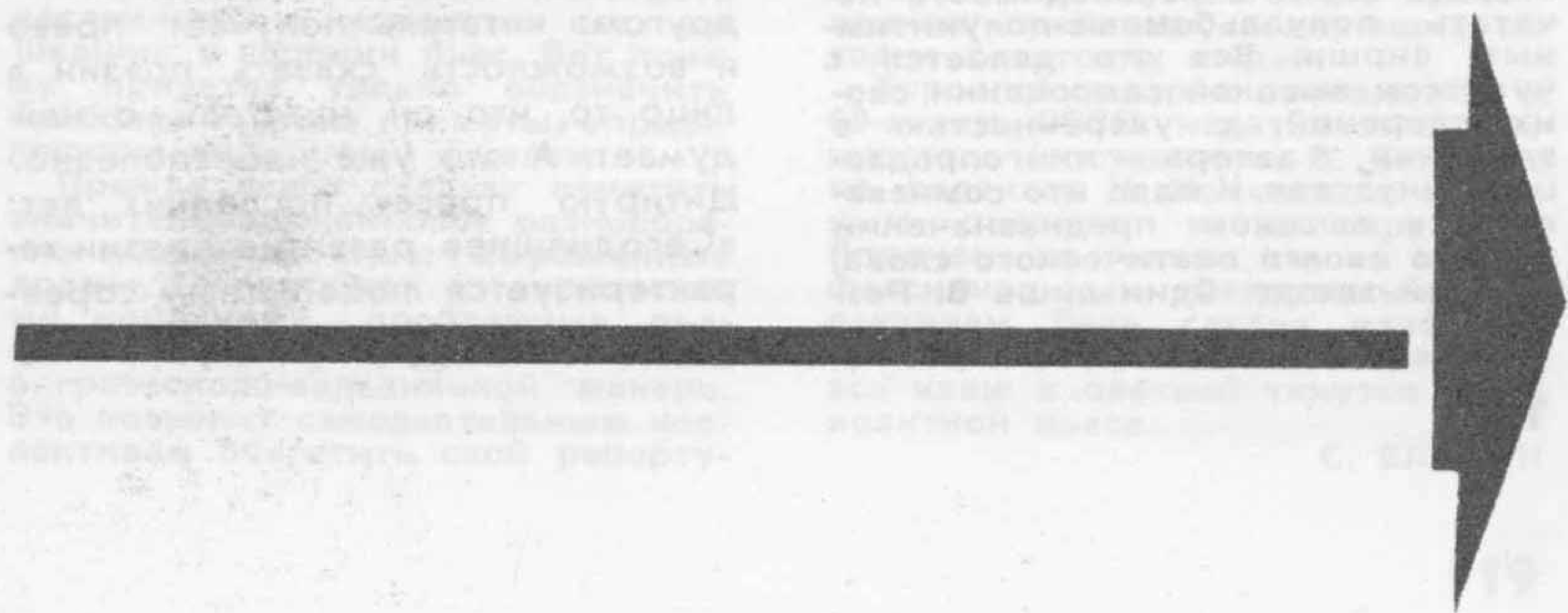
Сразу же вслед за этим сочинением нечто подобное, уже другого автора, Ю. Могутина, но колодка едина: в первой половине стихотворения мрачная «невзрачная пора, осенняя распута», здесь есть и «слезливых крыш парад», и настроений смута», «и тяжкий вздох коров», и скупой базар... Но вот «хандру долой» — и все посветлело, заиграло: «Так сладко дышит печь! Так белоснежны крыши!» Что же случилось? Да ничего, просто выпал снег, а «поэтически» — «зима на парашютах».

В стихотворении Н. Эскович тот же снег «уравняет победу и усталь», а следом за ней на этой же странице С. Соложенкина так решает «судьбы мира»: «который год — метель метет», «в снегах росла, в снегах живу», «и вьюги за своей спиною привычно крыльями зову».

Дело, конечно, не в снеге, не в сомнениях, которые одолевают поэтов и поэтесс, а в нарочитости «подачи» душевного материала, в готовности идти по следу, уже протоенному не однажды. Как, однако, справедливо замечено, истинность поэзии проверяется достоверностью душевного повода, необходимого для создания стихотворения.

«Я мучаюсь! Вас это удивит?» — спрашивает И. Кашежева. «Удивляет,— отвечаю поэтессе как читатель.— Потому что не вижу из созданного вами повода для «мучений». Тех, кто не верит мне, отсылаю на 121-ю страницу «Дня поэзии 1982», где помещено стихотворение И. Кашежевой «Весенний снег (простите, опять снег.— Ф. М.) похож на черновик...». Позволю только выхватить из контекста одну строку, принципиальную для дальнейшего разбора: «Вполне богемный и никчемный вид».

Вот именно, многие стихи, включенные в сборник, имеют этот самый «вполне богемный и никчем-

ный вид». Ну хотя бы стихотворение О. Кучкиной, из которого приведу две последние строфы: «Возвращайтесь, пожалуйста. Памятью или на деле, как придется, как выйдет, как пустят занятья и быт. Не на этой, на той, истекающей утром, неделе, там вам важная встреча — с собой — предстоит. Возвращайтесь, пожалуйста, просьба моя выполнима, отмечайтесь у прошлого, словно в дежурке солдат. И еще не забудьте, что я вас люблю и любила... Может, в этом единственном смысл наших дат». Честно говоря, я не совсем понял, зачем все это написано. Чтобы в тысячный (миллионный) раз утвердить истину, что нельзя забывать прошлое (в стихотворении «старое место», «пепелище»)? Но во всем стихотворении нет конкретного действия, события, которое было в прошлом и к которому памятью нас призывает возвращаться автор стихотворения. Все сказанное абстрактно, все призывы и приглашения повисают в воздухе, ибо они неосязаемы. И потом, почему в том, «что я вас люблю и любила»,— «в этом единственном смысл наших дат»? Вопросов много. Ответов нет. Как тут не вспомнить Сумарокова: «Витийство лишнее природе злейший враг».

Или взять стихотворение Н. Злотникова «Щегол», в котором есть такое обращение к лирической героине: «Наши сроки давно миновали. Куст жасмина любимого гол. Ты забыла, как на сеновале пел веселый и грустный щегол. Он и звука не вымолвил всуе, говоря нам про нас про двоих, но объятья и поцелуи прекратились, когда он затих». И последняя строфа: «Может, он, с детства отданный пенью, рад был взять и случайную роль? Может, он на пороге к забвенью произнес заповедный пароль?»

А как в контексте традиций отечественной поэзии отнестись к такому, например, сочинению:

Налетела осень.
Смуту навела.
Не любил бы — бросил,
Да и все дела.
От меня хотела
Слезы утаить.
Осень налетела,
Что и говорить...
Осень. Боль сквозная.
Гиблые мечты.
Ты молчи, я знаю
Все, что скажешь ты.
Знаю сам, что осень,
Что с другим была...
Не любил бы — бросил,
Да и все дела.

Невеселые, прямо скажем, дела... «Жестокие» эти романсы о щегле и о «гиблой мечте» (автор стихотворения М. Грозовский) по меньшей мере пусты и имеют как раз тот самый «никчемный вид». Как, впрочем, и стихотворение Л. Таракановой «Голуби», в котором «трещина мира» (Г. Гейне) проходит через понятие о том, что «отсюда недалече есть лесок и чистый водоем», куда лирическая героиня стихотворения и приглашает «милого».

К сожалению, банальные лирические излияния не редки на страницах «Дня поэзии 1982». Удивляешься тому, что их авторы всерьез верят в необходимость печатать полуальбомные-полуинтимные вирши. Все это делается с чувством высокой самооценки своих творений, с уверенностью в единении автора — книгопродавца — читателя. И мало кто сомневается в высоком предназначении именно своего поэтического слова, в своей звезде. Один лишь В. Резник (опять же, конечно, в шутку, шаржированно, и тем не менее убедительно) произнес:

Я бы дал тебе честное слово,
Больше в этот бедлам ни ногой,
Пропади оно пропадом снова
Удостоиться чести такой:
Мельтешить на газетных
страницах,
На журнальной блистать полосе,
Лучше мне от стыда удавиться,
Чем являться в подобной красе.
Лучше по миру шляться, по миру,
Жить на медной чеканки гроши,
Расколов предварительно лиру
О косяк неразумной души.
В мире Пушкина и Льва Толстого
Выше правды и нет ничего.
Я бы дал тебе честное слово,
Да боюсь, что нарушу его.

Похвально уже то, что поэт заговорил на тему, его тревожащую, волнующую. Что он — хоть в шутку! — засомневался в том, в чем другие твердо уверены: в том, что именно ИХ слово есть «бог». Я, конечно, против того, чтобы у нас сократилось количество издаваемой хорошей, но именно хорошей, стихотворной продукции, конечно, нет, — сочтут ретроградом,— а потом умение сочинять — признак культуры; я ратую за то, чтобы количество выдаваемой на-гора стихотворной продукции было пропорционально ее качеству. Тем более, повторяю, в наши дни, когда каждый второй читатель и сам сможет так. Дело здесь и в теме, поднимаемой поэтом, и в словах, употребляемых им, и в серьезности разговора с читателем. Оценивая продуктивность одного поэта, Твардовский заметил: «...я не нашел, чтобы эта продуктивность была в плане и духе некоей ГЕНЕРАЛЬНОЙ ДУМЫ, одержимости каким-то чувством, задачей, поиском,— нет, всего понемногу, но в основном та же очень приятная (покамест!) любовь ко всем житейским цветам и оттенкам, ГОТОВНОСТЬ ОТОЗВАТЬСЯ НА ВСЕ, что идет в душу: на снег, на дождь, на прочитанную книгу, прослушанную песенку, подмеченную подробность той или иной картины,— и отозваться хорошо, выразительно, но уже, простите меня, с НЕКОТОРОЙ НАБИТОСТЬЮ РУКИ в малых секретах изготовления «вещиц», не плохих, даже хороших, но все уже на один покрой».

О «вещицах» «на один покрой». Сужая поиски, выбираю в «Дне поэзии 1982» стихи, в которых так или иначе варьируется привычное в поэзии слово «душа». Задача простая, ибо многие авторы помогают мне в этом поиске довольно активно. Наугад открываю, ну, например, страницы 113—115. «...И душа от меня в час ночной отделилась на миг, воспарила и увидела сверху, что будет со мной... Спохватилась. Очнулась. Забыла» (К. Ковальджи), «Хоть стар, но продолжаешь жить, судьбы благословляя милость,— седое облачко души за выступ сердца зацепилось...» (И. Грудев), «Метель, война, душой не покривлю» (Н. Эскович)... И т. д. и т. п. Убедительно? Еще бы! Бедная, бедная «человечья душа», как только тебя не препарировали, какие только поклоны тебе не отпускали, как тебя не крутили, не вертели! Но все одно: без душевной страсти. Без потребности, без надобности. Так, на ходу, всуе. Или если с надобностью, то позабыв о том, что поэзия — это езда в незнаемое.

Нельзя не заметить, дискуссии о поэзии набирают силу. Но если говорить прямо, толку от этих разговоров мало, мы сами понимаем, что после окончания каждого из них качество поэзии не улучшается. Положительное воздействие такой полемики мне видится в другом: читатель получает право и возможность сказать поэзии в лицо то, что он, читатель, о ней думает. А это уже небесполезно. Цитирую прессу последних лет: «Сегодняшнее развитие поэзии характеризуется любопытным соревнованием: кто «умнее» напишет, кто громче заявит о своей личности?»; «слишком низким стал средний уровень поэзии»; «с уходом таких больших поэтов, как Твардовский, Смеляков, Мартынов, снизился какой-то высокий критерий, по какому измеряется отношение поэта к своему творчеству»; «иногда диву даешься, как человек, лишенный поэтических способностей, лезет из кожи вон, только бы стать поэтом»; «в неудовлетворенности читателей и критиков состоянием поэзии видится прежде всего... законное, осмысленное выражение общенародной духовной потребности уже не просто в талантливых поэтах, но в подлинно великой поэзии...»

Думается, что в этих весьма резких оценках много справедливого. Подливая масла в огонь, добавляю: наша поэзия стала удивительно прозаичной, заземленной, она обременена всеми атрибутами прозы—сюжетикой, беллетристичностью, фельетонностью. Наверное, житейскую прозу трудно игнорировать, но поэт должен стремиться превращать ее в высокую поэзию. Маяковский, Блок, Есенин дороги нам упоением радости и восторга перед жизнью (пусть это иногда печальный восторг, печальная радость). Сегодняшней поэзии, и это заметно по составу «Дня поэзии 1982», не хватает духоподъемности. От нас ускользает азбучная истина: поэзия должна быть красивой. Собственно, русская поэзия всегда была красивой: от высокопафосного Державина, остросоциальнейшего Некрасова до тонколиричнейшего Блока. Поэзия всегда берет на вооружение красоту. И прежде всего красоту мысли человеческой, красоту поступка человека. Как точно сказал В. Шукшин о том, что произведение искусства — это когда что-то случилось: в стране, с человеком, в твоей судьбе. Случилось, свершилось — и поэзия отзывается...

В «Дне поэзии 1982» напечатаны стихи молодого поэта Петра Кошеля. Не забуду, как несколько лет назад он читал свои произведения на творческом обсуждении. Одно из них нельзя было не запомнить:

Дверь отворяется, входит отец: —
Дзе маці?
Дверь отворяется, входит мать: —
Дзе бацка?
На этом зябком горчайшем свете один, не верующий в бессмертье, стирая поздние злые слезы,
Стою и слушаю их вопросы...—
Дзе маці? — Дзе бацка?

Радостно, что голос поэта крепнет, мужает. В стихах, напечатанных в «Дне поэзии 1982», чувствуется натура поэта, его характер:

Не хватит жизни расплатиться
...за воздух из цветного ситца,
за то, что умирать легко,
не хватит жизни расплатиться...

Значительным кажется мне и стихотворение А. Преловского «Образ пули»:

Вы просите, чтоб образ пули
нарисовал я и пальбу.
В траве военного июля
спит череп с дыркою во лбу.
Вы скорбный череп тот возьмите,
к виску прижмите —
лоб у лба,—
в глазницы вечности взгляните...
Ну как, услышалась пальба?

В нем спрессована целая эпоха, даже больше — две эпохи: мира и войны, в нем судьба народа, судьба поэта.

Емки, «вместительны» стихи Г. Русакова. В них философия памяти, бережного отношения к тому, что дало нам жизнь, движение, надежду.

Стихи В. Блаженных приведены под рубрикой «Дебюты ДП 1982». На мой взгляд, дебют молодого поэта удачен. Об этом можно судить хотя бы по такому стихотворению:

Я мертвых за разлуку не корю
И на кладбище не дрожу
от страха,
Но матери я тихо говорю,
Что снова в дырах нижняя
рубаха
И мать встает из гроба на часок
Берет с собой иголку и моток,
И забывает горестные даты,
И отрывает савана кусок
На старые домашние заплаты.

Право же, эти стихи, по-моему, перевешивают десятки упражнений, в которых сущность бытия окрашена наивным «жизнелюбием» и бодреньким румянцем.

В последнее время интересно и оригинально работает Егор Самченко, чьи стихи помещены в сборнике. В его стихах все чаще ощущается та благородная многозначность, глубина мысли и темперамент, которые отличают настоящего поэта от стихотворца. К сожалению, поэтическая критика чаще смотрит в прошлое, когда обращается к творчеству этого своеобразного поэта, не замечая серьезности его сегодняшней работы — произведений, заслуживающих, на наш взгляд, профессионально компетентного анализа да и издательского внимания.

Прекрасно кто-то сказал, что продолжение начинается там, где остановился учитель. «День поэзии 1982» насыщен публикациями из архивов ушедших от нас больших поэтов: Л. Мартынова, Я. Смелякова, С. Наровчатова, В. Казина, Д. Кедрина, П. Тычины, В. Хлебникова, Н. Заболоцкого, М. Цветаевой, Г. Шенгели. Новые публикации как бы вдогонку новым поколениям любителей поэзии даруют ощущение истинного поэтического слова, «слова, сжатого искусством». В стихах классиков советской поэзии и масштаб осмысления мира, и сопоставление сделанного с тем, что было раньше, и та самая «генеральная дума», без которой поэт не поэт.

О том, что «нет остановки в пути», говорят и публикации новых произведений известных современных поэтов разных поколений: Л. Васильевой, Е. Винокурова, Е. Евтушенко, А. Жигулина, В. Кострова, Н. Матвеевой, А. Маркова, Л. Озерова, Б. Окуджавы, С. Поделкова, Б. Примерова, В. Соколова...

Поэзия, конечно же, не должна сдавать позиций, и она подспудно набирает силы. Пусть медленно, но неотвратимо свершается тот качественный сдвиг, который «явит миру имена». Тем более, что, как считает уже упомянутый мною Г. Русаков, «в этом трудном мире» поэту нечем оправдываться перед самим собой, перед Родиной, перед будущим — «вот разве словом... Только им».

И оправдание это, должно быть оправданием поэта и гражданина. Можно вспомнить Маяковского: «Поэт всегда должник вселенной». А долг, как известно, красен платежом.

К 80-ЛЕТИЮ Г. В. АЛЕКСАНДРОВА

ХУДОЖНИК, ВОСПЕВАЮЩИЙ ВРЕМЯ

Любовь Орлова и Григорий Александров.

Московский телефон Григория Васильевича Александрова не отвечал. Нетрудно было догадаться, что мастер решил не покидать на зиму свое любимое Внуково. Так оно и оказалось. Но, добравшись до Внукова, мы вдруг, согласно пословице, заблудились в трех соснах, хотя, конечно, сосны во множестве стояли в пустынных, безлюдных вроде проулочках. И поиски продолжались бы, если бы первые же встречные не сказали с укоризной: «Вы бы сразу, от самой Москвы, дачу Александрова и Орловой спросили — каждый укажет. Здесь эта дача прямо святыня».

Найденная теперь сразу, давно знакомая дача тоже показалась замершей и тихой, но это впечатление тотчас же и рассеялось: жизнь пусть не такая звонкая, не такая яркая, как прежде, но по-прежнему насыщенная содержанием и мыслью, текла по тому же творческому руслу, которое, вероятно, и называется судьбой человека, если только он художник... А судьба Г. В. Александрова — одного из крупнейших кинодеятелей (крупнейших не только в нашей стране, но в мире),— сложившись еще в ранней его юности, отличается именно своим художественно высоким постоянством, нацеленностью на прекрасное,— на идеал, требующий выявления.

Один из зачинателей советского кино, — режиссер и актер, он отдает и нынче жизнь своему делу.

Биографию маститого художника кино, наверное, пересказывать не следует. Ведь только самые юные из сегодняшних кинозрителей (да и то вряд ли) не знают, что и первые революционные советские фильмы и первые комедийные картины создавались в нашей стране благодаря непосредственному — всегда кипучему, деятельному, веселому и умному — участию Г. В. Александрова. Он не жалел ни времени, ни здоровья, ни сил на осуществление задуманного кинопроизведения. Хотя порой интересная, содержательная задумка не осуществлялась, как это было с фильмом «Скворец и Лира». А иногда осуществление происходило спустя годы и годы, как, например, случилось с картиной о революционной Мексике, которая лишь через тридцать лет пришла на экраны страны и, кстати, получила Золотую медаль на кинофестивале в Москве.

Всех поразило тогда, что и творческое звучание столь давнего фильма и способ художественного осуществления сохранили не только редкостную свежесть, «сиюминутность», но и смысловую, идейную значительность.

— Теперь моей лебединой песней, — говорит Григорий Васильевич, — будет книга «Любовь, Любовь...». Я работаю — диктую книгу — здесь, во Внукове, каждый день. Если позволяет здоровье... Любовь... Помните, как уходила она в свои десятикилометровые «прогулки», когда мы-то с вами уютно усаживались у камина... Поистине она принадлежала искусству всем существом, и даже больше — всеми помыслами. Без нее сама жизнь звучит иначе...

Но не только с нее — с Любови Орловой — начиналась особенная, яркая, воспевающая Время кинематография Г. В. Александрова. Хотя уже одно создание актрисы по имени Любовь Орлова — подвиг режиссера. Ведь это он «лепил» ее актерскую суть, неустанно направляя самое содержание творчества Орловой к отображению **советской** сути нового человека да и всей нашей жизни. Отображению, пожалуй, не имеющему себе равных. Уникальному... И, кстати сказать, ни само это отображение, ни эти фильмы ведь до сих пор не получили еще точного определения, исчерпывающей характеристики. Эти «старые» и вечно молодые фильмы, удивительное, покоряющее звучание которых приносили на экран Орлова и Александров, создавала **актриса**, действующая согласно точному замыслу **режиссера** — разве они только развлекают зрителя?.. Они тоже имеют совершенно особенный душевный, сердечный, жизнеутверждающий советский характер.

Александров делал с Орловой еще и такие фильмы, где зрителю становилось не только весело, но и грустно: становилась наполненной содержанием сама душа зрителя... Вспомним хотя бы полифоническое, сложнейшее звучание «Цирка»...

Но вот совсем недавно телевидение решило показать тем, кто прежде не видел ранних свершений Г. В. Александрова, фильм «Веселые ребята». Каким же это стало праздником для зрителя!

Легко на сердце от песни веселой,
Она скучать не дает никогда...

И появляется на экране под звуки этой чудесной, нами не забытой песни Лебедева-Кумача красивый, молодой, победительный Леонид Утесов... Ролью пастуха Кости Потехина в картине, где играла Любовь Орлова, начинался и его безоговорочный, потрясающий успех. Причем успех не только артиста Утесова, но еще и джаза Утесова.

Фильм-концерт, фильм-шутка, фильм-эксцентриада казался легкой, искрометной, прямо на глазах зрителя происходящей импровизацией... А ведь это была трудная и совсем непростая работа режиссера над созданием особого жанра советской комедии, изобилующей веселыми, забавными приключениями, острым столкновением не только характеров, но и нравов, где всему отсталому, косному объявлялся бой: оно уничтожалось смехом.

«Волгу-Волгу», пожалуй, помнят все. Помнят «Весну» и «Светлый путь»... Но все ли знают, что Александров вместе с Эйзенштейном был создателем историко-революционных картин: «Стачка», «Октябрь», «Броненосец «Потемкин»... И не случайно самое имя Александрова упоминалось в печати рядом с именами Довженко, Пырьева... Кстати, с Пырьевым они были земляками-свердловчанами, друзьями-соратниками. Оба они явились в Москву в двадцатые годы, пришли в искусство прямо с фронта, в шинелях.

Все эти биографии принадлежат не только кино: они принадлежат истории. И еще принадлежат огромной культуре Советской страны, где все созданное следует беречь и охранять с великой благодарностью.

Особенно же велика благодарность по отношению к таким, как Г. В. Александров — народный артист СССР, Герой Социалистического Труда,— художник кино, последовательно воспевающий в течение всей жизни революцию и человека, революцией воспитанного. Воспевающий, наконец, самое Время, воспринятое художником как программа непрерывного созидания и утверждения советского образа жизни.

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ДЛЯ НАРОДНЫХ ТАЛАНТОВ

СОВЕТСКАЯ ОДНОАКТНАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Этот сборник вполне можно назвать четвертым томом «Антологии советской одноактной драматургии», начало издания которой было приурочено еще к сорокапятилетию со дня образования СССР.

Первый том открывался пьесой старейшего большевистского литератора Павла Арского «За красные Советы», написанной в грозовом 1918 году, и включал произведения А. Луначарского, А. Серафимовича, Х. Хамзы, И. Ильфа и Е. Петрова, М. Зощенко, К. Паустовского, Ш. Дадиани, Г. Мухтарова, В. Гусева и многих других старейших советских писателей. А в нынешнем сборнике, изданном накануне 60-й годовщины Советского Союза, преобладают пьесы драматургов послевоенного и даже более молодого поколения.

Не только этим, однако, примечательна книга, а прежде всего тем, что воочию отражает несомненный расцвет подлинно многонациональной советской одноактной драматургии. Если в первых трех томах «Антологии» были представлены всего лишь семнадцать литераторов из союзных и автономных республик, то в одном четвертом томе мы видим тринадцать пьес таких авторов. Украинец Я. Верещак, белорус Г. Марчук, казашка Ш. Кумарова, азербайджанец С. Кадырзаде, киргизский драматург Б. Омуралиев, таджик М. Бахти, туркмен А. Мамилиев, литовец Э. Игнатавичус, латыш И. Гейстартс, эстонец Ю. Туулик, балкарец И. Боташев, бурят Д. Дылгыров — вот чьи избранные пьесы предлагает читателям и зрителям новый сборник. Знаменательный факт! Он открывает перед самодеятельными коллективами большие возможности создания спектаклей о жизни братских народов нашей многонациональной Родины. А к этому ощутимо стремятся сотни тысяч народных талантов, отдающих свой досуг сценическому творчеству.

В короткой рецензии нет, естественно, возможности разобрать достоинства и недостатки всех вошедших в сборник пьес. Вот почему придется только обозначить наиболее важные приметы, определяющие лицо книги в целом.

Прежде всего следует отметить значительное жанровое разнообразие сборника. Ярко выраженные драмы соседствуют с лирическими комедиями, проблемные пьесы — с такими, которые написаны в гротесково-водевильной манере. Это позволит самодеятельным коллективам обогатить свой репертуар спектаклями интересующих их жанров, а участникам наиболее полно выявить присущие им исполнительские возможности.

Время действия почти всех пьес можно с полным основанием определить так: наши дни. В этом — второй и весьма существенный признак нового сборника, справедливо названного в предисловии дневником нашего времени. Что же касается места действия, то мы встречаем персонажей пьес и в новосозданном музее славы украинского села, и на народной новостройке в Балкарии, и в доме моделей узбекского города. Строители, механизаторы, врачи, студенты, моряки, прокладчики сибирских нефтепроводов — трудно перечислить всех, на чьих судьбах драматурги показывают жизненно важные, преимущественно нравственные проблемы, волнующие сегодня советских людей.

Хороший подарок преподнесло к 60-летию СССР издательство «Искусство» (составитель В. Белянкина, редактор Н. Каминская) народным театрам и драмкружкам. Впрочем, не только им, но и профессиональным театральным коллективам. Ведь, следуя извечным традициям русского театра, они все чаще и охотней тянутся к одноактной пьесе.

С. ЕЛЕНИН

Советская одноактная драматургия. Москва, «Искусство», 1982, 454 стр.

ЛИРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Людмила ЩИПАХИНА

МОЙ ДВ

Время не выбирают.
Истина.

Алая тень крыла.
Красной лозы побег.
Гроздья добра и зла.
Это — двадцатый век.

Словно звезда во мгле,
Вера в его глазах.
...Путники на земле,
Спутники в небесах.

В мире сыром продрог
Маленький человек...
Это — двадцатый рок.
Это — двадцатый век.

Бледной листвы ажур,
Нити сухих лиан.
Точит алмазный бур
Каждый меридиан.

К вышкам сторожевым
Вышел на пост солдат,
Умершим и живым
Единокровный брат.

Он ли грозу огня
Временно укротил?
Спит в изголовье дня,
Стиснув грома́, тротил.

Пламя кошмарных снов
Выльется из-под век...
Это— набат и зов!
Это — двадцатый век.

Это моя страна —
Красный оплот добра.
Гулкое, как струна,
Сердце бьет у ребра.

Рабскую власть оков
Сбросивший человек...
Это — триумф веков,
Это — двадцатый век.

Хлеб, и вода, и соль
Всем — на столе одном.
Радость моя и боль.
Миг — в бытие земном.

●

Накопитель и стяжатель,
Толстосум — двадцатый век.
И — практичный обыватель,
И пытливый человек.

Все полезное на свете
Извлекает он из тьмы.
Памятью тысячелетий
Перегружены умы.

Оседает мудрость мира
В тишине библиотек...
Он— всезнайка,
И — проныра,
И — хитрец,
Двадцатый век.

От Конфуция и Канта,
От Энштейна и Кюри,
Всё — до лазера и кванта
Умещает он внутри.

Век двадцатый —
Век-вожатый.
Он со знаменем в руке.
Красный джин, в бутылке
сжатый,
На одном материке.

Человек — его богатство.
Просветив умы от тьмы,
Создал он державу братства,
Переделал Я — на МЫ.

Мы — земная соль и сила.
Мы — владельцы гор и рек.
Все, что будет, есть и было —
Это мы,
Двадцатый век.

С ТОЙ ПОРЫ

Это мы — отец и мама,
Это мы — сестра и брат —
Едем долго
И упрямо
В разбомбленный Сталинград.

Что нам в этом пепелище?
Ни родни,
Не отчий край...
На руинах счастье ищет
Робкий день,
Победный май!

Отхлебни от нашей силы,
Припади к ней жадным ртом!
Сталинград — пока что символ.
Город вырастет потом.

Город вырастет из муки,
Из геройства,
Из труда.
А пока потребны руки,
Жесть,
Стропила,
Провода.

Может быть, затем стихами
С той поры теснится грудь,
Чтоб горячечным дыханьем
Обогреть его чуть-чуть.

Как его дела богаты!
Как его глаза чисты!
Это мой отец на ватман
Наносил его черты.

Это мама, всей любовью
Что-то городу шепча,
Берегла его здоровье
Нежной чуткостью врача.

...Школа, карточки, заботы.
Пленных немцев жуткий строй.
Развороченные дзоты.
Без обеих ног герой...

Век двадцатый — бед немало.
Да и наш удел таков:
Крыш и книг недоставало,
Витаминов и белков...

Мы прошли, светло и свято,
Тот рубеж,
Начав разбег...
О, как труден век двадцатый!
Век двадцатый, славный век!

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕТ

Славный век.
И век порочный...
Не его ли дым вдали
Застилает днем и ночью
Травы треблинской земли?

И с неистовством набата
Ветер, рвущийся с дорог,
Не золой ли Бухенвальда
Осыпает наш порог?

Есть священные музеи.
Там, храня былого след,
Протирают бумазеей
Фотоснимки старых лет.

Это, право, не жестоко —
Сохранять на вечный срок
Достоверный факт истока,
Горькой памяти глоток.

И последний день Хатыни.
И расстрелянная мать.
Молчаливые святыни,
Обреченные кричать!

Время, выпуклая линза,
В нем опять виденьем злым
Тень зловещего фашизма
Над землей ползет, как дым.

Паренек в картузе сивом
Белокур, высок и сух.
И с сосисками и с пивом
Он впитал нацистский дух.

Не его ли это дело —
Ку-клукс-клановский шабаш?
Под полою — парабеллум.
Яд, и порох, и шантаж.

Не одна сгорела книга
На костре его дорог.
И не он ли, целясь в Кинга,
Холодно нажал курок?

Подлость, жгущая до боли,
Не его ль сестра, скажи?
След размытый не его ли
На предательстве и лжи?

И в явленьях атавизма:
Черной зависти и зла
Не живой ли дух фашизма
До сих пор вершит дела?

Потому и не почили
Мы на лавровых венках...
Мы живем.
Но гибнет Чили!
Стон Сонгми
Звучит в висках.

И с расчетливым терпеньем,
Навевающим испуг,
Над истерзанным Пномпенем
Черный ворон чертит круг.

Одичалый ветер в поле.
На земле кровавый след...
Нет чужой на свете боли.
Как чужого горя нет.

Разве совесть,
Честь и братство
Потускнели на веку?
От народного богатства
Мы отломим по куску.

С человечным, благородным,
Древним чувством — сострадать...
Накормить детей голодных,
Руку помощи подать.

В СВЯЗИ КРОВНОЙ

Лунный слиток над миром повис.
Ветер рвался от Дона до Волги.
Рассыпая по лужам осколки,
Раскололась звезда о карниз.

Мак, дурманя, расцвел в темноте,
Инфракрасные блики бросая.
Потекла, как дождинка косая,
Тень улитки на влажном листке.

И из дальних каких-то земель
Эхо шло в поднебесные выси.
Щебет птах и рычание рыси.
Выплеск волн на песчаную мель.
Ощущался немыслимый зной.
Намечалась полярная стужа.
И качалась размытая суша,
И светло засыпала со мной.
Свет и отсвет плывут по лицу.
Это наша планета клокочет.

...Но запел голубой колокольчик,
Золотую роняя пыльцу.
И, незрима, легка и вольна,
Я куда-то уже улетела...
Лишь осталось условное тело
На холсте вологодского льна.

Век двадцатый за плечами.
И двадцатый год весны.
Что же снятся мне ночами
Все одни и те же сны?

Пальмы, арочные зданья,
Чуть знакомые слова...
Может, в сумерках сознанья
Память древняя жива?

Тень горы на шкуре львиной.
На сыром песке — следы.
Три серебряных дельфина
У поверхности воды.

Колесницы и колонны.
В белых тогах мудрецы.
То ли башни Вавилона?
То ли критские дворцы?

Мчатся всадники по свету.
В бубен бьет туземный вождь.
С Кордильер слетает ветер.
По лицу стекает дождь.

Взрывы, вспышки, перемены...
Это, презирая смерть,
Наши атомы и гены
Совершают круговерть.

От Сибири до Севильи
И — на весь живущий род
Облаков седые крылья
Гонят общий кислород.

Круговое колыханье
Вод, питающих поля.
И одно у нас — дыханье.
И одна у нас — земля.

ТАКАЯ ЛЮБОВЬ

Ластится синий снег.
Юная бродит кровь.
Здравствуй, двадцатый век!
Здравствуй, моя любовь!

Робкой надежды след.
И торжество,
И страх.
Неугасимый свет
Стынет в твоих глазах.

Это в мою ладонь,
Может быть, неспроста
Дивный упал огонь —
Розовая звезда.

Были былых времен...
Зори над каждым днем.
Все это — только он.
Все это —только в нем.

АДЦАТЫЙ ВЕК

Травы и птичий гам,
Стройки, разливы рек...
...Это для встречи нам
Выпал двадцатый век.

О, не покинь, не сгинь,
Властвуй и существуй!
Словно мед и полынь —
Первый твой поцелуй...

•

Как призыв,
Как причуда,
Иль просто примета...
Как настойчивый зов,
Или как паранойя,
Звал твой голос.
Заманивал шепотом веток.
Подставляла мне птица
Крыло вороное.

Я настроила слух
На мотив этот вечный,
На пронзительный звук
Долгожданного гимна.
Я почти что свободна.
Почти что беспечна.
Я люблю, наконец,
И почти что взаимно.
Но не ты, а кусты
Прошептали: «Приди...»
Но не ты, а звезда
Появлялась под вечер.
И не руки твои,
А сырые дожди
В одинокие дни
Мне ложились на плечи.

Что ж твой голос зовет
Так легко и светло?
Что ж так время спешит
К торжеству листопада?
И опять подставляет
Мне птица крыло.
И вранется душа,
Но воскликнет:
«Не надо!..»

МОРСКАЯ ДУША И ЗЕМНАЯ ЗВЕЗДА

В крутой сумятице земной
Забыты прочие заботы.
И тяготеет надо мной
Лишь трепетная власть работы.

Приняв навек ее удел,
Я над собою возвышаюсь!
Гнушаясь только черных дел,
Работы черной не гнушаюсь...

Ах, нет, мне не пристало
морщиться
От всех забот в моем походе:
Я — страж порядка,
Я — уборщица.
Работаю на теплоходе.

О, это чувство чистоты!
Наверное, оно не мелко!
Когда сдается, что и ты
Отмыт бываешь, как тарелка!

Куда плыву?
Чей зов крепчал,
Во мне бродягу открывая?
Гудит обветренный причал,
От судна — землю отрывая.

Я нынче ночью не усну
От гордости!
А не от горя.
И будут дни подобны сну,
В котором — море, море, море...
А в море, словно
в многоборье —
Бурь баллы.
И гуденье стуж.
Кто это там сказал, что море
Не принимает слабых душ?

Нет!
Созидая, правя, руша,
Оно упорством обнадежит.
Оно возьмет тебя за душу,
И потрясет!
И разум вложит!
Зовет и мечется бросками,
Сжигает синевой огня.
И вот теперь душа морская
Навек осталась у меня.

•

Стонет море,
В его утробе
Бунт и буря.
И ветер повсюду.
Я хожу в леденящей робе.
Я на камбуз ношу посуду.

Мне за шиворот море попало.
Плещет море, по трапам звеня.
Эта качка двенадцати баллов,
Как тростинку, мотает меня.

А вокруг такое купание!
Всё в воде.
И всюду вода.
Даже шторы в кают-компании —
Как намокшие невода.

Мне сегодня совсем невесело!
Как мне тошен камбузный запах!
Я едва держу равновесие
На летящих куда-то трапах.

Но решаю с упрямым
бешенством:
Не поддамся качке!
И точка!
Я еще молода,
И неженка.
И немножко мамина дочка.

Я не знала морских повадок!
Мне, наверно, беда грозила...
Но сказал капитан: «Порядок!»
А матросы сказали: «Сила!»

Хорошо штормовать с теми,
Чей крутой приговор меток.
По двенадцатибалльной системе
Это высшая из отметок.

•

Но позади — ветра дорог,
Гул штормов и уют кают...
Прими меня на свой порог,
Литературный институт!

Талантов разность и одежд.
О, сколько судеб здесь
свершилось!
И... сколько рухнуло надежд,
Сдаваясь суете на милость.

Ах, семинары, семинары!
Набиты комнаты битком.
Студенты, словно самовары,
Гудят. И плещут кипятком!

Я им навеки благодарна
За постижение основ:
Здесь слово бранное
«бездарность» —
Апофеоз всех бранных слов.

Здесь первозданно все и остро.
И мы, по сути, таковы...
Литинститут — прекрасный
остров.
А рядом —
Океан Москвы.

Москва гудит, как ветер
в вантах.
И синева в ее глазах.
Ее я знаю в транспарантах,
В цветах,
В овациях,
В слезах.

•

Москва...
Люблю тебя за искренность.
Чему б ни довелось случиться,
Перед тобой нельзя заискивать.
Как и нельзя тобой кичиться.

Москва,
Еще мы знаем мало,
Каким ты гением жива!
Еще ты миру не сказала
Свои последние слова!

А мир притих,
Восторг копя.
И, поклонясь неизменно,
Настроенные на тебя,
Гудят радары и антенны.

И мне ли перечислить здесь
Все, что с тобой земля связала?
Что ты открыла,
Что сказала,
Чем обязала,
Что ты есть?

А мне ты — вера навсегда!
Я от тебя зависеть рада.
Твоя улыбка — мне награда.
И твой упрек — моя беда.

И, дни как прежде торопя,
Я воле сердца не перечу:
Я уезжаю от тебя —
И снова назначаю встречу.

В любом краю,
В мороз и зной,
В любой привязанности малой
Ты будешь мне сиять звездой,
Сквозь даль горящей,
Вечной,
Алой.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАРОДА

Простор Руси необозрим.
И многочисленны народы...
...Уж пали
Греция и Рим,
Обрушив мраморные своды.

Давно Помпея спит впотьмах.
И амфоры Афин разбиты.
И время откололо взмах
У рук Милосской Афродиты.

Осколки статуй и колонн
Запрятаны под слоем вечным.
Зов предков с отзвуком имен
Смешались в вихре
быстротечном.

Уже кифары не звучат.
И Атлантиду — смыло в море.
Но был славянский дух зачат
На ржи,
На воле,
На просторе.

Еще неведомо земле,
Чем обернуться он посмеет!
Каким лучом взметнет во мгле?
И что пожнет?
И что посеет?

В Купавин день его уклад
Крепчал от огненной закалки,
И был он на кострах зачат,
И на меду,
И на смекалке.
Уже папирусы времен
В кувшинах глиняных истлели.
Уже над доблестью имен
Метели дней прошелестели.

Мудрейших сыновей земли
Похоронил Восток священный:
Жаухари,
Аль-Ашари,
Ибн-Сину или
Авиценну.

Но от Дуная до Днепра
И дальше — сквозь таежный
гомон.
Славянский складывался нрав
И русский утверждался говор.

Слились в нем трепетно
и странно,
Как реки — в озере одном:
И струны вещего Бояна,
И свист стрелы,
И вешний гром.

В тот час лихой и неурочный,
Собрав на лбу морщины дум,
Молился Даниил Заточник
И жаждал правды Аввакум.

Не на святых ли тех костях,
Что ветры вымыли косые,
Сложился будущий костяк —
Интеллигенции России?

Не морганатическая знать,—
Тот давний лапотник,
Безбожник,
Помор, дерзнувший мир
познать...
И первый крепостной художник.

И разночинец, что велик
Свободным духом
вольтерьянства.
И тот чудак...
И еретик.
И обедневший сын дворянства...

Суть догм
И суетность поправ,
Копила интеллект Россия.
Ума и сердца прочный сплав.
В нем — русский дух.
Размах и сила.

Звала к свободе и добру
Сквозь годы добрые и злые
И крепла на сквозном ветру
Интеллигенция России.

Горящий факел. Зов на бой.
Обломки царства, дни крутые...
Тот взрыв свершен был и тобой,
Интеллигенция России!

Бесценен опыт и велик.
Но ей придали облик новый —
Кавказец,
Друг степей — калмык,
И азиат,
И сын Молдовы.

Духовной пище нет конца...
И будем славить год от года
Труд зодчего
И труд певца.
Интеллигенцию народа...

(Окончание следует).

ЗАПАДНЯ НА ПОТОМАКЕ

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

24 июня 1982 года. Штаб-квартира Центрального разведывательного управления США (ЦРУ) в местечке Лэнгли, что в получасе езды от Вашингтона. К сотрудникам шпионского ведомства прибыл президент Рональд Рейган. В переполненном зале он обратился к ним с речью:

— Сегодня, по прошествии почти целого десятилетия пренебрежения и порой чрезмерно рьяной критики, мы восстанавливаем свои разведывательные ведомства. Это вполне соответствует американской традиции. Такая деятельность имеет жизненно важное значение для нашего выживания как нации...

Нет, видимо, нужды подробно объяснять, чем заслужило ЦРУ чрезмерно рьяную критику. Об этом писалось довольно много. Если вспомнить хотя бы основные вехи, то нужно назвать вьетнамскую войну, уотергейтское дело, разоблачения террористических акций американских служб за границей, включая убийства политических лидеров, и противозаконные операции внутри собственной страны.

В подтверждение того, что им больше не пренебрегают, Рейган осыпал своих слушателей сочными комплиментами: умные, сообразительные, честные мужчины и женщины, герои тайной войны, глаза и уши свободного мира и т. п.

Еще раньше президент назначил Уильяма Кейси, близкого к себе человека, директором ЦРУ, возвел его в ранг полного члена правительственного кабинета, поручил ему поднять «моральный дух» в Лэнгли. И вот теперь, обращаясь к героям тайной войны, он напутствовал их на «крестовый поход за свободу», под которым на современном языке Вашингтона подразумевается борьба против сил мира, социализма и социального прогресса. Рейган поставил перед ними задачу «вписать новую, важную и волнующую главу в историю американской разведки».

Крестовые походы ЦРУ начинаются «от печки» — с Лэнгли. Им больше всего благоприятствует такая обстановка, при которой, как теперь, спецслужба не испытывает к себе «пренебрежения», особенно со стороны президента. Бывали во взаимоотношениях Лэнгли и Белого дома периоды, когда между ними пробегала кошка. Их было не так много, говоря точнее, всего лишь два. Об этих двух главах, которые особенно настойчиво стараются похоронить в тайниках истории, и пойдет наш рассказ. Авторы не придерживаются точной хронологии, полагая, что здесь суть не в ней.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. УОТЕРГЕЙТСКОЕ ДЕЛО

Национальная психодрама

Американские и ватиканские бизнесмены сообща построили во второй половине шестидесятых годов на вашингтонском берегу Потомака огромное здание многоцелевого назначения. Рестораны, отель, кооперативные квартиры, меблированные квартиры, помещения под конторы, плавательные бассейны, универсальный магазин — все это и многое другое разместилось под одной крышей и под одним названием «Уотергейт» — «водные ворота». Верхние этажи и крыша его были украшены какими-то причудливыми зубьями, что издали придавало этому модернистскому палаццо вид опоясанного пулеметными лентами чудовища.

Первую известность «Уотергейту» принесли цены на продававшиеся в нем кооперативные квартиры. 75 тысяч долларов — за однокомнатный кооператив, 125 тысяч — за двухкомнатный, 250 тысяч — за многокомнатный с отдельным лифтом и зимним садом.

Однажды мы попали в «Уотергейт» на новоселье к корреспонденту французской газеты. Вспоминали, как на месте «водных ворот» стоял уютный голландский ресторанчик, славившийся своей простой, но необыкновенно вкусной, приготовленной по-домашнему рыбой. От него было рукой подать до государственного департамента, где многим из нас приходилось коротать дни в ожидании дипломатических новостей.

Разговор зашел о ценах на кооперативы, особенно на самые дорогостоящие. Ведь за 250 тысяч долларов в то время можно было купить пять довольно приличных домов. Кому же нужны эти кооперативы, спросили мы хозяина, который, будучи верен своей профессии, уже успел написать пару репортажей об «Уотергейте». Правильно, согласился он, нигде больше в Вашингтоне нет таких цен ни на квартиры, ни на конторскую площадь. Их платят, чтобы купить престиж, пустить пыль в глаза.

— Значит, и ты погнался за славой?— ехидно спросил хозяина его французский коллега.

— Если хочешь знать, да. Не я, правда, а мои хозяева в Париже. Они прослышали про «Уотергейт», увеличили квартирную статью моих расходов и велели даже пересесть на «мерседес», чтобы лучше выглядеть среди обитателей этого избранного местечка.

Кто же первым въехал в 250-тысячный кооператив с отдельным лифтом, зимним садом и собственной площадкой на крыше? Устроитель вечеринки охотно удовлетворил наше любопытство. Оказывается, первое золотое гнездышко свила себе здесь восточная красавица, как величала ее вашингтонская пресса, Анна Чен Шено. В годы второй мировой войны молоденькая китаянка, приходившаяся родственницей мадам Чан Кайши, вышла замуж за генерала ВВС США Рено Шено. Овдовев, Анна Чен Шено поселилась в Вашингтоне и занялась политикой.

— Вряд ли бравый генерал оставил мадам Шено наследство, которого хватило бы на такой кооперативчик,— полуутвердительно-полувопросительно заметил один английский журналист. Его поддержали все, при этом японские журналисты как-то загадочно заулыбались и даже захихикали.

— Не секрет,— сказал корреспондент крупной японской телевизионной компании,— что мадам Шено хорошо зарабатывает, представляя в Вашингтоне интересы правительств Тайваня, Южной Кореи и Южного Вьетнама.

— Хватит о мадам Шено,— вмешался в беседу хозяин.— Скоро в «Уотергейте» будет поистине грандиозное новоселье. Сюда переедет национальный комитет демократической партии.

Поздним вечером мы разъезжались из «водных ворот» на Потомаке, совершенно не подозревая, что пройдет немного лет, и «Уотергейт» прогремит на весь мир как стартовая площадка самого грандиозного политического скандала в современной истории Америки.

В ночь с 16 на 17 июня 1972 года в помещение национального комитета демократической партии (НКДП) незаконно проникла группа людей. Целью визита непрошеных гостей было исправление установленного ими ранее, но почему-то барахлившего подслушивающего устройства в телефонном аппарате секретарши председателя НКДП Лоуренса О'Брайена. Операция закончилась неудачно. Злоумышленники были арестованы. Так возникло печально знаменитое уотергейтское дело, которое позднее приобрело более широкие и замысловатые очертания. Оно тянулось без малого два года и стоило места в Белом доме президенту Ричарду Никсону.

В июне 1982 года американские газеты и журналы широко отметили десятую годовщину уотергейтского дела. Анализировались его последствия, подробно описывались судьбы замешанных в нем людей. И вновь, как десять лет назад, прозвучали уже знакомые вопросы. Кто же все-таки отдал приказ о проникновении в НКДП? Какова была истинная цель этого рейда? Кому было выгодно раздуть всю эту историю? Четких ответов на них пока не дано, хотя написаны об «Уотергейте» десятки, если не сотни книг.

Ведущий американский политический еженедельник «Тайм» в номере от 14 июня 1982 года размышлял над происшедшим: «Причина всей этой истории — некомпетентный политический шпионаж — оказалась несоизмеримой с ее последствием — отставкой президента, если брать обычные ньютоновские законы... Уотергейтское дело больше похоже на явление квантовой физики. Частичка истории, как букашечный атом, вызвала катаклизм». И далее журнал повторял то, что писалось и пишется многими: «Это была загадочная история, сюжет полон великолепно причудливых неясностей, неизвестностей, непонятностей. Одним словом, национальная психодрама, превращенная телевидением в мыльную оперу».

Особенно загадочной остается в этом деле роль американской разведки. Но даже то, что просочилось на страницы газет, журналов, книг, официальных докладов, свидетельствует отнюдь не о безгрешности или пассивности тех, кому в свое время президент Гарри Трумэн вручил символические плащи и кинжалы.

В разгар уотергейтского дела была создана специальная сенатская подкомиссия по изучению роли ЦРУ в политическом катаклизме на Потомаке. Ее возглавил сенатор-республиканец Говард Бейкер (ныне лидер республиканского большинства в сенате). В начале 1974 года он начал проводить слушания, из которых вынес весьма любопытное впечатление о роли «глаз и ушей свободного мира» в уотергейтском деле. «Лес полон ломящихся сквозь заросли зверей,— сказал сенатор.— Я могу слышать их, но я не могу разглядеть их».

Иносказательно, но, на наш взгляд, весьма определенно Бейкер намекал на причастность ЦРУ к «национальной психодраме». В 1980 году вышла книга Бейкера «Нет места для ошибок», в ней мы читаем: «Я не хотел бы открывать старую рану, но просто нет никакого сомнения в том, что сотрудники ЦРУ были замешаны в уотергейтском деле. Вопрос состоит в том, почему они были замешаны?» Как и шестью годами раньше, сенатор Бейкер не смог или не захотел найти ответа на свой, можно сказать, важнейший вопрос.

«Рыцари плаща и кинжала» умеют хорошо лавировать в лабиринтах конгресса. Они сделали то, что им нужно, ломясь, как звери сквозь заросли и оставаясь вместе с тем невидимками. Но в данном случае, как нам кажется, они были вовсе не невидимки, разглядеть их можно было без всяких оптических приспособлений. И в 1980 году Бейкер этого фактически не отрицает.

Но вот вопрос, п о ч е м у были замешаны «звери», действительно сложен, и, гадая над ним, американские журналисты приходят к далеко не однозначному ответу.

Ричард Хелмс

Через десять дней после прихода к власти, в конце января 1969 года, Никсон вызвал руководящую верхушку ЦРУ в Белый дом для

доклада о зарубежных операциях американской разведки. Директор ЦРУ Ричард Хелмс, его заместитель, начальник Директората тайных подрывных операций Томас Карамессинес и заместитель начальника Директората Корд Мейер посвятили нового президента в некоторые из «самых смелых и успешных операций». Как вспоминал один из участников этой встречи, К. Мейер, на прощание Никсон пожелал им: «Джентльмены, не попадайтесь с поличным!»

Казалось бы, такой радужный старт не предвещал никаких осложнений в отношениях между Лэнгли и Белым домом. Директор ЦРУ слыл в среде вашингтонской иерархии за осторожного, сдержанного и крайне осмотрительного правительственного деятеля, впечатлявшего высший эшелон власти своим «профессионализмом и безупречной объективностью».

Между тем в конце 1968 года, когда Ричард Никсон готовился занять пост президента, его будущий помощник по вопросам национальной безопасности и государственный секретарь Генри Киссинджер уведомил директора ЦРУ Ричарда Хелмса, что отныне заседания Совета национальной безопасности (СНБ) будут проходить иначе, чем при готовившемся удалиться на свое техасское ранчо президенте Линдоне Джонсоне. Раньше они открывались докладом директора ЦРУ и проходили при его участии. Теперь после произнесения доклада директор ЦРУ мог считать себя свободным. Короче говоря, он должен был освобождать СНБ от своего присутствия.

Хелмс, носивший в Лэнгли неофициальный титул «рыцаря», воспринял это как пощечину. В течение первых шести недель пребывания Никсона у власти он, словно провинившийся школьник, должен был ретироваться с заседаний СНБ. Он оставался в неведении, что там происходило. А ведь это был, по словам Киссинджера, могущественный деятель, который строил свое могущество на осведомленности, информации, знании подноготной вашингтонской кухни. Он никого не разубеждал в своем всесилии и пытался всячески его укреплять. Аномалия необычного положения терзала Хелмса, и он нажал на все педали, какие только давал ему его пост, чтобы добиться восстановления прежнего статуса. Но он чувствовал, что отношения с новым президентом у него не ладятся, и легко догадывался о причине. Далеко ходить было действительно не надо, он прекрасно помнил события конца октября — начала ноября 1968 года.

Уже знакомая нам мадам Шено активно собирала пожертвования в фонд республиканской партии Р. Никсона. Она возглавляла комитеты партии, отличительной особенностью которых была их крайняя реакционность. Параллельно она вела борьбу против открытия в Париже предварительных мирных переговоров по Вьетнаму. Одна из ее интриг заключалась в том, чтобы от имени Никсона заверить сайгонский режим в готовности продолжать войну в случае победы республиканской партии. В ответ сайгонские генералы должны были саботировать парижские переговоры и убедить Линдона Джонсона не прекращать бомбардировок Северного Вьетнама.

Ричард Хелмс докладывал Линдону Джонсону о маневрах мадам Шено, но тот поначалу не обращал на это внимания. Джонсон сам вел нечистую игру вокруг переговоров и «бомбардировочной паузы». Но в один прекрасный день Джонсон позвонил Никсону и спросил его, отдает ли он себе отчет в своих действиях, действиях, направленных «против мира во Вьетнаме». Никсон поклялся, что он первый раз слышит об «обязательствах», которые эта «проклятая китаянка» дает от его имени.

— Дик [1],— торжественно наставлял Джонсон своего будущего преемника,— если американский народ узнает сейчас, что ты обещаешь затянуть войну, тебе не видать Белого дома.

Но американские избиратели не узнали о подозрительных интригах, шедших из «Уотергейта», кандидат демократической партии Губерт Хэмфри счел, что, обнародуй он эту историю, он нанес бы Никсону «удар ниже пояса».

Никсон, если верить историкам, не был в курсе переговоров между мадам Шено и Сайгоном. И поэтому он считал, что Хелмс и ЦРУ возвели на него напраслину, когда докладывали Джонсону. Более того, Никсон узнал, что с мадам Шено поддерживал контакты один из самых молодых его помощников — Ричард Аллен, человек ультраправых взглядов, который спустя двенадцать лет займет пост советника президента Р. Рейгана по национальной безопасности. Никсон заподозрил Аллена в связях с ЦРУ, он был почти уверен, что и мадам Шено исправно служит американской разведке. Отсюда Никсон пришел к предположению, что интрига мадам Шено, возможно, была интригой ЦРУ против него. У него не было доказательства, но, как пишет биограф Хелмса Томас Пауэр, директор ЦРУ чувствовал, что Никсон его третирует после истории с мадам Шено. Так, по стечению обстоятельств, с «Уотергейта» начались трения между Никсоном и Хелмсом. Трения перерастали в неприязнь и сыграли, по мнению ряда прямых участников будущей «национальной психодрамы», роковую роль в государственной карьере 37-го президента Соединенных Штатов.

Психологически Никсону было нетрудно убедить себя в том, что по каким-то причинам ЦРУ не хотело его избрания. Еще после поражения на президентских выборах 1960 года он высказывал в узком кругу приближенных лиц твердое убеждение, что ЦРУ предпочло в тот момент лоббировать с Джоном Кеннеди и помогло ему.

В подтверждение своих подозрений Никсон ссылался на то, с каким жаром в ходе предвыборной кампании Кеннеди подхватил тезис о «ракетном отставании» Соединенных Штатов от Советского Союза. Это была уловка Пентагона, рассчитанная на получение от обоих кандидатов в президенты обязательств предпринять массированное строительство ракет, выделить на это огромные средства. Никсон и Эйзенхауэр распорядились, чтобы ЦРУ провело «бесстрастное» исследование проблемы, и то вскоре доложило им об отсутствии «отставания». По традиции ЦРУ должно было информировать о своих главных выводах и президентского кандидата оппозиционной партии. Однако в беседах с Кеннеди представители разведки скрыли результаты своего исследования о соотношении сил между СССР и США в области ракет, и кандидат демократической партии продолжал допекать соперника допущенным его партией мифическим «отставанием». Придя к власти, Кеннеди во исполнение данных им обещаний совершил мощный и ничем не оправданный рывок в области ракетного строительства, взвинтив гонку вооружений. Незадолго до конца своей жизни Кеннеди был вынужден признать, что он попался на удочку Пентагона и ЦРУ в вопросе о «ракетном отставании».

Но все это было потом, а пока, через месяц после выборов, Кеннеди пригласил Никсона на свою виллу во Флориде и попросил его охарактеризовать ряд правительственных ведомств с точки зрения опыта, накопленного им за восемь лет пребывания на посту вице-президента США. В частности, он поинтересовался его мнением о ЦРУ.

У ЦРУ слишком широкие задачи, услышал Кеннеди отзыв своего собеседника, хотя оно должно концентрировать усилия на сборе разведывательной информации. Никсон сказал, что если бы его избрали президентом, то в соответствии с имевшимся у него «готовым планом» он создал бы «новую и независимую организацию для проведения тайных полувоенных операций».

Не здесь ли надо искать ключ к решению ЦРУ «помогать» Джону Кеннеди в межпартийной борьбе за власть? В течение многих лет эти тайные полувоенные операции находились в ведении Пентагона и государственного департамента, хотя и осуществлялись силами ЦРУ. Директор ЦРУ Аллен Даллес не покладая рук добивался полной юрисдикции над ними. И если он узнал о «готовом плане» Никсона, то у него, по логике вещей, не было иного выбора, как сделать ставку на Джона Кеннеди. Разве не легче приручить молодого неопытного президента, нежели человека с четкой концепцией реорганизации разведслужбы! Сквозь идею Никсона просматривалось стремление, раздробив на части ЦРУ, снизить давление с его стороны на Белый дом, не допустить дальнейшего усиления влияния «рыцарей плаща и кинжала».

Тенденция превращения ЦРУ в новую цитадель власти беспокоила не одного Никсона. В годы его вице-президентства был создан президентский Совет консультантов по вопросам разведывательной деятельности за границей. Совет поручил двум своим членам — бывшему министру обороны Роберту Ловетту и крупному дипломату, миллионеру Дэвиду Брусу подготовить доклад о деятельности ЦРУ. Когда работа была проделана и составлен доклад, он был принят единогласно Советом, состоявшим из видных представителей финансовых, промышленных, юридических кругов, академического мира. Документ носил совершенно секретный характер, поэтому его составители могли позволить себе самый что ни на есть откровенный тон.

Получив его, президент Д. Эйзенхауэр обнаружил большую озабоченность членов своего Совета явным перекосом в деятельности американской разведки в сторону тайных подрывных и полувоенных операций, поглощавших 80 процентов ее бюджета, времени и усилий. За малым исключением тайные подрывные операции («грязные трюки», по терминологии американских журналистов) не проходят никакой апробации за стенами ЦРУ.

Никто, кроме непосредственно занятых оперативной работой в ЦРУ, не знает, чем они занимаются изо дня в день, жаловались Эйзенхауэру члены Совета. «Орды сотрудников ЦРУ,— говорилось далее в докладе,— заполнили планету, тайная деятельность его оказывает значительное, почти одностороннее влияние на практическую выработку нашей внешней политики, о чем зачастую бывает совершенно неизвестно американским послам». И далее в том же духе.

Эйзенхауэр передал меморандум директору ЦРУ А. Даллесу. Тот посмеялся над ним вместе со своим братом, государственным секретарем Джоном Фостером Даллесом, и положил его под сукно.

Одним из членов Совета, поставивших под докладом свою подпись, был мультимиллионер Джозеф Кеннеди, отец будущего президента США. «Я знаю это заведение,— слышали от него оценку ЦРУ,— я бы не платил им и ста долларов в неделю». Джозеф Кеннеди, разумеется, не призывал к демонтажу спецслужбы. Но он полагал, что «рыцари плаща и кинжала» чересчур увлекаются политическими интригами, отдают слишком много энергии борьбе за политическую власть внутри США и поэтому не очень хорошо справляются с главной задачей, определенной им законом,— сбором и анализом информации.

Следовательно, настороженность Никсона не была каким-то из ряда вон выходящим и уникальным феноменом. Она носила вполне рациональный, с точки зрения вашингтонской элиты, характер. Никсон, Ловетт, Брус, Джозеф Кеннеди и их коллеги в принципе ценили и обожали ЦРУ как орудие тайной войны против Советского Союза, социалистических стран, национально-освободительных движений, коммунистических и рабочих партий. Но центральная разведка, по их мнению, зарывалась, выходила из-под контроля, сосредоточив в своих руках такое влияние на внешнюю и внутреннюю политику, которое могло рикошетом бить по традиционным центрам власти, чего последним вовсе не хотелось.

Выбыв на восемь лет из вашингтонской политической жизни, Ричард Никсон мог со стороны наблюдать за тем, как развивались отношения между Белым домом и ЦРУ. Через три месяца после вступления на должность президента Джону Кеннеди пришлось испытать весь позор провалившейся операции ЦРУ против Кубы. Оно заверило его, что после высадки бригады наемников в Заливе свиней произойдет общенациональное восстание против революционной власти и с правительством Фиделя Кастро будет покончено. В Овальном кабинете Белого дома Аллен Даллес заверял молодого президента: «Вот так же я стоял здесь перед Эйзенхауэром в 1954 году и дал ему мое слово, что мы покончим с коммунизмом в Гватемале. Теперь у нас еще более верные шансы очистить Кубу от революционеров».

Джон Кеннеди поверил обер-диверсанту империализма и вскоре получил первый предметный урок непобедимости революционного дела. Бригада наемников ЦРУ, руководимая американскими «рыцарями плаща и кинжала», была разбита и сдалась в плен. Народ не восстал против революционного правительства, а еще теснее сплотился вокруг него. У Джона Кеннеди сдали нервы, когда Аллен Даллес стал требовать массированного включения американской авиации в операцию вторжения. Президент отказывает ему, чего не простят Джону Кеннеди в ЦРУ ни до его убийства в Далласе, ни после.

Окружение Джона Кеннеди подозревало Аллена Даллеса в том, что он сознательно пошел на обман президента, когда заверил его, что начало вторжения в Заливе свиней послужит сигналом к всеобщему контрреволюционному мятежу. Обер-диверсант, как теперь известно, располагал совершенно иной оценкой ситуации на Кубе, исключавшей антиправительственные выступления. Но он морочил голову президенту, чтобы получить добро на начало вторжения, будучи уверен, что вслед за наемниками удастся направить на Кубу американские вооруженные силы. Джон Кеннеди сделал для себя несколько выводов из фиаско в Заливе свиней, в том числе об авантюризме ЦРУ и его готовности без консультаций с правительством и конгрессом втянуть страну в крупномасштабную войну.

В гиперболическом восклицании тех дней Джона Кеннеди отразилось его недовольство разведывательным ведомством: «Я разнесу на тысячи кусков это ЦРУ». Но не разнес, а лишь

[1] Дик — сокращенное от Ричарда.

попытался сделать более контролируемым. Он поручил брату, министру юстиции Роберту Кеннеди, и своему военному помощнику, генералу Максуэллу Тэйлору, представить рекомендации. У ЦРУ была изъята часть полувоенных операций. Роберт Кеннеди стал негласным куратором ЦРУ, Аллен Даллес и ряд его приближенных были отправлены в отставку.

В результате кадровой перетряски заместителем директора ЦРУ, начальником Директората тайных подрывных операций стал наш знакомый Ричард Хелмс. Это была одна из последних ступенек на лестнице, которая вела его к директорскому пульту центральной разведки.

Хелмс начал службу в американской разведке вместе с Алленом Даллесом в годы второй мировой войны, обратив на себя внимание знанием основных западноевропейских языков и пробивными журналистскими способностями. Языки он изучал до войны в привилегированной школе в Швейцарии, где одновременно учился подружившийся с ним уже тогда будущий шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви. Репортерские способности его раскрылись тоже до войны, когда он сумел получить интервью у Адольфа Гитлера.

Когда Аллена Даллеса спрашивали, за что он продвигал Хелмса по иерархической лестнице ЦРУ, тот отвечал лаконично: «Умеет держать язык за зубами».

Президент Линдон Джонсон давно начал привечать Ричарда Хелмса, готовя его на высшую должность. В апреле 1965 года он пригласил его к себе на техасское ранчо и за ужином, на котором был сенатор Юджин Маккарти, представил его как будущего директора ЦРУ. Сенатор заметил, что хорошо бы устроить испытание кандидату на столь высокий пост. Кандидат согласился, и Маккарти, ткнув пальцем в какие-то желтые цветы в букете, украшавшем стол, попросил Хелмса определить их сорт. Будущий директор поднял руки вверх. Тогда сенатор выбрал другие, третьи, четвертые цветы — и опять тот же эффект. Маккарти стал наливать Хелмсу различные вина, стоявшие на столе, и здесь экзаменуемого ждал полный конфуз, он не смог узнать ни одно из них. «Джеймс Бонд ответил бы на все мои вопросы»,— язвительно заметил Маккарти. «Сенатор,— взмолился Хелмс,— даю слово, что к следующей нашей встрече я подтянусь и по цветам и по винам».

Случай помог Хелмсу сблизиться с Юджином Маккарти. Сенатор пользовался репутацией либерального политика. Хелмс же, человек консервативных взглядов, не упускал случая войти в контакт с либералами и быть в курсе их планов и настроений, использовать их в борьбе против демократических сил в других капиталистических странах.

Джонсон ввел Хелмса в самый узкий круг своих советников. Он приглашал его на так называемые «вторниковые ленчи», в которых участвовали, кроме директора ЦРУ, государственный секретарь и министр обороны. Ни один президент не ворковал так со своим директором ЦРУ, как Линдон Джонсон, отмечали старожилы вашингтонского корпуса печати.

Все это и многое другое со стороны мог наблюдать бывший вице-президент Ричард Никсон, занимавшийся частной юридической практикой в Нью-Йорке и жадно ловивший новости, которые приходили с берегов Потомака. Он мог про себя отметить, что бороться с ЦРУ не только трудно, но и практически невозможно. Во всяком случае, у Джона Кеннеди ничего не вышло из его реформ. Вашингтон был полон слухов, что ЦРУ приложило руку к убийству Джона Кеннеди.

ЦРУ ощетинилось, когда кандидатом в президенты объявил себя сенатор Роберт Кеннеди, и того вскоре постигла участь его старшего брата.

Наблюдавший близко Никсона все его пять лет в Белом доме Генри Киссинджер пишет в своих мемуарах, что судьба Роберта Кеннеди превратилась в какую-то «навязчивую идею» для Никсона, которая «преследовала, мучила и переполняла его страхом». Если верить Никсону, он тоже опасался, что станет жертвой политического убийства. Такая психологическая атмосфера в Белом доме как ничто другое передает одну из целей террористических расправ крайней реакции над Джоном и Робертом Кеннеди — запугать государственных деятелей, надеть на них узду, отбить охоту чересчур вмешиваться в дела империи ЦРУ.

В 1971 году Никсон поручил заместителю директора Административно-бюджетного бюро Джеймсу Шлесинджеру провести анализ работы ЦРУ и представить рекомендации по улучшению деятельности разведки. В Лэнгли визиты инспекторской команды Белого дома восприняли без энтузиазма и подозревали, что Шлесинджера готовят на пост директора ЦРУ. Так оно и случилось спустя два года. Аналитикам не дали особенно развернуться, и Шлесинджер доложил президенту, что Лэнгли заполнила «преторианская гвардия Хелмса». Она состояла из двух каст: мыслителей-стратегов и исполнителей.

Ричард Никсон, по воспоминаниям его бывших помощников, считал ЦРУ «прибежищем интеллектуалов Плющевой лиги, настроенных против него». Под Плющевой лигой имеются в виду восемь привилегированных университетов Америки. Другую касту, процветавшую в ЦРУ, охарактеризовал известный американский обозреватель и писатель Гаррисон Солсбери. Он бывал довольно часто у директоров ЦРУ и писал, что на этих встречах присутствовало обычно множество «темных личностей свирепого вида», всегда молчавших. Солсбери окрестил их в 1975 году «джентльменами-убийцами», теми самыми организаторами и исполнителями террористических акций, которые вскрылись в результате разоблачений постыднейших операций ЦРУ за границей.

Никсон, судя по всему, не решался вступать в конфликт с «джентльменами-убийцами». Он лишь советовал им «не попадаться с поличным». Но у президента были какие-то планы взнуздания «интеллектуалов Плющевой лиги». Они казались менее опасными, в чем ему со временем пришлось разубедиться. «Интеллектуалы» вызывали его подозрение тесными связями с демократической партией. Были и другие причины, по которым Никсон приказал Киссинджеру «считать повелительной необходимостью исключить ЦРУ из процесса формирования политики».

Не проходила с годами и личная антипатия Никсона к Хелмсу, который так и не сумел завоевать доверие нового президента. На встречах Никсон временами обращался с ним сурово и даже жестоко. Он часто прерывал Хелмса замечаниями, внося поправки в то, что говорил босс разведки. Иногда это делалось пренебрежительным или снисходительным тоном. Вашингтонский деятель, присутствовавший на заседаниях Совета национальной безопасности, вспоминает, что ему бывало частенько не по себе от обращения Никсона с Хелмсом. И, в общем, все чувствовали себя в неловком положении, хотя сам Хелмс внешне не проявлял никакого смущения. «Но,— восклицает сей очевидец,— что было у него на душе! Ведь любое критическое слово президента в присутствии свидетелей — это все равно, что падение с тяжелым ушибом».

Хелмса задевало то, что на Никсона не производили большого впечатления постоянные донесения ЦРУ о «коммунистических интригах». Президент, по словам Т. Пауэрса, не очень им верил. Никсон и Киссинджер постоянно были недовольны качеством аналитических справок и обзоров ЦРУ. В своих мемуарах Никсон пишет, что порою он называл составителей этих документов «клоунами». Но поскольку на всех документах стояла виза Хелмса, то, видимо, и его президент относил к этой цирковой профессии.

Масла в огонь подливал Киссинджер, который умел блестяще подыгрывать настроениям хозяина Белого дома. Он возвращал нередко анализы ЦРУ назад в Лэнгли с язвительными пометками: «Чепуха», «Чушь». Двух мнений в ЦРУ о непривычных колкостях не могло быть: они шли от президента. Щелканье по носу «интеллектуалов» доставляло удовольствие Белому дому и погружало в уныние Лэнгли.

Ни один правительственный институт, свидетельствует книга Томаса Пауэрса «Человек, хранивший секреты. Ричард Хелмс и ЦРУ», не вызывал у Никсона такого мрачного подозрения, как ЦРУ. В марте 1969 года ЦРУ было одним из первых федеральных ведомств, которое он посетил. Но это была уступка, сделанная неохотно и без доброжелательства. Никсон часто жаловался, что ЦРУ не способно предупредить его о чем-то заранее, что оно не поспевает даже за телеграфными агентствами. Однажды он сказал своему помощнику Джону Эрлихману: «Что толку с ЦРУ? У них там сорок тысяч людей читают газеты». Президент смачно выругался, по словам Эрлихмана, и добавил, что разведывательное сообщество неимоверно раздуло свои штаты, слишком дорого обходится казне и недостаточно контролируется.

Забегая вперед, отметим, что, когда только начинал разгораться уотергейтский скандал и он поддавался легкому тушению, возможность выступить в роли пожарного была предоставлена Белым домом Ричарду Хелмсу. Не надо обладать большим провидением, чтобы догадаться: у «клоунов», испытывавших на себе пренебрежение Белого дома, не было особых стимулов выручать своего обидчика. Более того, на «клоунов» падает подозрение как на разжегших маленький костер, перешедший затем с их помощью в негасимый пожар.

Хелмс утверждал, что ему доложили об аресте налетчиков в «Уотергейте» в 21.30—22.00 в субботу 17 июня, то есть примерно через восемнадцать часов после случившегося. Однако Хелмс — этот железный молчальник, умеющий держать язык за зубами,— проболтался. Вечером в субботу он столкнулся в кинотеатре с вашингтонским обозревателем Карлом Роуэном, разговор коснулся и переданного по радио сообщения об аресте неизвестных лиц в помещении национального комитета демократической партии. «А,— промычал Хелмс,— мне доложили ночью об аресте этих парней в Уотергейте». То есть не через восемнадцать часов, а гораздо раньше.

Вашингтонский журналист, в прошлом сотрудник ЦРУ Эндрью Ст. Джордж утверждает, что через 5 часов после ночного ареста в «Уотергейте», в 7 утра 17 июня, дежурный по главной штаб-квартире ЦРУ в вашингтонском пригороде Лэнгли поднял с постели Ричарда Хелмса и доложил ему об аресте «команды Белого дома». Так окрестили в Лэнгли группу арестованных, состоявшую почти целиком из бывших и действующих агентов ЦРУ.

Вот как выглядит реакция Хелмса на это донесение со слов Эндрью Ст. Джорджа, писавшего на страницах журнала «Харперс»:

— А... а, хорошо,— промолвил Хелмс,— наконец-то они сделали это.

Далее директор ЦРУ поговорил еще немного со своим дежурным, который заметил: «Жаль Маккорда и кое-кого из тех ребят».

— Ну что же, да,— сказал в ответ ему Хелмс,— ты знаешь, жалко также президента. Они по-настоящему взорвали его. Печально то, что мы все думаем — «это конец этого», ...а это может быть лишь началом чего-то похуже. Если Белый дом попытается позвонить мне через центральный коммутатор, не соединяй меня с ними, просто скажи им, что уже доложил мне об аресте Маккорда и что я был очень удивлен.

Хелмс впоследствии напрочь отрицал, что ему было что-либо известно о готовящемся налете и что ЦРУ было причастно к налету. Хотя слова — «наконец-то они сделали это» — говорят сами за себя. И откуда мог Хелмс знать, что налет на «Уотергейт» будет иметь катастрофические последствия для президента, «взорвет» его? Двоякого ответа здесь быть не может. Видимо, имелся план, четко разработанный план. И опять железный молчальник проговорился. Лидер «клоунов» был близок к мести. И от распиравших его одновременно радости и злорадства дважды у него слетают признания — в разговорах с дежурным по ЦРУ и Карлом Роуэном. Но на месть всегда есть месть. И через несколько месяцев Белый дом решает изгнать его с поста директора ЦРУ.

За десять дней до того, как сдать дела человеку Никсона — Джеймсу Шлесинджеру, Хелмс приказал уничтожить все архивы, относящиеся к уотергейтскому делу. Заодно и все архивы, зафиксировавшие программы ЦРУ в области использования наркотических средств для контроля над умственной деятельностью людей. Заодно и все свои личные архивы, включая пять тысяч страниц стенограмм тайных записей бесед, которые велись в кабинете Хелмса с помощью специальных подслушивающих устройств.

После такого самоочищения Ричард Хелмс на церемонии прощания с сотрудниками ЦРУ торжественно заявил: «ЦРУ не было причастно к Уотергейту». Это он повторил в сенате, где его утверждали в качестве посла США в Иране. Но когда один дотошный журналист спросил его, может ли он действительно поручиться за все ЦРУ, Хелмс выдавил из себя: «Это ведомство огромно; я не могу сказать, что никто в ЦРУ, именно никто, не знал ничего об уотергейтской операции». Но тут же поспешил выгородить себя: он ничего не знал, никто в ЦРУ якобы заранее не был в курсе готовившегося проникновения в национальный комитет демократической партии. С тем он и отбыл в Иран, где нового американского посла на аэродроме встретил дружеским объятием его бывший одноклассник, шах Мохаммед Реза Пехлеви.

Продолжение следует.

Б. Щербаков. ВЕТРЯКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА ЛАРГА. 1970

СВЕЖИЙ ВЕТЕРОК. 1980

Б. Щербаков. ДЕНЬ ДОГОРАЕТ. 1971

ВИХРИ ГРОЗОВЫЕ. 1976

К 80-ЛЕТИЮ ДВАЖДЫ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛА АРМИИ А. П. БЕЛОБОРОДОВА

НА БОЕВОМ ПОСТУ

В яркой и содержательной жизни Афанасия Павлантьевича Белобородова нашли свое отражение основные этапы истории нашей страны и армии. В 1919 году шестнадцатилетним подростком Афанасий Белобородов добровольно вступил в партизанский отряд, который действовал под Иркутском и воевал за Советскую власть. Через четыре года он стал курсантом пехотной школы. С теплотой вспоминает Афанасий Павлантьевич годы учебы в Нижнем Новгороде.

— В те времена мне трижды довелось видеть товарища Фрунзе,— рассказывает А. П. Белобородов.— Всех нас покоряла его простота, умение говорить с людьми доходчиво и доброжелательно. Глубоко в сердце запало напутствие Михаила Васильевича Фрунзе выпускникам нашей школы о почетном долге красных командиров учить и воспитывать пролетарских бойцов, о важности дальнейшего укрепления Красной Армии.

Советы выдающегося советского военного деятеля А. П. Белобородов помнит и умело претворяет в своей разносторонней военной деятельности. В 1924 году по ленинскому призыву он стал кандидатом, а через два года членом партии большевиков. Свою службу молодой краском проходил в должности командира взвода 6-го Хабаровского полка, политруком роты 36-й Забайкальской стрелковой дивизии. В 1929 году во время военного конфликта на КВЖД молодой политрук Белобородов после гибели командира смело взял на себя командование ротой, успешно руководил ею в бою и за совершенный подвиг был удостоен ордена Красного Знамени — в то время высшей правительственной награды. В аттестации на представление к награде записано, что он «дрался, как черт».

В тридцатые годы все полнее развиваются и совершенствуются командирские способности А. П. Белобородова. В апреле 1933 года Афанасий Павлантьевич поступает в Военную академию имени М. В. Фрунзе, по окончании которой в различных должностях служит на Дальнем Востоке.

В июле сорок первого полковник Белобородов назначается командиром 78-й стрелковой дивизии и вместе с ней прибывает на Западный фронт.

В составе 16-й армии, которой командовал генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, в ожесточенных боях под Москвой насмерть стояла дивизия А. П. Белобородова. «Трудно даже сказать, насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск! — писал впоследствии Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.— Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в решающие бои за Москву внесла дивизия полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова».

За героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, дивизия была преобразована в гвардейскую и стала называться 9-й гвардейской стрелковой дивизией. Побывавший в те дни у гвардейцев-сибиряков поэт А. Сурков прямо на передовой написал слова знаменитой «Землянки».

Отважно дрались белобородовцы в период контрнаступления под Москвой, с честью оправдывая звание гвардейцев. Затем весной и летом 1942 года дивизия успешно сражалась в составе Юго-Западного фронта. О боевых делах 9-й гвардейской и ее командире шла добрая слава по всему фронту.

Мне посчастливилось встретиться с Афанасием Павлантьевичем в конце 1942 — начале 1943 года, во время боев за Великие Луки, когда он был уже командиром 5-го гвардейского стрелкового корпуса. В период Великолукской операции войска корпуса участвовали в окружении и разгроме крупной группировки противника и освобождении города Великие Луки.

Летом 1943 года развернулась гигантская битва на Курской дуге. 2-й гвардейский корпус, который в августе принял А. П. Белобородов, главный удар наносил на Духовщину — сильно укрепленный район, прикрывавший доступ к Смоленску. Гитлеровцы всячески стремились удержать Смоленск, поэтому перебрасывали сюда свои войска, предназначенные для боев на Курской дуге. На подступах к Духовщине, прорвав прочную оборону противника, войска корпуса нанесли ему значительный урон.

В мае 1944 года генерал-лейтенант А. П. Белобородов принял 43-ю армию. В состав армии входил 60-й стрелковый корпус. Как начальнику политотдела корпуса мне довелось почти до конца войны участвовать в боевых действиях этой армии.

Командуя армией, Афанасий Павлантьевич очень тесно был связан с войсками. Постоянное и непосредственное общение с ним было большой школой для командиров и политработников. Обладая глубокими военными знаниями, большим боевым опытом, он умело направлял подчиненных на успешное выполнение боевых задач, стремился не опекать их, всемерно поощрял разумную инициативу. Яркую характеристику А. П. Белобородову в своей книге «Так шли мы к победе» дал бывший командующий фронтом Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян: «Войсками 43-й армии командовал генерал-лейтенант Афанасий Павлантьевич Белобородов, самый молодой из командармов по возрасту. Однако боевой опыт у него был богатейший. Кто не слышал о прославленной стрелковой дивизии Белобородова, ставшей гвардейской в боях под Москвой, в сорок первом! Стройный, подтянутый, небольшого роста, генерал поражал своей неистощимой энергией и смелостью решений».

За умелое руководство войсками армии по осуществлению Витебской операции в июле 1944 года А. П. Белобородову было присвоено звание Героя Советского Союза.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны 43-я армия в составе 3-го Белорусского фронта принимала участие в осуществлении Восточно-Прусской операции и отличилась при штурме Кенигсберга. Войска 43-й и 11-й гвардейской армий принудили сложить оружие стотысячный вражеский гарнизон. В память об этом событии на центральной площади Калининграда на стене кинотеатра прикреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь соединились войска генерал-полковника Галицкого Кузьмы Никитовича и генерал-лейтенанта Белобородова Афанасия Павлантьевича». За успешные действия при штурме Кенигсберга А. П. Белобородов был удостоен второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. Тогда же ему было присвоено звание генерал-полковника.

Богатый опыт по руководству войсками, накопленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Афанасий Павлантьевич умело использовал в войне против японских милитаристов в августе—сентябре 1945 года. Возглавляя 1-ю Краснознаменную армию 1-го Дальневосточного фронта, А. П. Белобородов предложил нанести основной удар там, где противник его не ждет, то есть провести войска по бездорожью через вековую тайгу. Замысел командарма был одобрен. В течение пяти дней наступления в горно-таежной местности войска 1-й Краснознаменной армии расчленили приханкайскую и муданьцзянскую группировки, совместно с 35-й армией овладели городом Мишань, сорвали попытки противника задержать наши части на рубеже реки Мулинхэ и, преодолев хребет Кэнтай-Алин, вышли на подступы к Муданьцзяну и овладели им. Основная группировка японских войск в этом районе была наголову разбита.

Сразу же после войны с Японией Афанасий Павлантьевич командовал армией в Порт-Артуре. Будучи в то время членом Военного совета Дальневосточного военного округа, я много раз бывал в армии, присутствовал на учениях и занятиях в частях и соединениях. Афанасий Павлантьевич много трудился над повышением боевой готовности войск.

Позже Афанасий Павлантьевич был начальником управления боевой подготовки Сухопутных войск, возглавлял курсы «Выстрел», руководил Главным управлением кадров МО СССР, командовал войсками Московского военного округа. В настоящее время А. П. Белобородов занимает ответственную должность в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Свою служебную деятельность А. П. Белобородов успешно совмещает с большой общественно-политической и военно-научной работой. Он неоднократно избирался делегатом съездов партии, был членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР.

С. ВАСЯГИН,
генерал армии

ПАМЯТЬ

Михаил КОЛОСОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Письмо было как письмо, как многие другие, которые регулярно присылала ему мать,— пространное, с подробными деталями о всех событиях, случавшихся в поселке: кто приехал, кто уехал, кто женился, кто развелся, кто умер. События важные, но с годами они трогали Гурина все меньше. Во-первых, он был уже не молод, чтобы удивляться таким новостям — повидал на своем веку и того и другого и теперь относился и к рождению и к смерти философски: такова жизнь... Во-вторых, происходило все это где-то далеко и случалось это с людьми для него в общем-то чужими. Умирали старики, а женились и разводились люди уже третьего поколения, их Гурин и совсем не знал.

А мать пишет, пишет обо всех, подробно рассказывает, объясняет, чьи это дети, чтобы он хоть по родителям смог представить себе, кто они. Но за долгие годы разлуки он даже своих сверстников стал забывать...

В последнее время о свадьбах писалось, правда, все реже и реже, но зато чаще шли новости о смертях. Умерла соседка через дорогу, старуха Небогова, и мать до мелочей описала эти похороны: кто был на них, что было, какие богатые поминки устраивались — все это она знала, видела, тем более что ей самой пришлось помогать там готовить.

Печально, конечно, но ведь старухе было уже за восемьдесят, уже сама Катерина Небогова, дочь ее, давно бабкой стала. Прочитал Гурин письмо, попытался вспомнить эту старуху, да так и не вспомнил: совместилась она каким-то образом с самой Катериной, которую он видел в последний свой приезд года три тому назад.

Следующий снаряд упал ближе: умерла тетка Ульяна — крестная Гурина. От этого письма повеяло на него холодком: не ожидал. Хотя и была Ульяна тоже уже не молода и болела долго, последние годы лежала парализованная, но не ожидал, не представлял он себе мир без нее. Она ведь для Гуриных была, по существу, второй матерью. Оставшись вдовой, мать Гурина пошла работать, а за домом и детьми присматривала она, Ульяна. Так же, как и своих, она кормила их и так же гоняла хворостиной за провинности.

Умерла крестная... Жаль, не сообщили вовремя, он, пожалуй, съездил бы на похороны. Остался дядя Карпо один. Как он там?

«Плохо Карпу,— отвечала мать.— Один, мужик... Да и не молодой уже. Хворает. Постирать што или прибрать в хате — помогаю. А готовит он себе сам, умеет...»

«Подбираются старики...— подумал грустно Гурин.— Лучше бы они жили: с ними все-таки чувствуешь себя безопасней, вроде есть какой-то заслон. А уйдут — и все, уже никакого прикрытия, останешься крайним... Над обрывом...»

Однако скорбел Гурин недолго, жизнь быстро заволокла эту печаль, затмила она и грустные мысли, навеянные смертью крестной.

Но прошло немного времени, и вот новое письмо и очередная новость: «Захворал Карпо, ноги совсем отказываются ходить. Вчерась приехал Никита на своем «Москвиче» и увез его к себе на шахту. А хату — ставни заколотил, двери на замок закрыл, ворота проволокой закрутил, Жучка ко мне привел, привязал возле порога. Попросил: «Поглядайте на наш двор... Весной приедем огород сажать». Я вышла с Карпом попрощаться, а он сидит в машине и плачет. «Ну, чего ты?— говорю.— Тебе ж там лучше будет: догляд...» «Кому я нужен?.. Будет она за мной ухаживать?.. Разве забыла, как колотились?» «Тогда она молодая была. Теперь же она обкаталась, уже у самой дети вон какие, сама бабушка». «Была б Ульяна жива...» «Ну, где ж ее возьмешь?.. Не плачь, может, все хорошо будет. А не уживешься — приедешь обратно. Поживи, сколько сможешь». «Да то ж так и Микита говорит». Нагнул голову и опять плачет. Так и уехал. А я вернулась в хату и тоже в слезы. То ли Карпа стало жалко, то ли себя. Ульяну вспомнила. Могла б еще пожить, она моложе Карпа. Хотя какая у нее уже жисть была? Мучилась. Ото я больше всего боюсь, ежели и у меня руки-ноги откажут. Кому я буду нужна обузой? Но пока бегаю. А теперь вот даже на два двора одна осталась...»

«Увезли Карпа... дом заколочен... Все, пустота...» Представил себе эту картину Гурин, и сердце его сдавилось такой тоской, что он сжал кулаки до хруста в суставах, уложил на них голову и долго блуждал мыслями по родному поселку. «Что же это делается? Почему она такая жестокая — жизнь? Нет, не жизнь, время. Время все жует, это время все перемалывает... Спешит, торопится, и мы куда-то торопимся вместе с ним. А куда? Оказывается, к своему концу... Вот и мать уже стара и немощна, не за горами тот день, когда и ее не станет, и наш двор опустеет, и хата будет стоять заколоченной? Наш дом... Тот дом и тот двор, где когда-то так кипела жизнь! Наша жизнь! Моя! Я там был... И вдруг ничего, пустота... Нет, нет, это жестоко... Если человеку не дано бессмертие, зачем тогда ему даден разум? Сознавать и двигаться к небытию — это жестоко, очень жестоко!.. Придумали себе малоутешительную философию: человек, мол, бессмертен в делах своих и в памяти потомков. Ох, уж эти потомки! Представляю, какую войну со своей благоверной выдержал Никита, прежде чем решился взять к себе отца. Да и какие баталии еще предстоят впереди! И как все облегченно вздохнут, когда Карпа не станет. И, стыдясь своих таких действий, они постараются поскорее забыть его, чтобы вместе с ним забыть и все свои неприглядные дела, связанные с предком. Потомки!..»

И вдруг как током ударило, будто кто-то рядом стоял и возразил: «Легко судить других. Сам-то ты?.. Много ли ты сделал, чтобы память **твоего** отца жила? Ты ведь даже не знаешь толком, где его могила. И у матери уже больше трех лет не был. А возраст у нее критический, можешь и опоздать...»

Отец!.. Вот оно откуда, все усиливающееся с годами чувство вины! А ведь сколько раз он порывался оживить память об отце, но всякий раз что-то мешало, и отец оставался все в большем и большем забвении.

Правда, у него, у сына, есть много объяснений такому забвению. Нет, не забвению, а такому... отношению. И не отношению, а тому, как оно сложилось.

Отец умер рано, когда Гурину было около пяти, Танюшке — три года, а Алешка — тот и совсем безотцовщина: через два месяца после смерти отца родился.

Жизнь была тяжелой, а если сказать точнее, так была она просто нищенской: мать работала, тянулась изо всех сил, чтобы поднять на ноги детей. И хотя редкий день выпадал, когда они были сыты, она тем не менее старалась, чтобы дети еще и учились. И, естественно, об отце вспоминали лишь в связи со своим бедственным положением: вот если бы был жив отец, им бы дали рабочую карточку, и продуктов они получали бы намного больше. Особенно хлеба. Или мать иногда сетовала: «Бросил нас, а теперь вот мучайся одна с вами». Став постарше, Гурин иногда возражал: «Что же он, нарочно это? Как будто он жить не хотел?..» «Хотел! Еще как хотел! Хату собирался перестроить: камню на фундамент заготовил, черепицы купил... и не успел...»

Гурин еще десятилетку кончал, когда началась война. И опять мытарства: оккупация, фронт. Для него — фронт, а для остальных голодная жизнь, работа и постоянная тревога за него: что принесет почтальон — то ли письмо, то ли похоронку. К счастью, он приносил письма, то с передовой, то из госпиталя, то опять с фронта, то снова из госпиталя. И так до мая сорок пятого. Лишь в сорок седьмом он вернулся домой и сразу окунулся в круговерть трудной послевоенной жизни: работа — учеба — работа — учеба — работа... Когда тут было думать об отце, давно умершем? Особенно Татьяне и Алексею? Татьяна вряд ли вообще помнила что-либо об отце, а для Алексея — так он вообще как бы и не существовал. Сам Гурин, правда, помнит несколько эпизодов из той, далекой жизни, что связана с отцом, да и то иногда сомневается: помнит ли? А может, это так живо отложились в его впечатлительном мозгу поздние рассказы матери об отце?..

«Оправдался?»

«Да нет, не оправдываюсь я. Просто восстанавливаю события».

«Вот и восстанавливай. Дальше восстанавливай. Наступило ведь время, когда вы все трое прочно определились в жизни: образовались, обзавелись семьями, получили хорошие должности...»

«Но мы ведь уже жили далеко от родины...»

«Да, вы с братом уехали в другие города, сестра вышла замуж, а мать осталась одна. Правда, сестра ей потом подбросила внучку от первого мужа, так что мать не скучала. А сейчас она уже стала совсем старенькой и немощной. И — одна...»

«Но мы навещаем ее. Я навещал и помогаю — каждый месяц посылаю ей переводы...»

«Откупаешься. Но не будем спорить. А об отце совсем забыли?»

«Нет, не забыли. Я не забывал. Я часто вспоминал его, и меня совесть мучила...»

«Мучила, верно. Но не очень. Правда, ты всякий раз, собираясь к матери, намечал посетить отцову могилу. Да не просто посетить, а обиходить ее, может быть, даже поставить на ней какой-то памятник...»

«Да, именно так! И сейчас эта мысль не оставляет меня: надо что-то сделать».

«Надо. Но ты ведь до сих пор так ничего и не сделал? В каждый приезд свой ты, сойдя с поезда, тут же забывал об отце: друзья детства, многочисленные родственники, хождение по гостям занимали все твое время. Ходил, демонстрировал перед земляками свой успех, свое благополучие...»

«Ничего я не демонстрировал! Просто я считал своим долгом навестить всех или принять у себя, иначе меня сочли бы за гордыню, зазнайку. А мне этого не хотелось».

«Для отца же так и не выбралось времени?»

«Не выбралось... Стыдно! И надо это дело исправлять, пока не поздно. Завтра же подам заявление — возьму свои фронтовые две недели и поеду. Поеду и все сделаю! Прости, отец...»

На другой день Гурин действительно подал заявление на отпуск, послал телеграмму брату, чтобы и тот к такому-то дню обязательно приехал к матери, стал собираться в дорогу.

В пути ему не сиделось в купе, стоял в коридоре у окна, смотрел на пробегавшие мимо деревни, перелески, а мыслями был уже там, дома, у матери. Думал, как удивится и растрогается мать таким его благородным намерениям, как он сначала окопает отцовскую могилку, а потом все вместе обсудят все и поедут они с Алексеем в город и закажут там памятник. «Скромный, но со вкусом. Это Алексей пусть выбирает — у него, должно, осталась художническая жилка. Оградку тоже надо заказать. Правда, у нас ни оградки, ни памятники не заведены, помнится, на кладбище были одни кресты — деревянные да каменные, а больше железные, сваренные из труб или склепанные из разных прутьев. Даже из рельсов. Будет наш памятник выделяться, нехорошо... Хотя... когда это было! Теперь-то, наверное, и в этом деле там культура поднялась. А если нет? Все равно сделаем! Скромный, но со вкусом. Пусть он будет первым, это даже и лучше. Кому-то же надо начать? Вот мы и начнем. Низкий такой обелиск... Нет, не обелиск. Гранитная плита в виде... в виде спинки от кровати... Нет, никакой вычурности. Простая плита, стоящая на ребре. На ней фарфоровая фотография отца и подпись. Надпись тоже простая: «Гурин Кузьма Сазонович. 1898—1929». И все. На обороте можно написать от кого.

«От любящих детей: Василия, Татьяны, Алексея». По возрасту. А что же мать? Надо и от нее: «От жены и любящих детей...» А разве мать нелюбящая? Как раз она-то и есть самая любящая. «От любящей жены Гуриной Анны Павловны и детей...» Теперь получается — дети нелюбящие? А зачем, собственно, выставлять напоказ свою любовь? Сооружение памятника — разве не выражение любви? Напишем просто:

«От жены и детей
Гуриной Анны Павловны
Василия
Татьяны
Алексея».

Вот так, в столбик и без никаких знаков препинания».

Гурин зрительно представил эту надпись на гладкой гранитной «спине» памятника, остался доволен, будто приобщился к вечности. Хотел было записать текст в блокнот, чтобы не забыть, похлопал себя по карманам — блокнота не оказалось, остался в пиджаке, но идти за ним в купе не захотел, решил так запомнить: текст-то простой...

У поезда Гурина встретила племянница Ольга, Татьянина дочь, с мужем Сергеем и шестилетней дочерью Светланкой. Ольга черноглазая, высокая, но, по мнению Гурина, ей неплохо было бы немножко пополнеть, а то тонка, как тростинка.

— Ты что же такая худая? — спросил он. — Муж не кормит?

— Сама ест, — отозвался Сергей и, подхватив гуринский чемодан, заспешил вперед, к машине.

— Ветер подует — переломишься, — пошутил Гурин.

Светланка, белобрысая, в отца, с бантом на голове, поглядывая на гостя с детским любопытством, ловила каждое его слово. «Шустра!» — Он привлек ее к себе, потрепал ласково за плечо.

— В школу еще не ходишь?

— Осенью пойду.

— Не дождешься, наверное? Хочется поскорее?..

— Не-е, — решительно сказала та. — Совсем не хочется.

Гурин от неожиданности даже остановился.

— Вот те на! Но учиться-то надо?

— Надо. А я и не отказываюсь: я буду учиться.

— И на том спасибо. — Увидел издали, как Сергей укладывал чемодан в багажник, спросил у Ольги:

— У вас своя машина?

— Откуда! Это Сергей у отца выпросил вас встретить. Обычно он ему не дает ее.

— Почему? Такой жадный у тебя свекор?

— Нет, он не жадный. Просто...

Светланка дернула мать за руку, недовольно предупредила:

— Мама-а!..

— Не буду, не буду, успокойся. — И засмеялась: — Защищает отца.

Гурин догадался, а потом и вспомнил, что когда-то сестра жаловалась ему в письме на зятя: пьет, — и не стал больше задавать вопросы.

Подошли к машине, он с трудом втиснулся на переднее сиденье старенького «Москвичонка», поехали. Дорогой поглядывал на Сергея, искал в нем признаки алкоголика и не находил: симпатичный парень, крепкий, красивое лицо. «А ведь пьет... Жаль... Очень быстро одряхлеет. Семью развалит. Жаль. Выберу момент, поговорю с ним...»

Мать стояла напротив своих ворот почти на середине дороги, нетерпеливо всматриваясь в даль улицы. Гурин заметил ее сразу, как только вывернули из-за поворота. Увидев машину, она всплеснула руками, зачем-то оглянулась на свой двор и медленно пошла навстречу. Чтобы не наехать на нее, Сергей вынужден был остановиться почти у Карповых ворот, заметив:

— Во, баба Нюра! И машины не боится!

Гурин невольно взглянул на Карпову хату, и жутью повеяло на него от нежилой пустоты этого дома: в радостный солнечный день видеть наглухо закрытые ворота, ставни на запорах и на всем появившиеся уже признаки запустения было неприятно. «Рядом и жить-то страшно...» — подумал Гурин.

Торопливо открыв дверцу, вышел из машины, обнял мать — седенькую, худенькую, с непокрытой головой, в длинном, обвисшем на усохшем теле платье, повел ее, обняв за плечи, во двор, дивясь про себя: «Как она постарела... И меньше стала...» Спросил:

— Что так исхудали? Харчей не хватает?

— Хватает!

— Болеете?

— Слава богу, нет. Просто, сынок, время пришло уже увядать мне...

— Ну-ну! Рано!

Неопределенного цвета кудлатый, злобный и трусливый песик, не вылезая из конуры, неистово лаял на Гурина, пока мать не прикрикнула на него:

— Да цыц ты! Звягучий какой! — И к сыну: — Это Карпов, мне оставили.

— А как он сам там?

— Карпо? Ничего. Привозил его тут как-то Никита. Ничего, повеселел. Невесткой доволен.

Пес перестал лаять, однако глаза его по-прежнему были злы, и он, не переставая, сердито рычал, готовый в любой момент броситься на гостя. Гурин на всякий случай обошел конуру.

— Не бойся: он только шумливый, а не кусачий, — сказала мать. В комнате спросила: — А ты што так неожиданно приехал? Да, хотя ты всегда приезжал неожиданно...

— Соскучился.

— Да и пора: четвертый год ведь не был на родине.

— Неужели четвертый? Время-то как летит!

— Не ждет,— согласилась мать.— Раздевайся, теперь ты дома.

— Дома!— Он раскинул руки, оглядывая комнату.— Дома!..

Вскоре пришла Татьяна, сестра Гурина, принесла тяжелую, набитую разной снедью сумку. Она с год как ушла на пенсию, но выглядела еще совсем молодо, бодро, голос веселый.

— А тебе пенсия, вижу, на пользу пошла!— сказал Гурин сестре, кивая на ее фигуру:— Гляди, как раздобрела!

— Теперь мне ветер в спину! Только и забот: Ивана накорми да поросенку вовремя вынеси.

— Держишь поросят?

— А как же? Мы сознательные: Продовольственную программу помогаем выполнять.

— Молодцы! А я уж думал, что ни свежатинки, ни колбаски домашней и попробовать не придется.

— Придется, попробуешь!— сказала сестра и стала выгружать на стол содержимое сумки, наказывая матери, куда что девать: — Это в погреб, это в чулан, а это на кухню — сейчас будем варить холодец. Это тоже на кухню — сделаем его любимой картошки на сале и с мясом. Это помидоры, на стол. Это тоже на стол, Иван купил, наш «Кристалл». Говорят, будто из антрацита делают. Да, думаю, болтают: разве можно из такого твердого камня выжать водку? А может, и научились уже...

Вечером, когда они остались вдвоем, мать спросила:

— Едешь куда или возвращаешься?

— Да нет же! Специально к вам.

— Надолго?

— На две недели.

— О!— обрадовалась она.— Хорошо!

— Завтра Алексей приедет.

— И Алеша?— Мать насторожилась.— Ты вызвал? Значит, дело какое-то затеваете?— Гурин кивнул.— Меня будете определять куда-то? Не надо, не трогайте меня с места: я ишо пока сама себя оброблею...

— Не беспокойтесь, мама: не тронем, пока сами не скажете. Мы же договорились: станет невмоготу — к кому хотите, ко мне или к Алексею, пожалуйста.

— Что же вы тогда затеяли? Крыльцо починить?

— Посмотрим, может, и починим.— Он решил пока ничего ей не говорить о своей «затее».— Просто давно не собирались вместе.

— Будем родню собирать? На какой день?

— Пока не будем... Вот приедет Алексей — решим...— Как бы между прочим спросил, окинув стены с увеличенными фотографиями:— А вроде ж была и отцова?

— Была...

— И что? Не сохранилась?— забеспокоился он.

— Должна быть целой: прибирала. Она совсем плохой стала: пожелтела, потрескалась. Черепица прохудилась, дождь пошел, промочил потолок, и на карточку попало. Сняла, хотела переснять отдать, да так и не отдала. Раньше по дворам ходили, спрашивали: не надо ли кого увеличить? А теперь самой надо ехать в город, искать, где там делают их, такие карточки. Не соберусь никак. Тяжелой на подъем стала. Да и боюсь я уже города: там суетня большая, машин много. Кого-то просить надо...

— Далеко спрятали? Найти можно?

— Сейчас, што ли? Поздно уже шукать. В чулане где-то, там все фотокарточки... Завтра найдем. Спать ложись.

— Не хочется. Пойду пороюсь, может, найду.

— Че так загорелось? Раньше и не вспоминал...

— Посмотреть. Забывать стал его лицо. Пойду. Там свет есть?

— Есть. Вспомнил отца, надо же... Сюда принеси, и я с тобой погляжу на него.— Вдогонку крикнула: — На полке, в картонной коробке смотри — там были.— Оставшись одна, продолжала раздумчиво: — Если не перехоронила куда... Память никудышная стала: как положу што на новое место, потом не вспомню и не найду, пока случайно не наткнусь.

На другой день утром приехал Алексей. Как всегда, быстрый, верткий, шумный, он вошел в дом с веселой прибауткой, на ходу успел незаметно дернуть за бантик Светланку, здороваясь, каждому отпускал какую-нибудь шутку. Под конец выдохнул громко, будто вынырнул из глубины, огляделся:

— Ну, со всеми поздоровался? Или еще кто остался?— пожаловался брату: — Еле вырвался. Как раз время такое... Пришлось врать, изворачиваться... А я ж не люблю это. С трудом на три дня отпустили. Что там у тебя, чего ты всполошился?

— Потом...— сказал Гурин.

Только после завтрака он решился собрать всех и открыть свои планы. Мать и Татьяна возились в летней кухне, Гурин послал за ними Светланку, наказав:

— Пусть все бросят и идут сюда.— И когда все собрались, он, ни на кого не глядя, начал: — Меня последнее время мучает совесть из-за отца. Мы совсем его забыли...

— А я его и не знал,— сказал Алексей.

— Тем не менее он был. Вот он.— Гурин поставил, прислонив к вазочке для цветов, пожелтевшую фотографию.— Это наш отец.

Татьяна спокойно ждала, что он скажет еще, а мать, высвободив из-под платка ухо, напряженно слушала, силилась понять, о чем идет речь, но пока ничего не понимала.

— Надо нам память о нем как-то оживить... Вспомнить и помнить всегда...— продолжил Гурин.

— У него что, день рождения? Круглая дата?— спросил Алексей.

— Нет... Наверное, нет...— Он посмотрел на мать, та молчала, и он сказал: — Не знаю... Но не в этом дело. Разве только по круглым датам надо помнить своих родных?

— Не понимаю, что ты хочешь... Говори толком,— сказал Алексей.

— Я хочу ему сделать памятник.

— Памятник?— Алексей криво усмехнулся.— Обнаружилось, что он что-то совершил?

— Перестань!— строго крикнул на брата Гурин.— Ничего не обнаружилось, кроме того, что он наш отец. Этого, думаю, достаточно, чтобы мы, дети его, чтили отца.

— Вспомнил! Кому это нужно?

— Это нужно мне, тебе! Детям нашим! Им вот!— Гурин указал на присмиревшую Светланку.— Что же мы живем, как Иваны, не помнящие родства? Из двух бабушек мы иногда вспоминаем одну, и то к слову когда. А из дедушек — ни об одном понятия не имеем. Отца своего совсем забыли. Так же и они нас будут «помнить»...— кивнул на Светлану.

— Это еще хорошо, если так...— сказал Алексей.— Моих дочек вон курсанты растащили по стране. Две аж на Дальнем Востоке. Для внуков ведь там уже их родина? Нужен им дед, которого они и видели-то всего несколько раз?

— Ну, и хорошо это?

— Но жизнь такая.

— При чем тут жизнь? Это мы такие — черствые, жесткие. «Материалистами» стали, духовное же растеряли и теперь ищем разные оправдания, на жизнь сваливаем. Раньше люди помнили своих предков до десятого колена.

— Какие люди? Аристократы? А простые люди — до этого им было?

— Но теперь-то до этого? Почему же аристократам можно было вести свое родословное древо, а простому человеку вроде это и ни к чему? Предки — это часть нашей родины. Притом бóльшая часть.

— Да все правильно, что ты меня агитируешь? Разве я против? Но жизнь у нас была суровой, не до этого было.

Мать оглянулась на Татьяну, спросила вполголоса:

— О чем они спорят? Никак не пойму...

— Вася хочет отцу памятник поставить,— сказала та громко ей прямо в ухо.

— Памятник? Кузьме?— удивилась мать, и глаза ее наполнились слезами.— А где ж вы его поставите? Во дворе? В саду, правда, можно...

— Почему во дворе?— недовольно заворчал Гурин.— На могиле.

— На могиле? А найдешь ты ее?

— Найду!— И, оживившись, он стал вспоминать: — Я как сейчас помню, где она. Тропкой надо пройти посередине кладбища, дойти до впадинки и свернуть налево наискосок, и вот она — на бугорке. В левом дальнем углу ее надо искать. Верно?

— Верно...— кивнула мать.— Да только теперь трудно шукать, там и погоста уже того сколько годов нету. Ликвидировали давно.

— Как ликвидировали?— вспыхнул Гурин.

— Сразу после войны еще. Объявили запрет, в центре города погост оказался, открыли новый. А на старом, сказали, тридцать лет ни хоронить, ни строить ничего нельзя. Кто хочет — может своих перенести. Кой-кто переносили. А мне не до того было: голод, разорение. Ты еще в армии служил, в Германии, Алеша учился в Киеве, а Таня то ли в школу ходила, то ли уже бросила учебу, работать пошла.

— Работала уже...— подсказала Татьяна.

— Да, работала. А кроме того, думалось: «Тридцать лет! Успею». Успею, успею, да так и по сю пору... Да там и переносить, наверно, уже нечего было — годов-то сколько прошло.

— Н-да...— только и сказал Гурин. Подумав с минуту, встал, обратился к Алексею: — Пойдем посмотрим?

— Куда?

— На кладбище.

Тот молча повиновался.

Подойдя к месту бывшего кладбища, Гурин остановился, прикидывая, куда идти. Канавки, которая когда-то вместо ограды окаймляла «вечный покой», не оказалось, вместо нее в обе стороны тянулась накатанная асфальтированная дорога. За дорогой веселые домики с палисадниками. Присмотревшись, он увидел между ними проулок, кивнул брату, и они пошли по этому проулку дальше.

— Странный народ,— покрутил головой Гурин.— На кладбище живут.

За огородами начинался пустырь, Гурин приободрился, прибавил шагу и вдруг остановился:

— Вот эта лощина! Я же помню! От нее теперь надо идти вверх по диагонали. И вон за теми акациями будет могила отца.

— Тут от могил уже никаких и следов не осталось,— сказал Алексей.

— Я тебе точно покажу, где она!

Но не успели они сделать и десятка шагов, как за пыльными ветками старых акаций замаячило какое-то красное строение. Вышли за посадку и увидели длинный двухэтажный кирпичный жилой дом. Гурин сразу почувствовал усталость, покрылся испариной, остановился, поискал, на что бы присесть, и, не найдя ничего подходящего, прислонился плечом к шершавому стволу акации.

— Ну, что?— подошел к нему Алексей.

— Опоздали...— сказал Гурин.— Вон там, под этим домом...

Долго молчали, наконец Алексей спросил:

— И что теперь?.. Пойдем домой?

Гурин не ответил, смотрел, потупясь, в землю. Наконец поднял голову:

— Ну, а... Символический перенос праха можно же сделать? Взять отсюда сколько-то земли и захоронить ее на новом кладбище. И там поставить памятник, оградку? А? Можно так?— наступал Гурин на брата.

— Можно,— сказал Алексей.— Все можно... Только...

— Ну, так давай сделаем?

— Давай...

...Обратно в Москву Гурин ехал один в купе, и это было как нельзя кстати. Настроение у него было паршивое, удовлетворения от содеянного он не ощущал. А тут еще вагон попался какой-то разболтанный, и купе оказалось как раз над колесной парой, и под полом так громыхало, так било на стыках, что он с трудом удерживался на диване. Где-то за Курском полотно дороги пошло ровнее, удары прекратились, и он решил уснуть. Но мысли снова и снова возвращались в родной дом, к матери. «Добро ли сделали?— мучился он вопросом.— Или только людей насмешили — землю захоронили?.. А мать обрадовалась... Но чему? Увидела оградку, сказала: «Ой, как красиво! Вот теперь я буду знать, где мое место: меня в этой оградке похороните...— И не совсем уверенно добавила: — Рядом с Кузьмой...» Скорее всего хотела поддержать нашу затею: ведь она хорошо знает, что никакого Кузьмы там нет...»

А под полом вагона бесконечно шуршало и на стыках рельсов как-то четко выговаривалось: «Опоз-дал... опоз-дал... опоз-дал...» —

И это в центре Москвы?!

Юрий **ОСИПОВ**

ФЕЛЬЕТОН

Ну кто, скажите, откажется поплавать в теплом бассейне под открытым небом, безо всяких там дорожек и ограничений, словно в огромном озере, чудом перенесенном в самый центр столицы?!

Право, удовольствие незабываемое, а для многочисленных приезжих еще и своеобразная память о Москве, одна из ее прославленных достопримечательностей.

Вот и старый чабан Байрам Джабаглы, прокаленный неистовым солнцем пустыни, прибыв впервые в жизни в стольный град, при виде дымящейся голубой чаши бассейна «Москва» чуть не выронил из натруженных ладоней гумовские покупки и бегом устремился к кассам.

«Внукам расскажу, как на старости лет изведал в столице эту райскую прелесть»,— бормотал он, пристраиваясь в хвост длинной очереди за билетами.

Но не тут-то было. Отстоял старик Байрам час, отстоял два, а вожделенного билета в бассейн так и не дождался. Вечерний холод начал пробирать не защищенное привычной буркой тело старого чабана, и острый взгляд его напрасно шарил по сторонам в поисках какой-нибудь скамейки, чтобы дать отдых уставшим ногам.

Над водой тем временем вспыхнули яркие фонари, заиграла веселая музыка. В такт ей живее задвигались в клубах пара разноцветные резиновые шапочки на головах купающихся, зазвучали бодрые возгласы, смех. Однако крохотное окошечко кассы, осчастливив очередную группу желающих, вновь захлопывалось.

«Мираж!» — сокрушенно вздохнул Байрам Джабаглы, покидая Кропоткинскую. И отбыл домой, так и не окунувшись в бассейне «Москва».

Тринадцатилетний сын моего приятеля Шурик мог бы поделиться с седым аксакалом богатым опытом по этой части.

Каждое воскресенье, еще затемно, в дождь и в снег, невзирая на слезные уговоры родителей, спешит он к электричке, чтобы успеть взять билет на первый утренний сеанс в бассейн. Приедешь на полчаса позже — проторчишь у касс до посинения, либо старшие ребята вообще вытолкнут из очереди...

Не говоря уже о спортзале, укрыться от непогоды здесь негде, перекусить или хотя бы выпить после бассейна чашку горячего кофе — тоже. На улице приходится ожидать и начала сеанса, поскольку рассчитанный на 250 человек павильон обладает малой пропускной способностью и не может принять очередных посетителей, пока в нем находятся те, чье время истекает.

Куда как неуютно, неудобно. И все же тысячи школьников и взрослых из Бирюлева, Свиблова, Медведкова и прочих дальних районов города и области, тем более из центра Москвы,— постоянные гости на Кропоткинской.

Да и как не понять Шурика и его сверстников, если даже знаменитые канадские профессионалы чуть ли не каждый день приходили сюда — до того понравилось им плавать на воздухе в двадцатиградусный мороз...

Медикам давно уже известны высокие показатели здоровья, которые присущи только открытым бассейнам. Тут и контрастное закаливание, сокращающее острую респираторную заболеваемость (ОРЗ) в три с половиной раза, и активный двигательный режим, и гидромассаж кожи, и, наконец, особые положительные эмоции. Все вместе это увеличивает продолжительность жизни людей, регулярно посещающих открытый бассейн.

У кого ныне возникнет сомнение в том, что бассейн «Москва» нужен? Прямо-таки необходим! По масштабам массово-оздоровительного плавания второго такого у нас в стране нет. За 22 года его посетило около 60 миллионов человек. До 14 тысяч человек бывают в нем ежедневно, 10 тысяч школьников ежегодно обучаются здесь плаванию под руководством опытных тренеров.

Не правда ли, впечатляющие цифры? А уникальные специализированные группы малышей, которые ведет главврач бассейна «Москва» В. А. Гутерман? Его же ветераны, «моржи»... В часы их занятий у ограды павильонов всегда собирается много зрителей.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» 20 тысяч москвичей проходят здесь за год подготовку к сдаче нормативов комплекса ГТО по плаванию.

Зимой и летом, осенью и весной бесперебойно работает бассейн «Москва» на наше здоровье. И приносит немалую прибыль — почти полмиллиона рублей в год. Они идут на развитие московского спорта. Однако пора подумать и о собственных насущных нуждах бассейна.

Теснота — первое, что бросается в глаза, хотя это еще не главная беда бассейна. И все же представьте себе, к примеру, такую (пусть даже весьма редкую!) картину. Кому-то в воде вдруг стало плохо — случайно захлебнулся человек или ненароком ушибся о дно. Чего не бывает!.. Бдительные спасатели тут же доставят его в медпункт. А медпункт в каждом павильоне заменяет узкий простенок при служебном и фактически единственном, если не считать водного, выходе на бортик. Вот и хлопочут врач с сестрой над пострадавшим, поминутно задевая снующих мимо людей. Согласитесь, не очень-то подходящая обстановка для оказания первой помощи...

Немало воды сменилось в бассейне «Москва» за двадцать с лишним лет. Изменились и санитарные нормы содержания павильонов, требования по обслуживанию посетителей. А они, бедные, по-прежнему наступают друг дружке на ноги в раздевалках, бочком втискиваются в душевые, которые сегодня в два с половиной раза меньше, чем положено.

Не надо быть специалистом, чтобы с одного взгляда определить временный характер практически всех сооружений на территории бассейна (из чего, кстати, никогда не делалось секрета). Ну как здесь не вспомнить старое изречение: нет ничего более постоянного, нежели временное. И остается лишь дивиться тому, что все эти конструкции, разъедаемые конденсатом, испытывающие резкую смену температур, еще держатся.

— Косметический и восстановительный ремонт кое-как выручает,— грустно поясняет директор бассейна «Москва» Н. В. Портнов.— Ежегодно тратим на него до 100 тысяч рублей. Однако, как ни стараемся, фасады и перекрытия зданий неотвратимо приходят в негодность. Под действием воды и хлора постоянно отслаивается плиточное покрытие дна бассейна, нередко вызывая у посетителей порезы ног, рук, грудной клетки, головы. Двухмесячный ремонт дна в июле—августе с закрытием бассейна дает, увы, только кратковременный эффект.

Давно истек амортизационный срок эксплуатации технологических трубопроводов, энергетических коммуникаций и оборудования. Ночью аварийные бригады спускаются в многокилометровые подземные лабиринты и лихорадочно латают живую ржавчину, чтобы наутро бассейн смог, как обычно, принять посетителей.

Ей-богу, жалко сил и денег, которые вбухиваем в этот крайне дорогостоящий ползучий ремонт, напоминающий пресловутый Тришкин кафтан! Как ни крутись, а нужна реконструкция! Только она способна решить наши проблемы...

Реконструкция, по предварительным прикидкам, потребует трех с половиной миллионов рублей. Сумма, конечно, значительная. Однако нескончаемый восстановительный ремонт уже на две трети выбрал ее и через пару лет выберет до конца. А толку— чуть.

Слышатся голоса в пользу доморощенного капитального ремонта, хотя совершенно очевидно, что он дела не спасет. Ведь изношенные конструкции, усиляй не усиляй, останутся морально устаревшими. Перепланированные павильоны не прибавят ни одного квадратного метра (а они-то, метры, как раз и нужны позарез!).

В пользу реконструкции «голосуют» прежде всего 13 тысяч квадратных метров площади зеркала «Москвы», равной почти 10 пятидесятиметровым бассейнам! Возвести их гораздо накладнее, чем реконструировать один этот гигант, притом что острая нужда в плавательных бассейнах у нас, как мы знаем, не отпала.

После реконструкции будут ликвидированы вынужденные получасовые перерывы между сеансами и общее время так называемой «мертвой воды», когда в секторах нет купающихся. За счет этих дополнительных пяти часов в бассейне смогут ежедневно укреплять свое здоровье еще около 6 тысяч москвичей и гостей столицы. Возросшая же прибыль позволит быстро окупить все затраты на реконструкцию, тем более что ее поведут прямо «на ходу», поочередно закрывая только переоборудуемые павильоны. Таким образом, поступление средств в государственный бюджет не прекратится.

...Листаю печальную летопись борьбы за реконструкцию бассейна «Москва». Докладные записки, справки, проекты, долгие годы пролежавшие без движения в различных инстанциях.

Спорткомитет Москвы обращается к Моссовету с просьбой рассмотреть вопрос о реконструкции главного бассейна столицы. Моссовет эту просьбу поддерживает и входит с соответствующим предложением в Совет Министров СССР. 16 июля 1981 года предложение о реконструкции бассейна в XI пятилетке поступает в Госплан СССР товарищу В. Я. Исаеву и... остается без ответа.

18 декабря 1981 года вторичное письмо Моссовета за подписью В. Ф. Промыслова проделывает тот же путь. На сей раз ответ есть. Предлагается перенести рассмотрение вопроса о реконструкции бассейна «Москва» на XII пятилетку.

Пока же Тришкин кафтан бассейна «Москва» продолжает вылетать государству в большую копеечку. Распыляются попусту средства, растет нравственный урон, который мы при этом несем. Однако кое-кого из ответственных товарищей, боящихся брать на себя бремя ответственности, такое положение дел, по-видимому, мало заботит. Прибыль есть, и ладно! Авось справятся...

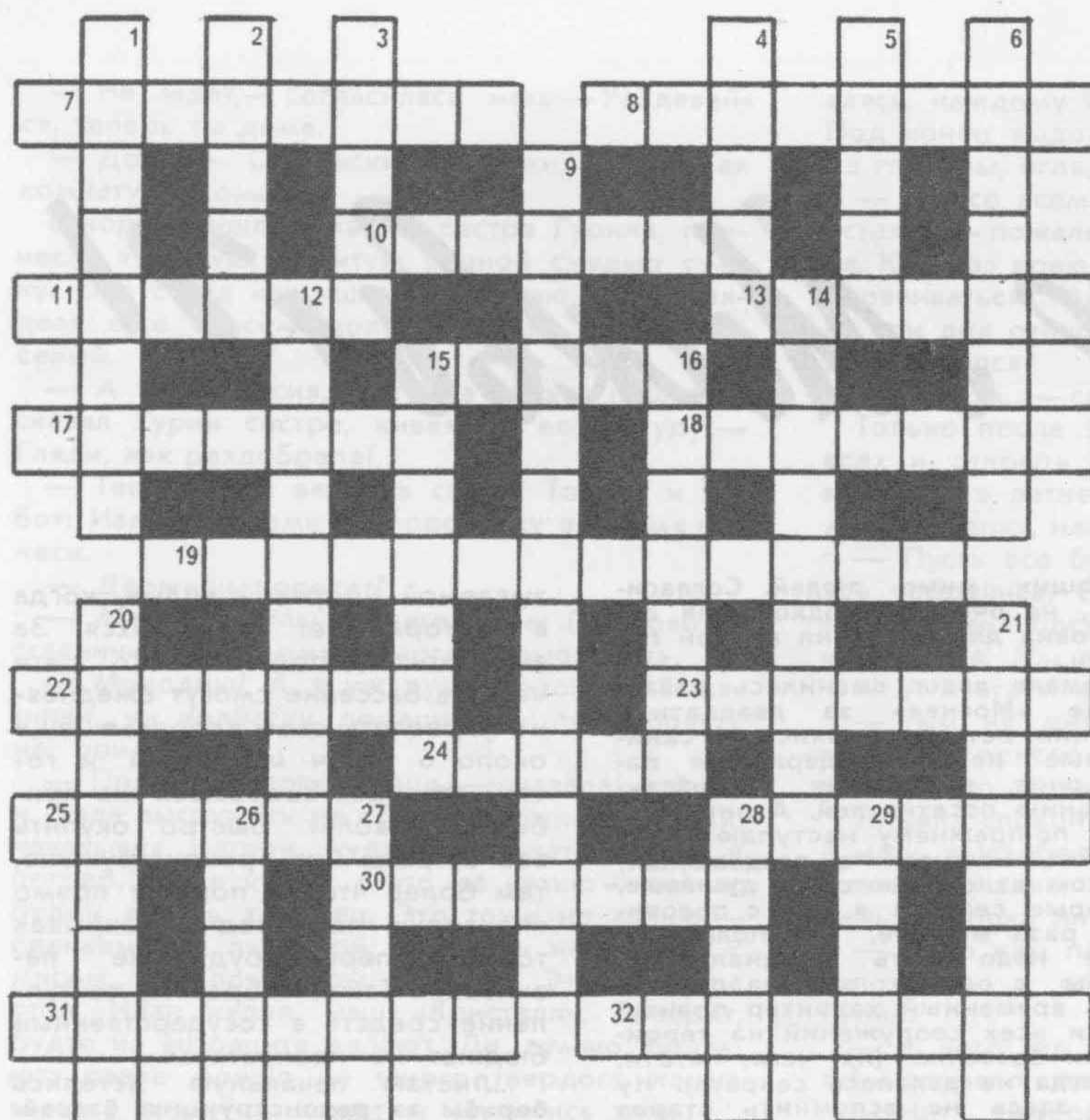
Некоторые надежды возродились было в конце минувшего года. По поручению горкома партии на Кропоткинскую прибыла авторитетная комиссия ГлавАПУ г. Москвы. Возглавлял ее заместитель начальника Главного архитектурно-планировочного управления столицы Ю. А. Дыховичный.

Ознакомилась комиссия с состоянием бассейна и вынесла довольно странное заключение, склоняясь в пользу капитального ремонта на том, дескать, основании, что «предложения о серьезной реконструкции бассейна с целью приведения его в соответствие с сегодняшними нормативными требованиями в задачу комиссии не входят».

Вот ведь как получается. Реконструкция на три с половиной миллиона, в необходимости которой не сомневается и сам товарищ Дыховичный (я присутствовал на его итоговом докладе), «не входит», а явно бесполезный капремонт стоимостью два миллиона рублей — «входит».

Где, спрашивается, логика?..

Много у бассейна «Москва» начальников, хватает и опекунов, охочих до его прибыли, но рачительного, по-настоящему заботливого хозяина, увы, что-то не видно. Трудно, казалось бы, упрекать Спорткомитет Москвы, Моссовет, другие инстанции. На словах все «за», на деле же никто не хочет брать на себя ответственность и принимать кардинальное решение о реконструкции. А любимый бассейн москвичей вступает в новый год все в том же плачевном состоянии.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Цикличный ускоритель электронов. 8. Действующее лицо комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 10. Газетно-журнальный жанр. 11. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Иоланта». 13. Плодовое дерево. 15. Щит, стойка для размещения экспонатов. 17. Академический хореографический ансамбль. 18. Рассказ А. П. Чехова. 19. Раздел физики. 22. Полевой чертежный столик. 23. Командная спортивная игра с мячом. 24. Музыкальная форма. 25. Французский философ, математик, физик и физиолог XVII века. 28. Город в Рязанской области. 30. Народный писатель Удмуртии. 31. Наука о законах наследственности и изменчивости организмов. 32. Режиссер и актер, народный артист СССР.

По вертикали: 1. Русская мера веса. 2. Опера Л. Делиба. 3. Немецкий писатель, режиссер, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 4. Картина Рембрандта. 5. Дипломатический представитель. 6. Широкая замкнутая цепь в ходу трактора, танка. 9. Люди, профессионально занимающиеся умственным трудом, развитием культуры. 12. Вместилище для хранения жидкостей, газов. 14. Гроссмейстер, экс-чемпион мира. 15. Сказка М. Горького. 16. Центр штата в Мексике. 20. Герой Куликовской битвы. 21. Химический элемент, металл. 26. Марка советского транспортного самолета. 27. Непарнокопытное животное, обитающее в Юго-Восточной Азии, Центральной и Южной Америке. 28. Река, соединяющая Онежское и Ладожское озера. 29. Пространство внутри корпуса судна, ограниченное непроницаемыми переборками.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 7. Леонора. 8. Углевод. 9. Климовичи. 10. Одоевский. 12. Остроумов. 14. Матрена. 15. Вербена. 16. Комбинаторика. 19. Кабинет. 21. Крохаль. 22. «Красавица». 25. Пропорция. 26. Чемпионат. 27. Титанит. 28. Инкассо.

По вертикали: 1. Гелиограф. 2. Анион. 3. Камчатка. 4. Курдюмов. 5. «Нервы». 6. Тосканини. 11. Добржанская. 12. Олекминск. 13. Вершигора. 17. Санаторий. 18. Альпинист. 20. «Травиата». 21. Критерий. 23. Горал. 24. «Кивач».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Полный кавалер ордена Трудовой Славы, бригадир комплексной бригады, токарь московского завода «Компрессор» Виктор Лунев. (См. в номере материал «Три ступени славы».)

Фото М. Савина и И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В зимнем лесу.
Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33. Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 10.1.83. Подписано к печати 25.1.83. А 00614.
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 334. Заказ № 3672.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

М. П. Антиосов и В. И. Киров среди юных спортсменов.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото А. БОЧИНИНА

Вряд ли есть в стране другой город с таким количеством приверженцев горных лыж. А ведь речь идет не о спортивно-туристском Давосе, а о сугубо промышленном городе Кировске с его могучим и всемирно знаменитым комбинатом «Апатит». Вот и директор комбината Герой Социалистического Труда Г. А. Голованов однажды на встрече с избирателями сказал, что Кировск славится своим горнолыжным комплексом. И это так.

Вся история развития отечественного горнолыжного спорта более всего связана с этим городом. Район гористой хибинской тундры, окружающей его, был по достоинству оценен спортсменами еще полвека назад. Горы с мягкими очертаниями вершин, переходящих нередко в обширные плато. Склоны, отлого спускающиеся в широкие долины. Крутизна на все вкусы и требования. В общем, прекрасные условия для применения горнолыжной техники во всем ее многообразии. И еще: снег лежит здесь восемь месяцев в году. Неудивительно, что первый чемпионат СССР по скоростному спуску был проведен именно в Кировске в 1937 году.

Целая шеренга чемпионов вышла в мир большого спорта именно отсюда, со склонов главной горы Кировска — Айкуайвенчорр: Н. Пешев, С. Иванов, Б. Кузнецов, А. Васильева, В. Румянцев, В. Панов, Вячеслав и Василий Мельниковы. А Владимир и Надежда Андреевы добились признания и известности и на знаменитых альпийских трассах. Их успех — это прежде всего достижение кировской горнолыжной школы, ее традиций.

Горнолыжная страсть волной катилась по стране, к югу и к востоку. Трассы и подъемники сооружались на Урале и Алтае, Кавказе, Тянь-Шане, в Сибири, на Дальнем Востоке. Новые спортшколы зачастую быстро становились известными, выдвигая своих воспитанников в ряды сильнейших, но Кировск неизменно продолжал поставлять отчаянных юнцов и девчушек в сборную команду страны.

Однако любую традицию надо поддерживать и развивать, и вот горнолыжные проблемы выносятся в Кировске на заседания облисполкома и горкома партии.

На одном из небольших и спокойных склонов оборудован детский горнолыжный стадион. Подъемничек, раздевалка, лыжехранилище и... теплушка для родителей — детишек нужно проводить и встретить. Это Кировск.

На склонах Айкуайвенчорр по выходным дням действует оперативный отряд горкома комсомола. Основные задачи отряда — оказание помощи инструкторам, обеспечение порядка, а значит, и безопасности на трассе и подъемниках, организация массовых спортивных соревнований. Это тоже Кировск.

Не слышал, чтобы где-либо еще проводили общегородские соревнования под девизом: «Папа, мама и я — горнолыжная семья». Причем первые же такие соревнования по количеству участников превзошли все ожидания, на старт вышло более 100 семей.

На протяжении вот уже нескольких лет воспитанников горнолыжных спортшкол — а их в городе три — не знает милиция. А факт этот ощутимо влияет на жизнь всего города, ведь увлечение горными лыжами здесь массовое. И среди взрослых, разумеется, также. Специалисты утверждают, что с каждым годом количество любителей скоростных трасс быстро увеличивается, причем в значительной степени за счет рабочих комбината «Апатит».

В Кировске и система дошкольного воспитания детей в последнее время стала приобретать горнолыжный уклон. Разумеется, самим детсадовским работникам такое дело не по плечу. Его взяли в свои руки тренеры комплексной учебно-спортивной базы Спорткомитета РСФСР, а вслед за ними и спортшколы «Трудовых резервов».

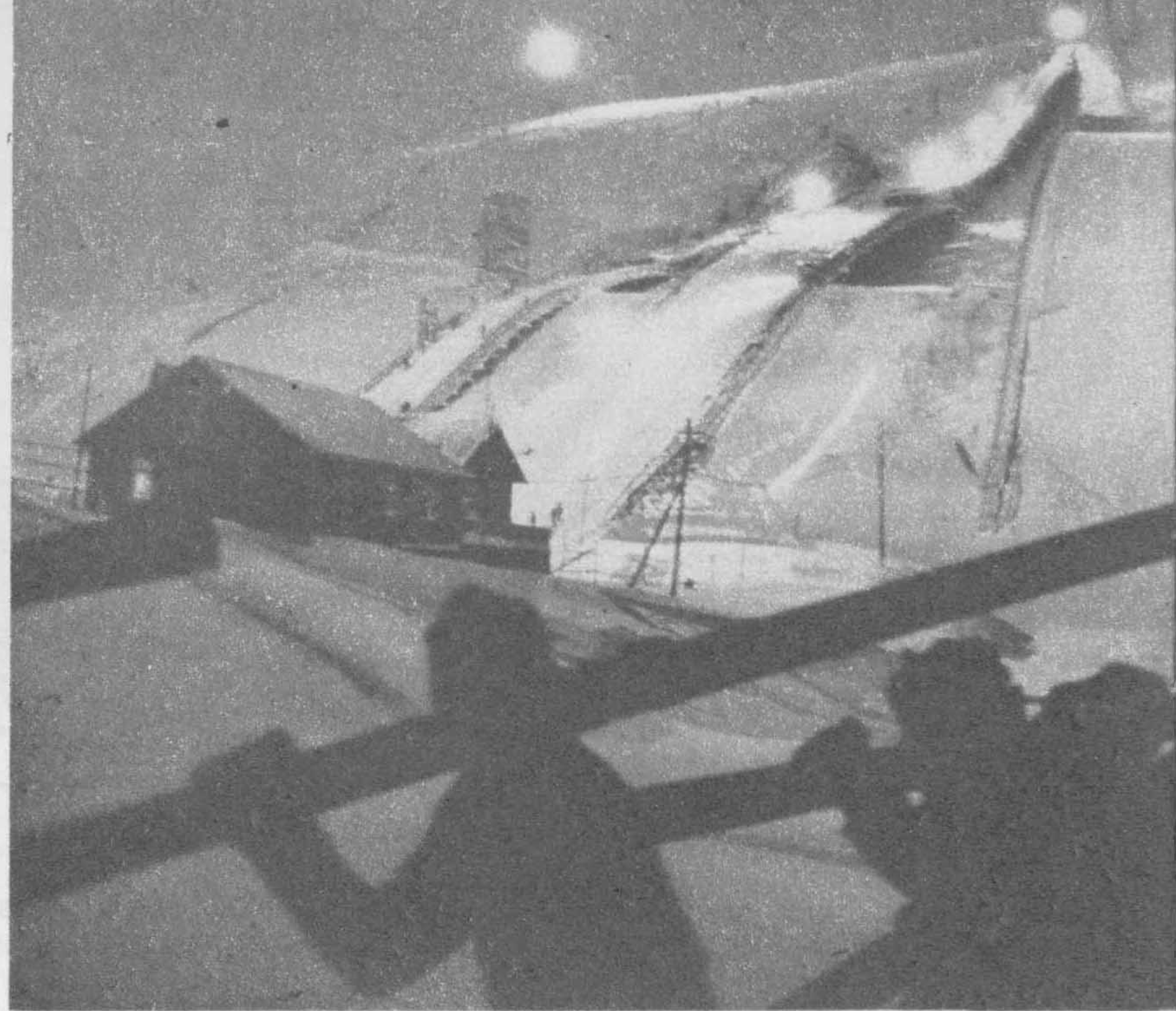
ЗАПОЛЯ

Снежное раздолье.

РНЫЙ СЛАЛОМ

Подъем на трассу.

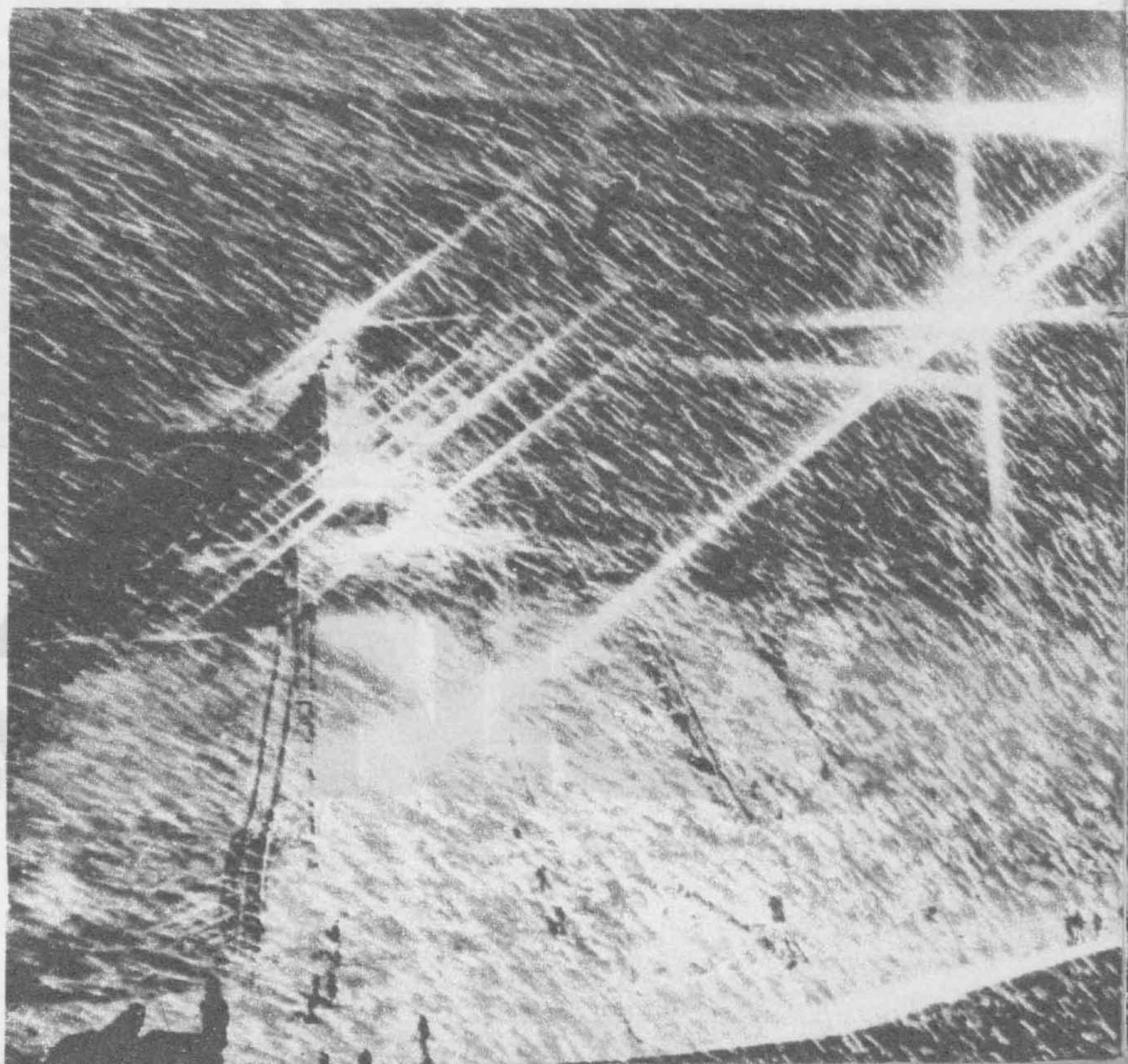

Гора Айкуайвенчорр.

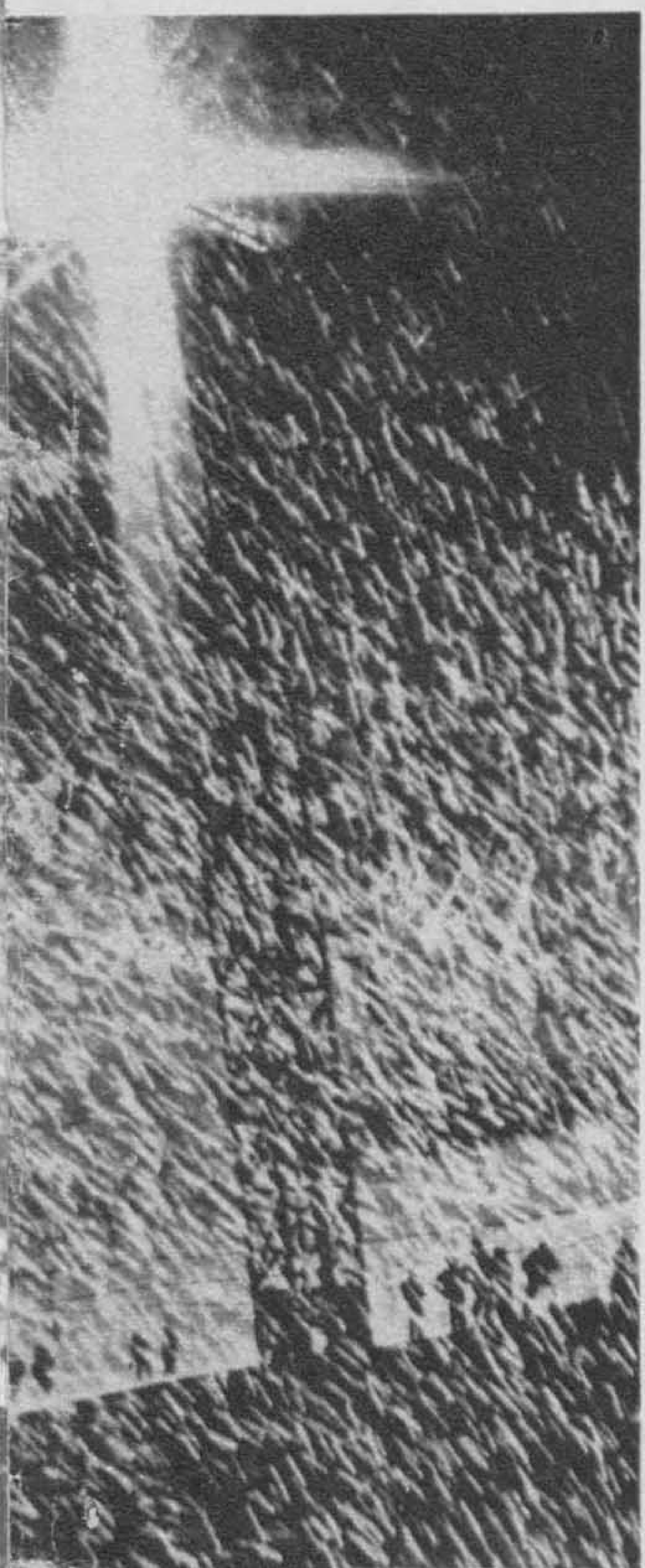

Тренер самых маленьких Т. А. Комарова.

На горе опять пурга.

Однако пора нам приоткрыть некоторые тайны, и, в частности, рассказать о «меценатстве» Василия Ивановича Кирова. Согласимся, что если сам председатель горисполкома по выходным катается с горы, то увлечение такого жителя города интересам горнолыжного спорта вряд ли принесет ущерб. Однако справедливости ради добавим, что свой первый спуск председатель совершил всего три года назад. Уговорили: «Как же так, Василий Иванович, столько вы для спортсменов сделали, а сами...» Ну, и поехал.

«Главное—приобщить к горным лыжам как можно больше людей, сделать их здоровыми, увлеченными» — так считает Киров. Спасибо ему. Но одних добрых намерений мало. И чтобы в этом убедиться, достаточно послушать другого энтузиаста слалома, Михаила Петровича Антиосова, директора комплексной учебно-спортивной базы Спорткомитета РСФСР. Ленинградец. Некогда один из сильнейших горнолыжников страны. После окончания пединститута поехал в Горно-Алтайск, где организовал крупную спортшколу. И всюду Антиосова отличала легкая рука на классных спортсменов. В 1973 году он приехал в Кировск возглавить тренерский коллектив республиканской базы, а четыре года назад был назначен ее директором.

Вспоминаю Кировск одиннадцатилетней давности. Фактически единственный тогда подъемник на Айкуайвенчорр — буксировочный, тысячеметровой длины. И стометровую очередь туристов-горнолыжников, приехавших из разных городов страны. Теперь таких подъемников здесь восемь. Да еще один, канатно-кресельный, полуторакилометровый. Но и этого явно недостаточно ни для спортсменов, ни для туристов — так возросла популярность горных лыж. И несмотря на это, в штатном расписании республиканской базы не предусмотрено ни одного спасателя. Приходится хитрить, переквалифицировать в спасателей тех, кто числится, скажем, механиками по обслуживанию канатных дорог. Хорошо, что есть ребята безотказные, знающие и ту и другую работу.

В последнее время советские горнолыжники добились немалых успехов на международной арене. Наконец-то их фамилии стали появляться в верхних строчках итоговых протоколов самых популярных горнолыжных соревнований. Однако в минувшем сезоне это стремительное восхождение было резко приостановлено. Ясно одно: нужно серьезное пополнение в сборную команду. Кировск, как уже говорилось, всегда являл горнолыжному миру новые имена. Однако для роста, для оттачивания мастерства нужны условия, отвечающие требованиям времени. Прежде всего необходимы такие же трассы, на которых тренируются и соревнуются сильнейшие зарубежные спортсмены. В Кировске эти условия создать пока не удается. Отсюда и техника кировчан, ювелирнейшая горнолыжная техника, заведомо не та.

Хорошо, что горнолыжный спорт в Кировске — в руках умных и преданных делу энтузиастов, но им нужна серьезная помощь. Нужна для массового спорта и для того, который принято называть большим. Ведь тот и другой неотделимы.

Чемпион детсада Митя Обухов.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663